

Комитет по образованию

Государственное бюджетное
нетиповое образовательное учреждение
«Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных»

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на региональной олимпиаде по краеведению
(8–11 классы)
2022–2023 года

ВЫПУСК 31

Санкт-Петербург
2023

Серия основана в 1991 году

Авторы-составители: И. Г. Васильева, Е. Э. Новикова

Под общей редакцией:
И. В. Ваганова
С. Д. Мангутовой

Автор предисловия:
И. В. Ваганов

Компьютерная вёрстка: И. В. Петров

Наследники великого города : фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на региональной олимпиаде по краеведению (8–11 классы) в 2022-2023 году. – СПб. : ГДТЮ, 2023. – Вып. 31. – 156 с.

- © Государственное бюджетное нетиповое образовательное учреждение «Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных», 2023
- © Авторы публикаций, 2023
- © Валентин Лебедев, обложка, 1996

ISBN 978-5-905853-81-4

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
------------------------------	----------

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Белкина Дарья. Блокадные будни хранителя музея (по материалам блокадного дневника старшего инспектора учета и хранения Эрмитажа Н. Г. Шпринцин)	9
Исаев Максим. «Я не геройствовала, а жила...» (Судьба Беляевой Риммы Александровны. По материалам Музея педагогической памяти)	13
Кляцко Мария. «В моей жизни было две любви – музыка и дети» (Блокадные страницы М. Л. Гольденштейн)	21
Куклева Надежда. Мои предки Петербурги в годы Великой Отечественной войны.	28
Бирюкова Полина. Блокада Ленинграда глазами Марии Сергеевны Коноплёвой	36

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Белобородова Елизавета. По следам шамана Ивана Ивигина	44
Чернышева Валерия. Имя на карте. Анатолий Павлович Князев.	54
Мокшанихина Анастасия. Человек размером с вечность. Вадим Знаменов.	60
Модзеров Григорий. «Безгранично преданный науке» (история жизни Александра Альфонсовича Гроссгейма)	71

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГА

Данченко Елизавета. Петербургский архитектор Антонин Сергеевич Лыткин, или Имя, затерянное в прошлом.	79
Колесникова Александра. «В шаге от славы»	85
Дейдей Мария. Четыре поколения семьи Крестовских в истории и культуре Петербурга	97
Загашева Василина. Глиняная посуда эпох неолита – раннего металла стоянки Подолье-3 (Южное Приладожье)	107
Бабенко Дмитрий, Островной Данила. Аспидная доска фабрики Макса Михельсона	115

РОДОСЛОВНЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Иванова Марфа. Мой прадед Анатолий Гаврилович Усанкин – герой обороны Ленинграда. История одного ордена	123
Гачкова Мария. История моей семьи. Буй – Санкт-Петербург	135

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа XI Региональной олимпиады по краеведению (8–11 классы) Апрель 2022 года	144
Программа XII Региональной олимпиады по краеведению (8–11 классы) Апрель 2023 года	149

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Ольга Семеновна Острой, искусствовед, научный сотрудник Российской Национальной библиотеки, когда-то писала: «Три имени возглавляют когорту исследователей Петербурга: В. Я. Курбатов, Н. П. Анциферов, П. Н. Столпянский. Первый более всего увлекался описанием художественных сокровищ города, второй – его поэтической аурой, третий был глашатаем исторического факта. Все они начинали на рубеже XIX–XX вв. Однако и до, и после существовала литература, главным героем, которого был Петербург». Именно от их творчества и пролегла удивительная тропинка в наши с вами дни. А Вы никогда не задумывались над тем, сколько прекрасных тонких научных и популярных работ посвящено Санкт-Петербургу? Только более 700 исследований, и только талантливых начинающих краеведов, Ваших, мои дорогие друзья – юные петербуржцы, ровесников, опубликовано, начиная с 1993 г., в ежегодных сборниках конференций, до сих пор проходящих в стенах Аничкова дворца. Другому ленинградскому – петербургскому исследователю, историку и краеведу, Григорию Самуиловичу Усыскину, принадлежит самое верное имя, когда-либо произнесенное в Ваш адрес, юные пытливые исследователи, – «Наследники Великого города».

В данный, 31-й выпуск сборника «Наследники Великого города» вошли самые глубокие и интересные работы участников XI и XII Региональной олимпиады по краеведению, состоявшихся в 2022 и 2023 гг. Они основаны на широком круге исторических источников, опубликованных и практически недоступных неопубликованных, происходящих из личных архивов.

Среди исследовательских работ, посвященных малоизвестным и забытым страницам Великой Отечественной войны и Блокады Ленинграда, в сборнике опубликованы Дарья Белкина, Максим Исаев, Мария Кляцко, Надежда Куклева, Полина Бирюкова. По мнению компетентного жюри, они внесли ощутимый вклад в разработку темы и впервые ввели в научный оборот новые источники личного характера.

Раздел «Имя в истории города» пополнился до сего времени почти не известными в силу разных причин деятелями науки и искусства. Достаточно уникальные сведения содержит работа Елизаветы Белобородовой, слушательницы клуба «Петрополь», о тунгусском шамане Иване Ивигине, участнике съёмок фильма «Мститель» на киностудии Ленфильм, посвященного культуре эвенков и их взаимоотношениях с утверждающейся Советской Властью в Восточной Сибири. Совершенно по-другому зазвучало имя, известное каж-

дому петербургскому краеведу, Вадима Валентиновича Знаменова, в работе, вышедшей из-под пера Мокшанихиной Анастасии.

В разделе «Культурное наследие Петербурга» каждая публикация является маленьким шедевром. Одни из них акцентируют внимание на именах забытого архитектора Петербурга А. С. Лыткина, страницах биографии актрисы, преподавателя и режиссера Е. К. Лепковской. Но, на мой взгляд, особо следует отметить следующие работы. Исследование Марии Дейдей, выпускницы Юношеского Университета Петербурга, посвящено творческой династии петербургской семьи Крестовских, из которой вышли – блестящий писатель, журналист и публицист, предвосхитивший собой и Ф. М. Достоевского, и А. М. Горького, и В. А. Гиляровского, реставратор, скульптор-оформитель, житель блокадного Ленинграда. Оно выполнено в достаточно редком для современных молодых исследователей жанре – обобщении: она собрала воедино большинство известных на данный момент опубликованных источников, приобщила ряд личных, вышедших в изданиях последних лет. Мария Дейдей была отмечена членами жюри «Пушкинского проекта» как «начинающий источниковед, склонный к обобщению».

Нельзя пройти мимо статьи Василины Загашевой. Это единственная работа, посвященная не просто доурбанистическому периоду истории нашего края, а начальному этапу заселения наиболее древнего района – южного Приладожья. Она основана на обобщении археологических источников, полученных в результате кропотливых раскопок под руководством талантливого педагога, археолога – Т.М. Гусенцовой.

Последний раздел данного сборника – «Родословные петербургских школьников» – всегда вызывает неподдельный интерес. Вспоминается фраза Шерлока Холмса в исполнении Василия Ливанова из кинофильма «Собака Баскервилей» киностудии Ленфильм: «Вот так начнешь изучать фамильные портреты...». Все, представленные здесь работы, основаны на уникальных источниках личного происхождения и впервые введены в научный оборот. Следует отметить исследование слушательницы клуба «Петрополь» Марии Гачковой, посвященной исследованию истории и происхождению своей семьи в разных ее ветвях. Однако исследовательская работа привела к более глубоким выводам о социально-экономических связях Петербурга и Костромской губернии, что также было отмечено членами жюри «Пушкинского проекта».

Подводя итоги обзору 31-го выпуска сборника «Наследники Великого города», хочется отметить разнообразие тематических докладов, основанных на скрупулезном анализе источниковой базы и историографии. Следует отметить, что современный юный исследователь находится в более выигрышном положении по сравнению

ПРЕДИСЛОВИЕ

со своим ровесником начала 1990-х гг.: в наше время большое количество архивных материалов по различным историческим периодам являются опубликованными, а сами архивы – более доступными для учащихся средних образовательных учреждений. Вместе с тем хотелось бы высказать сожаление, что большинство работ обращено к эпохе к. XIX–XX вв., которые, безусловно, являются насыщенными различными по своему качеству и содержанию событиями и явлениями. Но при этом очень мало исследований посвящено веку XVIII или XIX, не говоря уже о «Петербурге до Петербурга». При этом выступления юных исследователей на историко-краеведческих конференциях в Аничковом дворце, начиная с 1991 г., показывают непрерывность развития историко-социальных процессов в регионе, в котором возник и живет Петербург сегодня.

Предисловие хотелось бы закончить словами нашего соотечественника и современника, писателя Валерия Ивановича Заворотного: «Жить в «живом» городе – это как жить в квартире, где постоянно с тобой память о близких тебе людях – пусть и давно умерших... Живой город – это город, в котором рядом с настоящим живет память о прошлом».

И.В. Ваганов,
старший методист ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Белкина Дарья

уч-ся 10 класса, ГБОУ СОШ № 84

им. П.А. Покрышева

Петроградского района

Санкт-Петербурга

(руководитель – Белкина Н. В.)

Блокадные будни хранителя музея (по материалам блокадного дневника старшего инспектора учета и хранения Эрмитажа Н. Г. Шпринцин)

Данная работа представляет собой начальный этап изучения блокадного дневника Ноэми Григорьевны Шпринцин – родной сестры моей прабабушки, случайно найденного в архиве нашей семьи. В годы блокады Ноэми Григорьевна работала старшим инспектором отдела учета и хранения Государственного Эрмитажа. В своих дневниковых записях Ноэми Григорьевна описывает не только бытовые условия жизни в блокадном городе, встречающиеся в большинстве блокадных дневников: обстрелы, продовольственное снабжение, транспорт, отсутствие отопления и электричества, болезни, положение на фронтах, но и работы по сохранению коллекций Эрмитажа, научную и просветительскую работу сотрудников музея, работу стационара в подвалах Эрмитажа. Среди упоминаемых в дневнике лиц – рядовые сотрудники музея и ведущие ученые СССР, руководители партийных органов, директора крупных музеев Ленинграда. С большинством этих людей Ноэми Григорьевна, как крупный ученый-этнограф, была знакома лично. На страницах дневника предстает история страны, города, Эрмитажа и конкретной семьи.

Ноэми Григорьевна Шпринцин – одна из первых советских исследователей-этнографов коренного населения Южной Америки. В 1941–1944 гг. Ноэми Григорьевна работала в Государственном Эрмитаже старшим инспектором отдела учета и хранения. В октябре 1941 г. она принимала на временное хранение в Государственный Эрмитаж особо ценные коллекции Музея антропологии и этнографии [5, 10]. С середины 1943 года Ноэми Григорьевна начала писать дневник. Тетрадь случайно нашлась при ремонте в квартире её прав-

нучки – Елизаветы Тинкельман, которая отсканировала записи и разрешила передать их гласности.

В дневнике Ноэми Григорьевны можно выделить несколько сюжетно-описательных линий: бытовые условия жизни простых людей, работа музейщиков, фиксация мест попадания бомб и снарядов и произведенные разрушения, празднование советских праздников и снятия блокады, культурная жизнь города, подробности жизни семьи и знакомых. Для данной работы я решила выделить те записи, которые рассказывают о работе музейщиков в условиях блокадного города. Уже в записи от 24 июня 1943 года автор, описывая повседневную работу музейщика, задается вопросом: «В чем же здесь героизм?». И сама на него отвечает: «А быть может именно в этой повседневности осажденного города и заключается героизм ленинградцев? Быть может на взгляд со стороны – это героизм. Мы его не замечаем». О повседневности и героизме, зафиксированных в дневнике, далее и пойдет речь.

Приступая к анализу дневниковых записей Ноэми Григорьевны Шпринцин, необходимо упомянуть о цели написания дневника. Эту цель автор обозначает уже в самых первых строках, в записи от 24 июня 1943 года.

«Еще в начале войны думала о том, что надо вести записи о нашей жизни, записи не связанные какой бы то ни было последовательностью, а писать обо всем, что в голову придет, дневник сегодняшнего дня и воспоминания о недалеком прошлом».

Затем Ноэми Григорьевна сухо перечисляет события, произошедшие в её жизни до начала ведения дневника. Были описаны события 1941–1942 годов и первой половины 1943 года и, как она признавалась, что *«многое уже забылось, многое, как бы подернулось туманом».*

Тем не менее, даже такое простое перечисление фактов и событий уже создает впечатление о невероятном нервном и физическом перенапряжении, которое испытала автор наряду со всеми жителями блокадного города. Вот это краткое перечисление – преамбула к дневнику.

«Столько воспоминаний сразу нахлынуло, что и не записать. [...] начало блокады, [...] организация бомбоубежищ, создание стационара, голод, 125 грамм суррогата хлеба в день, опухшие люди, первые смерти, психология голодного человека, притупление реакции на внешние события, покойники на улицах, замерзшие в очередях, штабеля трупов на кладбищах, их позы, покойницкая Эрмитажа, салазки с покойниками, запеленатыми, как мумии, новое слово «дистрофия», бомбежки, [...] лютый холод зимы 1941/42 г., очереди, копилки, выход из строя электростанции, водопровода, прекращение трамвайного движения, первые слухи о ледовой трассе, очистка улиц

и дворов от снега, скалывание льда ломами и лопатами с наборных паркетов, уборка 80 тонн битого стекла...»

Обычный рабочий день лета 1943 года работника Эрмитажа (запись от 24 июня 1943 года): «[...] С утра проверяли сохранность печатей на кладовых, затем группами по 2, 3, 4 человека выполняли работы так или иначе связанные с охраной коллекций: просмотр хранилища мебели для составления акта «об ущербах», откачка воды из подвалов, в которых хранятся коллекции [...], проветривание в саду коллекций, составление топографической картотеки в отделе Востока, очистка и переноска материалов из переплетной мастерской, проверка и укладка книг в библиотеке, заседание экспертов по вопросу о состоянии здания, [...] отправка 3-х человек на огородные работы. ...Артиллерийский обстрел не мешает работе. Свистят снаряды, сыпятся осколки. Никто не обращает внимание. А в конце дня, – зачет по оказанию первой помощи [...] поливка гряд на огороде. [...] Можно было бы прибавить еще ряд очередных и внеочередных дел: командировки в Штаб МПВО на газоокуривание, в земотдел за рассадой, очередные походы в столовую «на рацион», занятия иностранными языками и т. д.»

К описанию работы музейщиков Ноэми Григорьевна возвращается в декабрьских и январских записях. Видимо потому, что в это время увеличилась интенсивность артобстрелов.

5 декабря 1943 г. 19.30. [...] Без 3-х минут 10 утра был объявлен артиллерийский обстрел района. Вскоре после объявления артобстрела послышались звуки разрывов снарядов и звон разбитых стекол. Напротив здания Старого Эрмитажа в Неву попали 3 снаряда. [...] Вышла на разведку вдоль набережной. Тихо. [...] На тротуаре осколки оконных стекол Ламотова павильона.

17 декабря 1943 г. 23.10. Вчера в 5.05 утра на большом Дворе Зимнего Дворца разорвался снаряд. [...] Больше всего пострадал Гербовый: разбиты стекла, выбита фанера. Повреждены окна в Петровском, Фельдмаршальском залах, в залах Отдела Востока.

2 января 1944 г. 19.40. [...] Первый обстрел с 6.35 до 7.17. Снаряды разрывались неподалеку. Второй обстрел начался в 11.30. Получили сведения о том, что неблагоприятно возле здания со стороны улицы Халтурина. [...] Обнаруживаем в крыше [...] отверстие, диаметром около 190 мм. [...] Возле кучи кирпича на полу лежит снаряд. [...] Снова начинается обстрел [...] Осторожно укладываем снаряд на принесенные носилки и бережно несем его на Малый подъезд.

Приведенные выше отрывки из дневниковых записей как нельзя лучше иллюстрируют героизм простых людей, которые, не обращая внимания на обстрел, опасность от неразорвавшихся снарядов и бомб, отсутствие освещения, ночное время и сильный мороз самоотверженно делали свою работу.

К рабочим обязанностям старшего инспектора по учету и хранению относился обход и осмотр не только коллекций Эрмитажа, но и других музеев блокадного города. О разрушениях и сохранности коллекций рассказывают нам дневниковые записи от 20 и 21 ноября 1943 года.

20 ноября 1943 г. 22.35. Музей Этнографии – настолько разрушен, что мне, хорошо знавшей его залы, кабинет, подвалы до войны, трудно было в нем ориентироваться. [...] Об этом музее надо написать книгу, которая будет не только обвинительным актом Гитлеру, но и летописью о больших героических делах крохотного коллектива.

22 ноября 1943 г. 21.45. Наш сосед, – Музей Революции, [...] Сотрудники [...] читают лекции, руководят кружками. Они собирают материалы по истории войны на ленинградском фронте. [...] Среди собранного материала экспонаты будущей экспозиции: пробитая осколком снаряда медаль «За оборону Ленинграда» с документом о том, что человек, носивший эту медаль, был убит на улице во время артобстрела.

Особенно меня поразил факт, упомянутый в записи от 22 ноября 1943 года: «На рабочем столе одной сотрудницы Музея Кирова стоит аквариум. В нем золотая рыбка Кирова. Эта сотрудница ухитрилась сохранить рыбку того, чье имя носит музей».

Использованная литература и источники:

1. Ленинградцы : блокадные дневники : из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. – СПб. : Лениздат, 2014. – 637 с.
2. Болдырев А.Н. Осадная Запись : блокадный дневник. – СПб. : Фонд регион. развития Санкт-Петербурга и др., 1998. – 367 с.
3. Венякин И.Г. Дневник как способ стать лучше : [расшифровка аудиолекции] // Arzamas : [сайт]. – 25.06.2020. – URL: <https://arzamas.academy/courses/81/2> (дата обращения: 15.10.2021).
4. Венякин И.Г. История дневников : [расшифровка аудиолекции] // Arzamas : [сайт]. – 25.06.2020. – URL: <https://arzamas.academy/courses/81/1> (дата обращения: 15.10.2021).
5. Жуковская И.В. Шпринцин Ноэми Григорьевна : ф. 27, оп. 1 : полевые материалы и подготовительные материалы к трудам (1930–1963). Л., 1990. 9 л. // Кунсткамера : [сайт]. – Научный архив МАЭ. – URL: https://etnos.kunstkamera.ru/files/Archive_KK/opisi/f_27_op_1_polevye_mat_erialy_i_podgotovitel_nye_materialy_k_trudam.pdf (дата обращения: 27.10.2021).
6. Кодан С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 3. – С. 60–93. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=11431 (дата обращения: 18.08.2022).

7. Мельниченко М.А. Можно ли доверять дневникам : [расшифровка аудиолекции] // Arzamas : [сайт]. – 25.06.2020. – URL: <https://arzamas.academy/courses/81/3> (дата обращения 15.10.2021).
8. Мельниченко М.А. Для кого пишется дневник? : [расшифровка аудиолекции] // Arzamas : [сайт]. – 25.06.2020. – URL: <https://arzamas.academy/courses/81/4> (дата обращения: 15.10.2021).
9. Приймак Н.И., Валегина К.О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник : учебное пособие. – СПб. : ЛЕМА, 2018. – 70 с.
10. Эрмитаж : хроника военных лет, 1941–1945 : документы Архива Государственного Эрмитажа / сост.: Е.Ю. Соломаха, Е.М. Яковлева. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2020. – 232 с.

Исаев Максим

уч-ся 9 класса, ГБОУ гимназия № 446
Колпинского района Санкт-Петербурга
(руководитель – Быкарева Л. Н.)

**«Я не геройствовала, а жила...»
(Судьба Беляевой Риммы
Александровны. По материалам
Музея педагогической памяти)**

В посёлке Металлострой есть воинское захоронение, оно относится к 1941–44 годам. Здесь похоронено 182 человека. Мемориал установлен в 1974 г. Архитектор Голькин, скульптор Стамов. В центре высокая стела с опоясывающим выступом с барельефными цифрами «1941–1945», она напоминает воткнутый в землю меч с обломленным клинком – знак того, что войне конец. Слева фигура коленопреклоненного солдата. Автомат молчит, но не выпущен из рук. На лицевой стороне подиума высечены слова: «Вечная память погибшим» [4, с. 26]. Не раз у этого памятника стояла героиня моей исследовательской работы, склонив голову, вспоминая военные годы... Нет, не надевала Римма Александровна Беляева, тогда тринадцатилетняя пятиклассница Римма Николаева, гимнастерку, шинель, пилотку, но медаль, ту самую, святую для каждого ленинградца, с гордым названием «За оборону Ленинграда» получила 16 апреля 1945 года, почти за месяц до победного мая. Это про нее и про тысячи других девчонок, переживших блокаду, можно сказать: «Повзрослели так страшно и просто...»

Но вернемся к истокам биографии Риммы Александровны Беляевой, ветерана педагогического труда с 50-летним стажем. Римма Александровна родилась 3 января 1928 года. У нее были очень аристократичные предки. Мама – дворянка, прабабушка – баронесса фон Муфель. Уроженцы Псковской области, Николаевы в конце 20-х годов переехали сначала в Ленинград, а затем в поселок Металлострой, отец, мастер на все руки, сам в 1931 году построил дом для своей семьи, в которой было четверо детей: Римма, ее старшие сестры (1917 и 1925 гг. рождения) и брат (1918 г.р.) Семья обзавелась хозяйством, и новенький дом радовал глаз своей основательностью. Жила семья Николаевых на улице Плановой, самой крайней улице, их дом, к сожалению, не сохранился, но войну он пережил. Это всегда были дорогие сердцу места...

Училась Римма в Усть-Ижорской школе, а в школе в Металлострое, недалеко от дома, работали ее родные: отец – завхозом, мама – буфетчицей, сестра – библиотекарем, а муж сестры – директором школы (заметим в скобках: школьные будни и праздники будут сопровождать Римму всю жизнь). Это здание сохранилось, и сегодня это школа № 451 Колпинского района, там тоже сейчас учатся дети. Какой интересной была жизнь школьников 30–40-х годов! Пионерские сборы, линейки, спортивные соревнования, сбор макулатуры и металлолома, оформление классных газет, выступления на различных праздниках! Скучать не приходилось, а юная Римма всегда была очень активной пионеркой и обожала спорт, занималась гимнастикой и мечтала выступать в цирке с акробатическими номерами. Предвоенное детство было веселым и прекрасным! В 1941 году Римма закончила 5 классов, и, как и все одноклассники, планировала, как она проведет летние каникулы... Из воспоминаний Риммы Александровны Беляевой: «Солнечный воскресный день 22 июня 1941. Пришел муж сестры и сказал: «Война». Затем по радио выступил Молотов. Мирная жизнь оборвалась в одну секунду» [10].

А Римме только 13 лет! На фронт не возьмут – мала, а помочь Родине так хотелось. И девочка все-таки внесла свой вклад в общую победу! Из воспоминаний Р.А. Беляевой: «В июле и августе еще думалось, что война нас не достанет. Но враг очень быстро подошел к Металлострою. Наша семья, да и другие, ценные вещи зарыли в ящиках в огороде, чтобы не достались врагу. Не думайте, что это были золото или деньги – это были книги, мы не хотели, чтобы враги надругались над ними или сожгли... 29 августа впервые обстреляли Колпино – значит, немцы совсем близко. На Неве стояли наши корабли. Они обстреливали вражеские укрепления у Усть-Тосны, а фашисты в ответ били по кораблям. Недалеко от нашего дома проходила железнодорожная линия. Время от времени там грохотал наш бронепоезд – его орудия были также направлены в сторону

врага. Немцев остановили у реки Тосны, и долгих 872 дня блокады гремели, свистели, грохотали взрывы – бомбили с воздуха, стреляли минометы, пушки. Стрельба каждый день! Били шрапнелью – снаряд разрывался в воздухе, осколки поражали все живое» [10].

За этими строчками живого свидетеля времени стоят действительные события. Конечно, планы всей страны и каждого человека в отдельности были нарушены начавшейся войной. Так, прекратил работу Колпинский Metallургический завод, было остановлено строительство авиационного завода в Metallострое по выпуску ИЛ-2. Производственный и инженерно-технический персонал, строительное и производственно-технологическое оборудование предприятий Metallостроя были срочно эвакуированы в Нижний Тагил. А с 16 июля 1941 года, на 24-й день войны, в КМЗ началось формирование истребительного батальона, который получил для охраны участок берега Невы длиной 12 километров от поселка Кузьминки через поселки Пески, Дубровка до платформы «Теплобетон» [8]. По всему берегу были вырыты окопы, ходы сообщения, позиции для орудий и пулеметов. Укреплялась оборона правобережья [5]. Окопы рыли все, кто мог: не только военные, но и мирные жители, и дети-подростки под руководством учителей объединялись в отряды и рыли, копали окопы, траншеи. Это была та самая помощь стране, которую могли посылно выполнить Римма и ее одноклассники. Детскими неокрепшими руками копали землю, выбрасывали её наверх и снова копали, копали... И Римма рыла окопы между Колпино и Московским шоссе, надеясь, что враг будет остановлен. А в это время вражеские войска захватили Мгу, рвались к Неве и намеревались форсировать реку в районе Ивановских порогов с тем, чтобы, соединившись с финнами, окончательно замкнуть кольцо вокруг Ленинграда. Однако войска Ленинградского фронта сами в ночь с 18 на 19 сентября форсировали Неву в районе Невской Дубровки и, захватив на левом берегу небольшой плацдарм, закрепились на берегу и тем самым сорвали замысел врага. Однако Metallострой, в котором жила Римма, попал в кольцо блокады.

Она упоминает о кораблях на Неве. Действительно, на Неве стояли наши корабли «Стройный» и «Сторожевой», и фашисты били по ним с Пулковских высот. Наши, конечно, тоже стреляли, и часто все огрехи стрельбы (недолёты – перелёты) доставались Усть-Ижоре [5]. Зато Metallострой больше бомбили с воздуха, и поэтому недалеко от шоссе во время войны располагались зенитные части, которые охраняли воздушное пространство над Metallостроем. Здесь вела бои 125 стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Павла Петровича Богайчука. У неё непростая военная история. В районе Чудского озера в июле 1941 года дивизия была окружена, штаб был вынужден уничтожить документы. В течение

15 суток через леса и болота пробирался Богайчук с группой бойцов в расположение своих частей. Выйдя из окружения, дивизия вновь вступила в оборонительный бой под Нарвой, за рекой Лугой. В конце сентября дивизия заняла оборону под городом Колпино. Зенитки стояли цепью по линии посёлка, и, поскольку дом Риммы был расположен на крайней улице, у них в огороде тоже «поселилась» зенитка. Иногда вражеские налеты были массированными, неслучайно Римма вспоминала страшные бомбёжки. Об их силе и интенсивности свидетельствует такой факт: 21 декабря 1941 года в 18.00 при массивном артобстреле вражеский снаряд попал в блиндаж, вместе с другими офицерами штаба погиб командир дивизии Павел Петрович Богайчук. За боевые заслуги в период войны дивизия была представлена к награде – Орденом Красного Знамени. Именем этого героя сейчас в Металлострое названа улица – это дань памяти о войне [4]. Неудачей обернулось наступление в направлении «Невского пятачка» в ночь с 19 на 20 декабря 1941 года. С этого плацдарма советские войска неоднократно пытались начать наступление на Мгу и Синявино навстречу войскам, наносившим удар с востока, и тем самым прорвать блокаду Ленинграда. Несмотря на то, что все попытки расширить плацдарм и развить наступление закончились неудачно, Невский пятачок стал одним из символов мужества, героизма и самопожертвования советских воинов [11].

Меня заинтересовало, что Римма Александровна в своих воспоминаниях различает, когда стреляли минометы, когда пушки, и что такое шрапнель. Это вид взрывчатого артиллерийского снаряда, предназначенный для поражения живой силы противника и представляющий особый вид картечной гранаты. Данный вид снаряда назван в честь Генри Шрэпнела – английского офицера, который создал в 1803 году первый снаряд такого вида. Шрапнельный снаряд – это тип артиллерийского боеприпаса, предназначенный для поражения живой силы противника. В его корпусе размещается взрыватель, вышибной заряд и большое количество готовых поражающих элементов (пуль). Именно поэтому Римма вспоминает, что шрапнель разрывалась в воздухе и поражала все живое. «Особенно, – пишет ещё она, – досаждали минометы: разорвется минометный снаряд – остается воронка, но вокруг разлетались осколки, вот они-то и ранили, и убивали». Миномётное орудие было очень популярно в годы Великой Отечественной войны у обеих воюющих сторон. Оружие заряжалось со ствола: стрелок вводил гранату через его дульный срез. Стандартный боекомплект миномёта включал осколочные и дымовые мины – гранаты весом по 3,5 кг каждая. Радиус поражения осколочной мины достигал 30 м, скорострельность 30 выстрелов в минуту. Теперь становится понятным, под каким огневым дождем находился Металлострой на переднем крае обороны.

С огромным волнением читаю дальше воспоминания Р. А. Беляевой: «Страшно было... Но еще страшнее голод. Мне, как иждивенцу, в трагические декабрьские дни 41-го года полагалась карточка в 125 граммов хлеба. Чтобы получить рабочую карточку, нужно было работать. И мне пришлось работать. Жили мы хоть и недалеко от фронта, но в тылу. В нашем поселке останавливались военные части, продвигавшиеся к фронту, и наоборот, возвращавшиеся с фронта. Был организован прачечный пункт. Привозили солдатское белье для стирки. Норма была выстирать 25 рубах и 25 кальсон. Около нашего дома проходил противотанковый ров, наполненный водой. Носили воду оттуда, а стирали золой вместо мыла. Прежде чем стирать белье, нужно было из швов вычистить гнид – это яйца, которые откладывают отвратительные насекомые вши, они не только вызывают зуд на теле человека, но и являются переносчиками различных инфекционных заболеваний, в том числе и тифа. Белье было сшито из белого полотна, но после того, как солдат его с себя снимал, оно было уже не белым: грязное, окровавленное, заношенное... Выполнить норму было очень трудно: от воды руки разбухали, болели... Стирали даже ватники. А потом еще чинили солдатское обмундирование, варежки. И за это я получала рабочую карточку, помогала семье»¹. Стирали ватники... Даже представить трудно, как тяжела эта работа, когда ватник, напитанный водой, становится просто неподъемным. И все это делали нежные, хрупкие руки девочки-подростка. Как она могла это вынести? Как справлялась с этой работой два года изо дня в день? Ответ был прост: всё для Родины, всё для Победы.

Очень тяжелым был 1942 год. Холод. Голод. Девочка-подросток запомнила стеклянные глаза людей, в них не было жизни – только страдание. А вот ещё одно из самых страшных воспоминаний: «Иду по улице, навстречу везут санки как будто бы с дровами. А ближе подъезжают – не с дровами, с трупами. Страшно». Оказывается, такой скорбный груз везли мимо дома Риммы не единожды, ведь их дом был крайним. Я узнал, что погибших воинов Советской армии и гражданских хоронили отдельно: солдаты нашли свой последний приют там, где сейчас находится мемориал (воинское захоронение), о котором я писал в самом начале своей работы. А вот умерших от голода, холода, обстрелов жителей Металлостроя хоронили на кладбище, которое находилось в полутора километрах от улицы Плановой, где жила Римма. Это кладбище действующее и поныне. Хоронили и в братской могиле, особенно в тяжелейшем 1942 году, но были и индивидуальные

---

¹ В воспоминаниях Тамары Шиховой из сборника «По крупницам о войне» я прочитал о наличии санитарных частей в Металлострое и Усть-Ижоре (там их называли «дунькиной фабрикой» по имени хозяйки дома, где усть-ижорские женщины стирали военное обмундирование) [9].

захоронения. Об этом я узнал не только из воспоминаний, например, из сборника «По крупичам о войне» [5], но и из устных рассказов. Так, Акимов Сергей Дмитриевич, плотник нашей гимназии, войны не помнит – он родился в 1944 году в эвакуации, но вся его семья, кроме мамы, оставалась в Металлострое. По рассказам своих близких он знает, что его дедушка умер в блокаду и был похоронен именно на этом металлостроевском кладбище. Там же хоронили и других. Могила дедушки Сергея Дмитриевича сохранилась. У семьи Риммы тоже был свой счет к фашистам. Её средняя сестра пошла в армию связисткой, не погибла, но потеряла здоровье на фронте. На начало войны ей было всего 16 лет – еле дождалась, когда ей исполнилось 18, чтобы пойти воевать. Брата тоже взяли на фронт сразу же после объявления всеобщей мобилизации. Ему было 23 года. Он погиб на третий день войны, место захоронения неизвестно...

Официальный трудовой стаж Риммы Александровны начался в 1943 году, когда ей было всего 15 лет: она стала работать в госпитале. Прежде всего это снова была стирка. Не хватало бинтов, они стали многоразовыми, поэтому их тоже стирали. Засохшие, заскорузлые от крови, пота, гноя – их надо было сначала размочить, постирать, прокипятить, высушить, скатать в трубочки – так выполняла эту работу Римма. За свою нехитрую, но очень важную работу Римма была удостоена Знака ГСО «Готов к санитарной обороне» (к сожалению, среди экспонатов нашего музея нет этого знака). А ей хотелось ещё больше помогать раненым – и она пела песни для солдат, писала за них письма, читала им книги, выступала с концертами. Римма была очень спортивной, поэтому ее лучшим номером был акробатический этюд, который заканчивался эффектным мостиком, и ртом она доставала с коврика на полу монетку. Аплодировали! А еще она очень хорошо танцевала характерные народные танцы, особенно удавался зажигательный украинский «Гопак».

Были в той страшной жизни и какие-то светлые моменты. Молодость брала свое. Солдаты были молодые ребята. От одного из них осталась на память ложка, на которой нацарапана дата «1922». Значит, тогда ему было лет 20. Обещал вернуться – но не получилось ... Может быть, погиб, или фронтовая дорога пролегла мимо дома... А вот ещё одна память – письмо с фронта, настоящее, написанное на коленях под кустом, как сообщает автор письма, и с печатью «Промсмотрено цензурой». Об этом письме Римма Александровна ничего не рассказывала, но хранила его всю жизнь. Ещё одно напоминание о прошлом – офицерская сумка – так и хранилась в доме, ожидая своего хозяина. Впоследствии всё это стало экспонатами нашего музея: она хранила эти дорогие её сердцу реликвии 50 лет!

Вся жизнь в то время проходила под грохот орудий, выстрелы, вой самолетов, бомбардировки и перестрелки, под залпы «Катюш».

Это знаменитое орудие стояло рядом с домом Риммы Александровны и бомбило с далекого расстояния проклятых фашистов. Фашисты говорили об этом удивительном орудии: «Это ад!» «Катюша» (в советской литературе часто встречается и написание со строчной буквы) — появившееся во время Великой Отечественной войны неофициальное название бесствольных систем полевой реактивной артиллерии. Сокращенно БСПРА, но это название среди солдат не прижилось, и они нарекли орудие «Катюшей». Есть несколько версий происхождения этого названия, среди которых самое романтическое — по названию ставшей популярной перед войной песни композитора Матвея Блантера на слова Михаила Исаковского «Катюша». А самое прозаичное: название может быть связано с индексом «К» на корпусе миномёта — установки выпускались заводом имени Коминтерна. Чуть более 80 лет назад, 14 июля 1941 года, состоялось первое боевое применение бесствольной системы полевой реактивной артиллерии Красной армии. Впоследствии машины, которым дали ласковое прозвище «Катюша», воевали на всех фронтах Великой Отечественной, став одним из символов победы советского народа. Почему вражеские солдаты боялись этого оружия? Реактивные снаряды, выпущенные с невероятной скоростью, оставляли на месте попадания просто выжженное поле: «Невероятный грохот взрывов и языки пламени, все загремело, взметнулись высокие фонтаны разрывов. Трава кое-где сначала задымилась, а затем загорелась». Так «Катюши» наводили ужас на немцев и стали символом победы над фашизмом. Именно такое орудие стояло во дворе обычного дома на улице Плановой в посёлке Металлострой. А когда наступали минуты затишья, орудие накрывали маскировочной сеткой. Бойцы умело скрывали «Катюшу»: вырыли углубление в земле, загоняли в него переднюю часть машины, а сверху накрывали маскировочной сеткой, фрагмент которой находится в нашем музее и с которого и начался мой интерес к этой теме.

17 января 1944 года в этих местах установилась оглушительная тишина. Фашистов отогнали от Ленинграда на 50–100 км. Уехали и «Катюши». После них остался кусок маскировочной сетки. Долгое время уже после войны комод в доме Риммы Александровны был накрыт этой тканью просто потому, что на другую скатерть не было денег. Её ласково называли «кружева». Но и потом эти «кружева» не выбросили, а оставили как память о войне, как военную реликвию, как символ Победы. Когда в нашей гимназии в 1996 году открылся Музей педагогической памяти, Римма Александровна подарила нам том собрания сочинений В. И. Ленина, зарытый в ящике в земле и чудом спасенный в блокаду, ложку, письмо солдата, офицерскую сумку-планшет и этот кусок маскировочной сетки, которым накрывали легендарную «Катюшу».

Использованная литература и источники:

1. Андреевко И. Извещения от отдела торговли Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся // По крупицам о войне : воспоминания ветеранов Металлостроя, Усть-Ижоры, Понтонного. – 2-е изд., доп. – СПб., 2013. – С. 195–196.
2. Башкиров К.С. Петро-Славянка и окрестности. История родной земли : к 302 годовщине упоминания о кирпичных заводах на реке Славянке и 100-летию утверждения первого плана дачного посёлка при железнодорожной станции Славянка. – СПб. : Ультра Принт, 2013. – 631 с.
3. Бурим Л.Д., Ефимова Г.А. Жизнь, опалённая блокадой. – Колпино, 2014. – 159 с.
4. Добрягина Н.В. Металлострой по алфавиту. – СПб. : Тираж-М, 2016. – 40 с.
5. По крупицам о войне : воспоминания ветеранов Металлостроя, Усть-Ижоры, Понтонного. – 2-е изд., доп. – СПб. : Редакция газеты «ОКНО», 2013. – 549 с.
6. Сизенов Е.П. Колпино. Силуэт времени. – СПб. : Гангут, 2017. – 103 с.
7. Колпинцы : историко-биографический справочник / авт.-сост. Е.П. Сизенов. – СПб. : Серебряный век, 2009. – 389 с.
8. Сизенов Е.П., Иволга Р.С., Ефимова Г.А. История Колпина. – СПб. : Серебряный век, 2007. – 781 с.
9. Шихова Т. Исчезнувший памятник // По крупицам о войне : воспоминания ветеранов Металлостроя, Усть-Ижоры, Понтонного. – 2-е изд., доп. – СПб., 2013. – С. 164–166.
10. Автобиография Беляевой Р.А. // Архив Музея педагогической памяти при гимназии № 446. Инв. № 0596.
11. Мазин Иосиф Петрович // Бессмертный полк : [офиц. сайт движения]. – 08.05.2020. – URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/mazin-iosif-petrovich> (дата обращения: 20.12.2021).

Кляцко Мария

уч-ся 9 класса, ГБОУ СОШ № 277
Кировского района Санкт-Петербурга,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е. П.)

**«В моей жизни было две любви –
музыка и дети» (Блокадные страницы
М. Л. Гольденштейн)**

Мария Львовна Гольденштейн.
Источник: Музей истории Анничкова
дворца

Мария Львовна Гольденштейн была удивительным творческим человеком. Родилась она в 1904 году в семье сельского врача в г. Кишиневе [1–4]. Уже во время учебы стало ясно, что Мария Львовна посвятит жизнь музыкальному воспитанию детей. По окончании Консерватории в 1930 г. Мария Львовна была направлена на работу в Ленинградский радиокомитет [4; 13–14]. Как раз в это время при детской радиогазете «Ленинградские искры» создается музыкальная редакция, и Мария Львовна становится музыкальным руководителем детских передач [24].

В 1937 г. Мария Львовна начинает работать в Ленинградском Дворце пионеров. Одним из самых больших отделов учреждения был художественный: ребята играли в театрах и оркестрах, давали концерты, шла большая методическая работа с городом. Но активная работа вдруг оборвалась... Началась война.

Из летописи Художественного отдела я узнала, что с объявлением войны большинство сотрудников художественного отдела Ленинградского Дворца пионеров ушли на фронт или на оборонные работы, часть педагогов эвакуировалась со своими детьми. Работа кружков и студий прекратилась, а Дворец неоднократно подвергался бомбежкам и обстрелам. Оставшиеся в городе дети переживали блокаду наравне со взрослыми: обезвреживали бомбы-зажигалки, кололи дрова, носили воду, ухаживали за ранеными, посылали фронтовикам скромные подарки [35].

Изменилась и жизнь Ленинградского дворца пионеров. В книге «Дворец нашего детства» я прочитала, что обязанности директора Дворца первой блокадной зимой исполняла Мария Львовна Гольденштейн, которая до войны была заведующей художественным отделом. А в музейных воспоминаниях я нашла такие фрагменты: *«В конце июня 1941 года на моем служебном пропуске поставили штамп: большую букву «К». Это означало, что Дворец пионеров как детское учреждение законсервирован. Вся первая военная зима была наполнена привычными заботами. Жизнь регулировалась ритмом воздушных налетов и артиллерийских обстрелов. В следующем году Дворцу выделили два деревянных дома в Лесном. Их предстояло разобрать на дрова и перевезти с Выборгской стороны на Невский. Лом и топор были теперь привычными инструментами. Дрова перевозили ночью на специальных трамваях, сбрасывали у ворот Дворца и до зари укладывали в поленницы...»* [8].

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) мне удалось познакомиться с Протоколами совещаний сотрудников Дворца в 1941 году, и я узнала, что первой блокадной зимой вопросы решались исключительно хозяйственные: дрова, вода, продовольствие, отопление для госпиталя, который размещался в залах Аничкова дворца зимой 1941–1942 годов [16–22].

Весной ситуация изменилась. В марте 1942 года Ленсовет постановил возобновить работу Дворца. В условиях осажденного города это решение вызвало большой моральный подъем у ленинградцев, переживших зиму 1941–1942 годов [5; 8; 25]. Во Дворец вернулся его директор – Натан Михайлович Штейнварг, который до этого занимался эвакуацией населения [8]. В летописи Художественного отдела ярко описывается, как пережив первую блокадную зиму, педагоги художественного отдела собрались, чтобы разыскать своих учеников: М. Л. Гольденштейн, Р. А. Варшавская, А. Е. Обрант и другие стали ходить по адресам своих учащихся. Мария Львовна вспоминала: *«...Глазам представились страшные картины. Дома, а порой и целые кварталы лежали в развалинах. Где-то в развороченной комнате пятого этажа виднелся чудом уцелевший рояль. Он буквально висел в воздухе., подойти к нему мешала разрушенная лестница. Квартиры опустели. Многих осиротевших, голодных ребят обнаруживали в чужих домах и подвалах. Из 5000 воспитанников отдела мирного времени удалось найти около 100 человек. Нужно было восстановить их силы, помочь им вернуться к жизни»* [25].

В апреле – мае 1942 года шла усиленная подготовка к открытию Дворца пионеров. Юные учащиеся 7-го ремесленного училища ремонтировали помещения для будущих занятий. Среди ремонтников было немало бывших учащихся художественных студий

Дворца, в ремонтных работах участвовали и педагоги. Наконец, 17 мая 1942 года произошло второе рождение Дворца пионеров. В этот день Дворец не был таким торжественным и красивым как в день своего открытия 12 февраля 1937 года [7; 12]. Это объясняется тем, что шла война, и яркие афиши и вывески могли заметить при воздушных налетах. Но и сейчас детей ждала теплая встреча. И даже играл оркестр. Но ребята были очень слабые, уставшие от бомбежек, они не могли бегать и резвиться. У оркестрантов при взгляде на них наворачивались слезы [25].

Из летописи художественного отдела я выяснила, какие кружки и классы начали работать во дворце в 1942 г: студия художественного движения, вокальная студия, хор, ансамбль баянистов, класс виолончели, скрипки, фортепиано, студия художественного слова, рисования и вышивки, а позднее и кукольный театр [23; 25].

В ЦГАИПД СПб я обнаружила очень интересный документ – Протокол № 9 общего партийного собрания Ленинградского дворца пионеров [23]. Я решила проанализировать его подробнее. В Протоколе – отчёт М. Л. Гольденштейн о работе художественного отдела после тяжелой зимы 1941–42 г. Однако далее написано, что отдел начал работу в мае 1943 г. Этот факт вызвал у меня вопросы, ведь в других документах и статьях отмечено, что дворец начал работать в мае 1942, и первыми отделами, которые открылись, были художественный, биологический, технический и политмассовый [5; 8–10; 12; 25]. Данное противоречие заставило меня обратиться к другим документам. Из Штатного расписания за 1942 год я узнала, что в художественном отделе работало 16 педагогов, а также музыкальный мастер и даже портниха-костюмерша [6]. Эти сведения позволили мне сделать вывод о том, что в протоколе допущена ошибка, и отдел открылся в мае 1942 г., а не 1943 г.

Далее в документе отмечено, что перед руководством отдела было поставлено несколько основных задач: открыть детский дом для одаренных детей, оживить и подарить радость ленинградским детям после тяжелой зимы, а также поддержать их питанием. Весной 1942 года педагоги отдела собирали воспитанников по домам и размещали их в детском доме, который было решено организовать при Дворце, чтобы поддерживать их здоровье [25]. Вот как об этом вспоминает Мария Львовна: *«...верилось, что в наших руках средство разогнать тоску детей, дать им радость в жизни – искусство... Как помочь каждому, ставшему сиротой? В мучительных раздумьях родилась счастливая мысль о детском доме. Детский дом! Как важно, чтобы он действительно отвечал смыслу этих слов... В довольно-таки унылом настроении мы перешагнули порог 10-го детдома на Стремянной улице. Дверь мягко хлопнула – и перед нами оказались чистые, уютные комнаты. Тихо возились с игрушками дети, что-то*

веселое рассказывала малышам воспитательница. Молодой, энергичный директор (она оказалась дочерью композитора Михаила Арнольдовича Мильнера) с интересом отнеслась к новой затее. Готовить воспитанников не к отъезду, а к жизни в осажденном городе было по душе...» [8]. Блокадный детский дом спас многих воспитанников дворца в трудные военные годы.

Но вернемся к Протоколу [23]. Далее в документе Гольденштейн отмечает, что создан коллектив для выступления в военных частях и госпиталях, где дети поддерживали бойцов Ленинградского фронта и сами набирались мужественности [12]. Рукодельный кружок тоже поддерживал бойцов: дети шили кисеты, которые отправлялись в подарок бойцам.

Зимой, по отчету Гольденштейн, отдел больше занимался творческой деятельностью, и работали такие кружки как танцевальный, музыкальный, рукодельный, хоровой и другие. Также она говорит, что создаются два хора: мальчиков и девочек. Хор девочек уже работает. Мальчики и девочки учились раздельно, так как это было связано только со спецификой хоровой деятельности, в наши дни тоже есть хоры мальчиков, куда девочки не принимаются [11]. Работал в 1942 году и кружок по изучению книг товарища Сталина [23]. Также Мария Львовна Гольденштейн отмечает, что в хозяйственной работе художественного отдела есть большие трудности. Исследование других документов по истории дворца показывает, что корпус художественного отдела использовался всю войну, в 1941–42 годах в нем не только работали, но и жили дети и педагоги, поэтому не удивительно, что он уже тогда нуждался в ремонте [5; 8, 10; 16–22; 25].

«Не смогу я здесь всех перечислить, / Вы поверьте, что нам повезло, / Педагогов и выше, и чище, / Мне уже больше встречать не пришлось». Это отрывок из стихотворения, которое написал блокадный школьник Игорь Усов из Детского дома при Ленинградском дворце пионеров [24]. И правда, во Дворце работали замечательные педагоги. Даже во время войны они поддерживали в ребятах боевой дух, организовывали различные концерты, творческие олимпиады [8]. В воспоминаниях, которые я нашла в фондах музея Дворца, Мария Львовна писала, что сформировать преподавательский состав Художественного отдела было очень сложной задачей: *«До войны Дворец славился педагогическим коллективом. Лучшие из лучших мастеров своего дела работали здесь. Вокальная студия – детище доктора медицинских наук Иосифа Ионовича Левидова. Чрезвычайно интересным явлением в хореографии была студия художественного движения, возглавляемого кандидатом педагогических наук Розой Абрамовной Варшавской... К ней, в танцевальную студию, «потекло» много детей. Пришла в кукольный театр Н. Н. Птохова и сразу обросла большим количеством маленьких художников и кукол-*

водов. ... А. Г. Райц к общей радости вернулась и начала уроки в единственном и очень многолюдном классе фортепиано. После тяжелого ранения вернулся на пост начальника управления по делам искусств Борис Иванович Загурский. Зайдя во Дворец пионеров, он был поражен и растроган видом столпившихся здесь бледных изможденных ребят, которым вдруг позарез оказалась нужна музыка. Постепенно педагогическая «карусель» прекратилась. Остались лишь те, для кого работа с детьми стала интересной творческой задачей» [8].

Из Штатного расписания за 1942 год я узнала, сколько педагогов работали в художественном отделе во время войны [6–7]. В летописи «Художественный отдел во время войны 1941–1945» я нашла их имена: М. Л. Гольденштейн, Р. А. Варшавская, А. Г. Райц, Н. В. Гегелло, М. В. Кастальская, М. В. Колчина, С. Д. Левин, А. И. Шнирман, А. Н. Рожков, Е. М. Малинина, М. А. Мизрухина, позже – К. С. Исаченко, М. Ф. Заринская, Н. К. Богданова, К. С. Раздольская, Н. Н. Птохова [25]. Вклад Марии Львовны в блокадную историю художественного отдела Дворца невозможно переоценить, именно благодаря ей отдел возродился и достиг расцвета в послевоенное время [7; 25]. Ее яркая общественная жизнь проходила у всех на глазах, но мало кто знал о ее личных делах.

Из автобиографии Марии Львовны, найденной в ЦГАЛИ СПб, я узнала, что во время войны Мария Львовна переехала жить во Дворец [4]. Дома у нее никого не осталось: мама еще до войны уехала в Киев, муж – А. Т. Шатуро – ушел добровольцем на фронт, и последнее письмо пришло от него в начале августа, об интернате, с которым удалось отправить на восток дочь, тоже не было никаких известий [24]. Мне удалось найти сведения об Алексее Терентьевиче Шатуро на сайте «Память народа». Там размещено Донесение о потерях, в котором Алексей Терентьевич значится «пропавшим без вести», его анкета, по всей видимости, написанная со слов Марии Львовны и даже фотография!

Весной 1944 г. вернулась из эвакуации дочка Ниночка. Теперь семья состояла из них двоих [24]. Мария Львовна из Дворца переехала обратно в свою комнату на Бульваре Профсоюзов [4].

Работая в ЦГАИПД, я обнаружила Выписку из протокола общего партийного собрания Ленинградского Дворца пионеров от 21 августа 1941 г. о приёме в члены ВКП(б) Марии Львовны Гольденштейн. В данной выписке многие ее товарищи высказывали свои мнения о личных качествах Марии Львовны. Так, Кутасов сообщает, что «в тяжелое для города время она показала себя как образец стойкого, преданного делу работник, являлась примером и вдохновляла коллектив на ответственном участке...». Плаксин: «Какие качества у Марии Львовны Гольденштейн – это тревога за работу, за общее дело. Всячески старается во всем помочь. Несомненный рост за

последнее время». Когда я читала воспоминания М. Л. Гольденштейн в музее истории Аничкова дворца, я обнаружила вот такой фрагмент: «Бывший участник пионерского ансамбля песни и пляски Юра Заруцкий получил задание: создать в своей части ансамбль. Музыканты подобрались разношерстные. Для такого ансамбля нужно было создавать репертуар. Мог ли Юра сказать: «Меня этому не учили»? Он попросил увольнение в Ленинград и пришёл во Дворец за учебником гармонии. Махнув рукой на правила, я срывала печати с «законсервированных» библиотечных шкафов. Учебник нашёлся. Может быть этот эпизод в жизни юноши и привёл его после войны на композиторский факультет?» [8]. В данном эпизоде очень хорошо видно еще одно качество Марии Львовны: не боясь наказаний, она помогла юноше и поняла, что лучше сейчас она сделает доброе дело, которое принесет больше пользы, чем будет соблюдать правила. Ее любовь к детям, желание помочь было сильнее страха, перед тем, что будет, если...

В воспоминаниях композитора С. С. Важова о М. Л. Гольденштейн я обнаружила эпизод, который ярко описывает лучшие качества Марии Львовны [24]: *Вот наши критики – подходишь к какому-нибудь известному и просишь: «Не могли бы Вы послушать мое произведение, мою музыку»? Ее не надо было просить, она сама все спрашивала. Точно так же: почему она работала во Дворце пионеров, почему она приходила в какие-то школы – это не потому, что ей нужны афиши, какое-то громкое имя. Она работала по существу, а не для награды и не для афиши. И для меня это осталось эталоном до сих пор».*

Отрывок из воспоминания композитора И. М. Ильичевой: «М. Л. Гольденштейн оставила о себе самую добрую память. Ее образ – человека светлого и доброжелательного, чутко относящегося к детскому воспитанию, к творчеству ленинградских композиторов безусловно памятен всем, кто ее знал. Ее искренняя добрая улыбка видится через годы, а содеянное ею живо и благотворно» [24].

После полного снятия блокады Ленинграда вместе с учащимися и педагогами художественного отдела Мария Львовна работала над восстановлением Ленинградского Дворца пионеров [5; 8; 25]. Из личных дел, найденных в ЦГАЛИ СПб я узнала, что с 1947 по 1952 год Мария Львовна была консультантом и лектором Ленинградской филармонии, писала книги по истории музыки, композиторы посвящали ей произведения: в ЦГАЛИ СПб я нашла автограф вокального цикла Сергея Вольфензона на стихи Александра Кушнера «Не шумите» [4; 13–15; 24]. Мария Львовна была принята в Ленинградское объединение Союза советских композиторов с 1952 года и состояла там все последующие годы [4; 13–15; 24].

Мария Львовна Гольденштейн ушла из жизни 13 июля 1985 года. Ей только что исполнился 81 год. От ее внучки, Н. М. Свириной, я узнала, что Мария Львовна была похоронена в колумбарии Санкт-Петербургского крематория.

Использованная литература и источники:

1. Автобиография // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 757816/1. Л. 7–8об.
2. Автобиография // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 757816/2. Л. 5–7об.
3. Автобиография // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 837093. Л. 6–9.
4. Автобиография // ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 5. Д. 4. Л. 5–8.
5. Буланкова Л.П. Страницы жизни Аничкова дворца: документы, мемуары, были, легенды. – СПб., 1992. – С. 30–34.
6. Бухгалтерия. Смета расходов по местному бюджету и штатное расписание на 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.
7. Бухгалтерия. Сметы расходов местного бюджета и внебюджетных средств, производственный план и штатное расписание на 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.
8. Гольденштейн М.Л. Во Дворце пионеров // Музыка продолжала звучать : Ленинград, 1941–1944. – Л., 1969. – С. 216–288.
9. Дворец нашего детства. – СПб. : Белое и чёрное, 2007. – 302 с.
10. Дирекция. Отчёт парторганизации 70 Ленинградского Дворца пионеров за период отечественной Войны 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 51. Л. 4–7.
11. Дирекция. План и основные направления о работе Ленинградского Дворца пионеров в связи введения раздельного обучения мальчиков и девочек // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–6.
12. Ленинградский Дворец пионеров. Протоколы партийных собраний. 1943 год // ЦГАИПД СПб. Ф. 464. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
13. Личная карточка члена союза советских композиторов СССР // ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 5. Д. 4. Л. 2–4об.
14. Личный листок по учету кадров // ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 5. Д. 4. Л. 6–7об.
15. Личный листок по учету кадров // ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 5. Д. 4. Л. 22–23об.
16. Приказ № 12 по Ленинградскому Дворцу пионеров от 29 мая 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.
17. Приказ № 14 по Ленинградскому Дворцу пионеров от 29 мая 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 50. Л. 17.
18. Приказ № 22 по Ленинградскому Дворцу пионеров от 20 июня 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 50. Л. 25, 26.

19. Приказ № 29 по Ленинградскому Дворцу пионеров от 20 июля 1942 // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 50. Л. 35.
20. Приказ № 36 по объекту МПВО Ленинградского Дворца пионеров от 10 сентября 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 45.
21. Приказ № 54 по Ленинградскому Дворцу пионеров от 8 декабря 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 50. Л. 68.
22. Приказ № 75 по Ленинградскому Дворцу пионеров от 31 декабря 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9523. Оп. 1. Д. 56. Л. 94.
23. Протокол партийного собрания Ленинградского Дворца пионеров от 20 ноября 1943 г. // ЦГАИПД СПб Ф. 464. Оп. 1. Д. 6. Л. 28, 29.
24. Свирина Н.А. Чистая мелодия. – СПб. : НИИХ СПбГУ, 2002. – 149 с.
25. Летопись отдела художественного воспитания детей. Выпуск посвящается педагогам-первопроходцам М.Л. Гольденштейн, С.Д. Левину, П.С. Смирнову / С.-Петерб. гор. Дворец творчества юных ; сост. М. Н. Евсева. – СПб., 2003. – 76 с.

Куклева Надежда

уч-ся 9 класса, ГБОУ школа № 27
им. А. И. Бунина,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е. П.)

Мои предки Петерберги в годы Великой Отечественной войны

Всё началось с семейной фотографии моих предков, которая хранилась в нашем семейном архиве. Кроме неё там были и другие фотографии, некоторые документы (свидетельства о браке и о смерти), медали. Также в семейном архиве хранились реликвии моих предков.

После очередного просмотра старинных фотографий и рассказа бабушки я узнала, что на фотографии изображена моя прапрабабушка Анна Александровна Семёнова. Мне захотелось узнать об Анне Александровне, её семье, об их жизни в Петрограде – Ленинграде. По итогам интервью с бабушкой и другими родными, разбора документов семейного архива, работе в ЦГАИПД Санкт-Петербурга мне удалось по крупицам восстановить основные факты об Анне Александровне и ее супруге Владимире Александровиче Петерберге. Именно им посвящена первая глава данной работы.

Анна Александровна Семёнова – самый «древний» предок семьи Куклевых, о которой я знаю биографические подробности. В нашей семье сохранилась копия «метрик» – выписки из метрической книги. Анна Александровна родилась 1 сентября 1898 года в городе Кронштадте, по национальности – русская. Ее отец – Семёнов Александр Иванович – уволенный в запас рядовой 147 полка, из крестьян Казанской губернии (село Шумбута). Мать звали Пелагея Ивановна. Крестили девочку в Князь-Владимирской церкви Кронштадта [20]. Из книги Е. В. Исаковой и М. В. Шкаровского «Храмы Кронштадта» я узнала, что Князь-Владимирская церковь была открыта в Кронштадте в 1891 году как домовая при штабе Кронштадтской крепости и выглядела она как пристройка к зданию сухопутного манежа. Здание манежа и пристройка частично сохранились до наших дней и находятся по адресу: Кронштадт, ул. Восстания, д. 11 [12].

Мы не знаем, как прошло детство и юность Анны Александровны, но знаем, что она участвовала в военных событиях Гражданской войны. В 1920 году она вышла замуж за Владимира Александровича Петерберга и родила пятерых детей: Николая (1920), Володара (1923), Константина (1926), Надежду (1928) и Нину (1930). Все дети Анны Александровны, кроме Володара, приняли участие в Великой Отечественной войне. А Володар, свидетельство о рождении которого мне удалось найти в коллекции документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, к сожалению, прожил только год и четыре месяца. Он родился 9 декабря 1923, а умер 23 марта 1925 года [6]. До обнаружения этого документа в нашей семье никто не знал, о том, что у Анны Александровны был еще один сын. Кстати, в документе указан адрес, по которому жила семья Петербергов – 18 линия Васильевского острова, дом 25, квартира 20 [5, л. 5].

Брак Анны Александровны с Владимиром Александровичем оказался несчастливым. Муж злоупотреблял спиртным, по причине чего часто оказывался участником ссор, драк, постоянно менял места работы, поэтому тяжесть воспитания детей фактически легла только на плечи Анны Александровны. В нашей семье о Владимире Петерберге было ничего не известно, но, поскольку он был партийным, документы о нем нашлись в ЦГАИПД СПб и позволили пролить свет на его биографию.

Петерберг Владимир Александрович родился в Эстонии в городе Ревеле (ныне – Таллинн) 29 мая 1890 года [1, л. 3]. В документах, которые я нашла в ЦГАИПД СПб, он указывает национальность эстонец. Учился в городском училище три года на прядильщика. По данным анкеты, которую он заполнял для Ленинградской губернской контрольной комиссии, работать он начал еще подрост-

ком, с 1904 года [4, л. 4], сначала был прядильщиком на Канатной фабрике. В 1911 году его призвали в армию, сам он пишет об этом так: «С 1911 года пошел на службу царскую и служил до 1918 года» и был ранен в ногу «при царской войне», а после 1918 до 1922 служил телефонистом на флоте [2, л. 6], участвовал «в боях под Архангельском» [3, л. 5].

Затем он неоднократно менял места работы: с 1922 по 1923 работал военным контролером на Октябрьской железной дороге, с 1923 по 1924 был на Канатной фабрике прядильщиком, затем – приемщиком Печатного двора. С 8 мая 1926 по 14 августа 1926 – в охране Октябрьской железной дороги, с 1926 по 1927 на Балтийском заводе чернорабочим, с марта 1927 по июль 1927 на заводе Ильича сторожем [2, л. 4об.]. В 1926 году он заболевает туберкулезом, о чем пишет в объяснительной записке по поводу неуплаты партийных взносов [3, л. 1].

В анкете 1926 года Владимир Александрович указывает свой адрес – 16 линия Васильевского острова, дом 47, квартира 74 [4, л. 4об.], тот же адрес мы обнаруживаем в других документах, кроме одного письма, которое датировано 30 апреля 1925 года – там Владимиру Петербергу пишут по адресу: Васильевский остров, 18 линия, дом 25, квартира 15 [5]. Происхождение этого адреса нам еще предстоит выяснить.

После рождения дочери Нины в 1930 году [17] у нас нет сведений о дальнейшей судьбе Владимира Александровича Петерберга.

После рождения пятого ребенка Анна Александровна начала работать на Табачной фабрике № 1 имени Урицкого. В эти годы фабрика активно развивалась. В 1930-е годы в день в среднем фабрика выпускала 250–255 тысяч папирос [8, с. 41]. Разрабатывались новые виды продукции: в 1937 на фабрике начали выпускать легендарные папиросы «Беломор», с 1940 года – папиросы «Тачанка», «Ракета», «Спорт», выходила популярная «Звездочка», также многие ленинградцы курили такие марки как «Зефир», «Фестивальные», «Северная Пальмира». Главным инженером фабрики был И. П. Эбер, который много сделал для развития табачной промышленности [8]. Но всё изменила война.

8 сентября 1941 года вокруг города сомкнулось кольцо блокады. В годы Великой Отечественной войны в Ленинграде был не только дефицит хлеба, но и дефицит табака, и заядлые курильщики были готовы менять хлеб на папиросы. На папиросы меняли театральные билеты, папиросами можно было расплатиться, например, за доставку воды [8].

Хуже всего, когда перебои с табаком начались на Ленинградском фронте, ведь многие бойцы были курящими и просто не могли жить без хороших папирос!

Как же обстояли дела на Фабрике № 1 имени Урицкого, где всю блокаду продолжала работать моя прапрабабушка? В 1941 году часть оборудования предприятия была вывезена на Урал, из-за чего производство резко сократилось. Фабрика также испытывала больше трудности с сырьём, так как вместо табака стала поступать махорка, для работы с которой существующее оборудование не подходило. Когда же ценой больших усилий в 1942 году удалось наладить работу с махоркой, сырья стало поступать совсем мало. Поэтому махорку разбавляли листьями клена, дуба, осины и липы. Ленинградцы в шутку называли блокадные папиросы «матрас моей бабушки».

Вместе с тем ученые разрабатывали более совершенную рецептуру папирос и решили, во-первых, добавлять туда хмель, оставшийся после закрытия пивоваренных заводов, а также листья клена, который по вкусу более всего был близок к табаку. «Эти листья собирали работницы фабрик и школьники. Листья просушивали на ветру, упаковывали в мешки и на военных машинах доставляли на фабрику, где после технологической обработки примешивали (до 20%) к табаку. Всего было использовано около 80 тонн листьев» [8, с. 41], – такие сведения я обнаружила в книге И. А. Богданова «Дым Отечества, или Краткая история табакокурения». С большой долей вероятности можно предположить, что в сборе листьев участвовали сестры Нина и Надежда Петерберг, которые помогали матери в работе на фабрике.

Там же я нашла информацию о том, что с 1942 года на фабрике имени Урицкого было организовано производство гранат, мин, снарядов и другой военной продукции [8, с. 41]. Работники фабрики также активно участвовали в жизни города: всю войну работала команда МПВО, был организован стационар, работал детский сад. Работницы фабрики собрали деньги на строительство танка «Ленинградский табачник», а также вносили средства в фонд обороны [8, с. 42].

В апреле 1943 года в Ленинград пришел кавказский табак, и на фабрике имени Урицкого стали делать папиросы из настоящего «Грузтабака», который поставляла Табачная фабрика № 2 Тбилиси. Но уже осенью 1943 года из-за перебоев в поставках табака вновь ленинградцам пришлось заготавливать 35 тонн кленовых листьев. И. А. Богданов отмечает, что собирали листья в основном на бульваре Большого проспекта Васильевского острова. Почему именно там? Потому что фабрика находилась по соседству. По данным справочной книги «Ленинград» на 1940 год адрес фабрики: Васильевский остров, проспект Мусоргского, 36/40 [14, с. 162]. Поскольку такой проспект мне встретился впервые, я обратилась к книге К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло «Почему так названы?» [9] и узнала, что

проспектом Мусоргского в то время назывался Средний проспект Васильевского острова.

За труд в годы Великой Отечественной войны Анна Александровна Семёнова награждена знаком «Жителю блокадного Ленинграда». В нашей семье никто не знал, есть ли у Анны Александровны медаль «За оборону Ленинграда»? Мне удалось пролить свет на этот вопрос. В базе данных ЦГА СПб «Медаль за оборону Ленинграда» я наша архивную карточку о награждении Анны Александровны, медаль была вручена ей 30 июня 1943 года, но, к сожалению, не сохранилась. Также мне удалось найти адрес, по которому жила Анна Александровна и ее дети в годы блокады Ленинграда: пер. Каховского, д. 6в, кв. 1а [7].

После Великой Отечественной войны Анна Александровна продолжала работать на фабрике имени Урицкого. В нашей семье хранится удостоверение Анны Александровны как участницы Стахановского движения [22]. Умерла Анна Александровна 11 июня 1963 года.

Судьба двух сыновей Анны Александровны сложилась трагично. Ее старший сын – Петерберг Николай Владимирович (1920–1941) до начала Великой Отечественной войны работал в механическом цеху на фабрике имени Урицкого вместе с матерью. На сайте «Память народа» опубликована архивная карточка о призыве и судьбе военнослужащего. Он был призван 2 августа 1941 года рядовым [16]. У нас дома сохранилось письмо Николая с фронта. Он передает привет всем родным, сообщает, что стоит недалеко от Ленинграда и надеется на встречу. Рассказывает о том, что назначен командиром орудия, будет получать зарплату 150 рублей и помогать родным. Отдельно хочу отметить, что в Ленинграде, видимо, осталась его девушка Люся, которой он просит переслать его адрес. Письмо датировано 26 июля 1941 года [18]. Николаю не суждено было встретиться с родными. Спустя пять месяцев, в декабре 1941 года, он пропал без вести [16].

Не менее трагично сложилась и судьба его младшего брата Кости. Петерберг Константин Владимирович (1926–1944) в первые годы войны работал в ящичном цехе на фабрике имени Урицкого. Затем – на Авторемонтном заводе № 1. Он был призван Василеостровским РВК 13 ноября 1943 года [21] и направлен в первый запасной стрелковый полк. В призывных документах отмечено, что он имеет только 4 класса образования, а также есть адрес: пер. Каховского, д. 6, кв. 70. Здесь хочется отметить, что по сравнению с данными матери изменился номер квартиры, либо переехала вся семья, либо Константин стал жить отдельно от матери. В ноябре 1944 года Константин так же, как и его старший брат, пропал без вести [15].

В 1953 году Анна Александровна отправляла запрос в Архив Военного Министерства Союза ССР о судьбе сыновей, но ответ был неутешительным: оба пропали без вести [10; 11]. Узнать о судьбе Константина удалось лишь недавно, когда в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» была рассекречена Книга захоронений 189 стрелковой дивизии [13]. Из нее нам удалось узнать, что Константин Петерберг погиб 15 сентября 1944 года и захоронен в братской могиле № 19 на развилке дорог, также в книге указаны координаты 64.30 и 54.42. Если ввести эти координаты в современный навигатор, то оказывается, что заданная точка находится в районе Сосногорска Республики Коми. Однако по данным сайта администрации Сосногорска, рядом с городом нет братских могил. Внимательное изучение Книги захоронений показало, что в соседние дни погибших солдат хоронили рядом с населенным пунктом Рулли. Оказалось, что это деревня в Тырвской волости Валгинского уезда на юге Эстонии. Поскольку координаты этой деревни военного времени существенно отличаются от современных, в годы войны использовалась другая топографическая система (СК-42), но соотнести ее с современной мне пока не удалось. Предположительно, мой прадед похоронен где-то на юге Эстонии.

Его сестра – Петерберг Надежда Владимировна (1928 г.р.) была инвалидом первой группы, во время войны работала в Лечебных мастерских. Дальнейшая судьба мне неизвестна. Пока информация о ней крайне скудная, и архивные поиски не увенчались успехом.

Нина Владимировна Петерберг (1930 г.р.) – дочь Семёновой Анны Александровны и Петерберга Владимира Александровича [17]. Пережила блокаду Ленинграда. Несмотря на трудное блокадное время, помогала матери по работе на Табачной фабрике.

В годы Великой Отечественной войны Надежда училась в школе № 14, где окончила 7 классов. В справочнике «Весь Ленинград» за 1940 год я нашла адрес школы: 12 линия Васильевского острова, дом 13 [14, с. 326]. Надежда Владимировна рассказывала, как после уроков они с одноклассниками дежурили на чердаке и, если попадала зажигательная бомба – ее тушили в песке. О своей жизни во время войны она напишет в автобиографии, которую я нашла в ЦГАИПД СПб: «В 1938 году я поступила в школу, где в 1941 окончила 2 класса, началась война, до 1943 года не училась. В 1943 году поступила в 3-й класс 19 женской школы Василеостровского района, где окончила 5 классов» [1, л. 3]. Начав помогать матери еще в годы войны, Надежда всю жизнь проработала на фабрике имени Урицкого. Сначала курьером с 1946 по 1948, затем

токарем – с 1948 по 1949, затем – завделпроизводством с 1948 по 1953. 10 июня 1955 года она вышла замуж за Макеева Фёдора Ивановича и поменяла фамилию с Петерберг на Макееву [19]. Надежда Владимировна Макеева – моя прабабушка, именно она изображена на фотографии, с которой началось мое исследование.

Систематизация семейного архива, а также работа в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга и Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга позволили мне составить нисходящее родословное древо, в котором я установила 7 поколений и 17 персон.

Использованная литература и источники:

1. ЦГАИПД СПб. Ф. 5. Оп. 17. Д. 47. Л. 2–3. Невский районный комитет ВКП (б).
2. ЦГАИПД СПб. Ф. 433. Оп. 3526. Д. 506602. Л. 6–6об. Василеостровская районная Контрольная Комиссия ВКП (б).
3. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1–26. Д. 207925. Л. 1. Коллекция личных дел.
4. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп.1–58. Д. 460887. Л. 4. Ленинградская Организация ВКП (б) Контрольная Комиссия Володарского Района.
5. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1–59. Д. 466109. Л. 5. Ленинградская контрольная комиссия при губ. ком. РКП(б).
6. ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 4. Д. 1. Книга регистрации записей о рождении. Василеостровский район. Запись № 3140. Петерберг Володар.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 882. Личная карточка представляемого к вручению медали «За оборону Ленинграда» Семеновой Анны Александровны.
8. Богданов И.А. Дым Отечества, или Краткая история табакокурения. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 274 с.
9. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Почему так названы? : о происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов в Ленинграде. – Л. : Лениздат, 1967. – 471 с.
10. Извещение о том, что Петерберг Н.В. пропал без вести // Семейный архив Куклевых.
11. Извещение о том, что Петерберг К.В. пропал без вести // Семейный архив Куклевых.
12. Исакова Е. В., Шкаровский М. В. Храмы Кронштадта. – СПб. : Паритет, 2004. – С. 218–222.
13. Книга захоронений 189 СКД // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie1151762106/ (дата обращения: 28.20.2023).

14. Ленинград : адресно-справочная книга [на] 1940 [год]. – Л. : Лениздат, 1940. – 96, 641 с.
15. Петерберг Константин Владимирович // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero107387686/> (дата обращения: 28.20.2023).
16. Петерберг Николай Владимирович // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero107388092/> (дата обращения: 28.20.2023).
17. Петерберг Нина Владимировна. Свидетельство о рождении // Семейный архив Куклевых.
18. Письмо Петерберга Николая Владимировича от 26.07.1941 // Семейный архив Куклевых.
19. Свидетельство о браке Петерберг Н.В. // Семейный архив Куклевых.
20. Семенова Анна Александровна. Выписка из метрической книги о рождении от 1.09.1898 // Семейный архив Куклевых.
21. Справка о призыве на военную службу Петерберга К.В. // Семейный архив Куклевых.
22. Удостоверение Семеновой А.А. – отличника соц. Соревнований пищевой промышленности СССР // Семейный архив Куклевых.

Бирюкова Полина

ученица 10 класса, ГБОУ СОШ № 233
Красногвардейского района,
краеведческое объединение «Охта»
ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Крас-
ногвардейского района
(руководитель – Столбова Н. П.)

Блокада Ленинграда глазами Марии Сергеевны Коноплёвой

Мария Сергеевна Коноплёва,
1880-е гг. (?)

Автором блокадного дневника является искусствовед, музейный и научный работник Мария Сергеевна Коноплёва, которой на начало блокады Ленинграда было 70 лет. Писать о ней не просто: факты фрагментарно находятся в разных источниках, есть лакуны, требующие дальнейшего изучения. Несмотря на сложности, удалось создать биографию, дающую представление о жизненном пути М. С. Коноплёвой.

Мария Сергеевна Коноплёва родилась в 1871 году в семье художника Сергея Яковлевича Коноплёва (1829–1871).

В 1858 году С. Я. Коноплёв получил звание свободного художника по живописи, а в 1864 году – звание художника по архитектуре [7; 11, с. 139].

Судя по году смерти, отца своего она помнить не могла. Кто была ее мать – неизвестно. Очевидно, семья проживала на Петербургской стороне. В 1907 году и по крайней мере до революции за М. С. Коноплёвой значится домовладение № 224, расположенное на углу Малого пр., 15 и Б. Гребёцкой ул., 8, что подтверждают данные справочника «Весь Петербург» [3, с. 343].

О первоначальной учебе М. С. Коноплёвой сведений не обнаружено.

М. С. Коноплёва училась на Высших женских историко-литературных и юридических курсах, учрежденных 3 декабря 1905 года действительным статским советником Николаем Павловичем Раевым. С 1908 года курсы размещались в доме № 20 по Гороховой

улице. М. С. Коноплёва училась на историко-литературном отделении, где преподавались богословие, психология, логика, педагогика [5, с. 3–4].

Затем она продолжила обучение в Институте истории искусств, основанном в 1912 году графом В. П. Зубовым – искусствоведом, доктором философии. В. П. Зубов разместил учреждение в собственном особняке (Исаакиевская площадь, 5). После Октябрьской революции 1917 года он передал особняк новому правительству и институт стал государственным [8]. Институт успешно работает и поныне.

Первая публикация М. С. Коноплёвой появилась в 1911 году в журнале «Русский архив» и называлась «Ипполит Федорович Богданович». Русский поэт, переводчик И. Ф. Богданович в историю русской литературы вошёл, главным образом как автор стихотворной повести «Душенька» [11, с. 108–116].

Следующая публикация М. С. Коноплёвой была в журнале «Голос минувшего». Журнал «Голос минувшего» – русский журнал истории и истории литературы, издавался в Москве ежемесячно. М. С. Коноплёва опубликовала статью «Мария Семеновна Жукова» в 1913 году. М. С. Жукова (1804–1855) – детская писательница и художница. Автор рассказывала о Марии Семеновне Жуковой как о писательнице, рассматривала ее произведения, пыталась создать ее биографию [9, с. 19–38]. В соавторстве с Г. А. Вяткиным Коноплёва создала книгу «Работа Союза городов на Северо-Западном и Северном фронтах». Книга была издана в 1917 году и представляла собой очерк деятельности Комитета Северо-Западного фронта со времени его образования весной 1915 года. В очерке рассказывается о боевых действиях, стратегических условиях деятельности фронтов, при составлении использовались официальные отчеты и доклады [10, с. 1–4].

Сведения о дореволюционной трудовой деятельности М. С. Коноплёвой отрывочны. Первая запись о трудовой деятельности встречается на сайте «Биографика СПбГУ» в разделе «Историки Петрограда – Ленинграда (1917–1934)», где упомянуто, что в 1915 году Коноплёва исполняла обязанности представителя кинематографической комиссии Петроградского общества народных университетов [8].

С 1918 года М. С. Коноплёва работала в качестве научного сотрудника в Комиссии по охране памятников искусства и старины по разбору и учету художественных собраний [8].

С 1920 по 1923 год и с 1938 по 1940 год М. С. Коноплёва работала научным сотрудником в Русском музее. С 1923 по 1938 год была хранителем в Шуваловском дворце на Фонтанке, занимаясь хранением музейных предметов, их изучением, регистрацией в инвентарных книгах по фондам хранения [8].

Последним местом работы М. С. Коноплёвой стал Государственный Эрмитаж, она работала там с 1940 года, в качестве научного сотрудника. Принята на работу была по рекомендационной записке О. Э. Вольценбурга, заведующего библиотекой Эрмитажа. В годы Великой Отечественной войны он руководил эвакуацией книг и архивных фондов Эрмитажа [4].

Вся жизнь М. С. Коноплёвой была связана с искусством, она родилась в семье художника, по профессии была искусствоведом, занималась наукой. Попробуем взглянуть на события, отраженные в блокадном дневнике М. С. Коноплёвой с точки зрения научного работника, опираясь на точность формулировок и внимательность автора к деталям.

В рассматриваемой части блокадного дневника Марии Сергеевны Коноплёвой (первая тетрадь, записи с 22 июня по 5 декабря 1941 года) содержатся бесценные описания быта и настроения людей в первые месяцы блокады Ленинграда, подробности эвакуации эрмитажных коллекций в июне–июле 1941 года.

Выбранный период позволил более детально рассмотреть их, основываясь на точных описаниях научного сотрудника Эрмитажа М. С. Коноплёвой.

Жила М. С. Коноплёва в доме № 27 на улице Маяковского, очевидно, в коммунальной квартире. Семьи своей не имела. В 1920-х годах дом принадлежал Русскому музею, очевидно, тогда сотрудник Русского музея М. С. Коноплёва получила в нем жилье.

В 1925 году в ряде квартир находились канцелярия, архив, библиотека и книгохранилище Археологической комиссии [6, с. 89–102].

Деятельность Коноплёвой связана с центральной частью города, поэтому в дневниковых записях содержится много топонимов, связанных с ней. Чаще всего в дневнике упоминаются: проспект 25-го Октября, площадь Урицкого, проспект Володарского, улицы Маяковского и Некрасова.

Мария Сергеевна Коноплёва начинает записи об Эрмитаже 23 июня 1941 года, то есть на второй день после начала войны: «Эрмитаж закрыт. В залах, вместо посетителей выстраиваются ящики разных размеров, картины начинают исчезать со стен. Очищаются подвальные помещения, где устраиваются бомбоубежища. Часть помещений будет использовано для хранения коллекций» [1].

Режим работы сильно изменился, работу часто прерывали тревоги, многие сотрудники оставались ночевать в Эрмитаже. Вот что пишет М. С. Коноплёва 7 июля 1941 года: «Тревога между 5–5'2 часами застала меня еще в Эрмитаже. По телефону от директора всем сотрудникам предложили спуститься в бомбоубежище. Пока мы туда дошли тревога кончилась и все пошли обратно. Рабо-

тали опять до 10 часов вечера. Многие сотрудники остались ночевать в Эрмитаже, так как до 11 часов работы не кончили» [1].

Многих мужчин обязали обучаться военному строю, организовали добровольческую и трудовую армию. Это можно подтвердить записями от 2 и 26 июля 1941 года: «В Эрмитаже после занятий общее собрание, посвященное вопросу об организации добровольческой армии. Около 40 человек записались. Одновременно записывались в трудовую армию много женщин...». «Во всех учреждениях мужчины до 55-летнего возраста обязаны обучаться в течение 48 часов военному строю. Поэтому весь оставшийся мужской состав Эрмитажа, за исключением стариков, остаются на два часа после занятий и проходят занятия на Эрмитажном дворе» [1].

28 июля 1941 года в Эрмитаже опубликовали конкретные дни отдыха, чему М. С. Коноплёва была очень рада: «В Эрмитаже наконец установили дни отдыха — воскресенья и понедельники. Сотрудники распределены на две группы: одни отдыхают по воскресеньям, другие по понедельникам. Таким образом, Эрмитаж не закрывается» [1].

Мария Сергеевна писала о сокращениях на работе, которые пока не касались научного состава. Но пятого августа и ее сократили: «5-го августа меня сократили на службе в Эрмитаже, и я оказалась безработной с несколькимистами рублями в кармане и пенсией. Две мои статьи, принятые к печати эрмитажным издательством, остались в редакции, в ожидании лучшего времени» [1].

Через несколько недель М. С. Коноплёвой поступило предложение эвакуироваться в Свердловск, туда эвакуировали сотрудников Эрмитажа и коллекции. Долго обдумывая, М. С. Коноплёва решила все-таки остаться в Ленинграде.

Действительно, многие сотрудники отказывались от эвакуации, не хотели уезжать. Запись от 20 августа 1941 года: «Вечером ко мне приходила Е. Н. Якоби² с неожиданным предложением мне от Эрмитажа — снова вступить в штат сотрудников и эвакуироваться в Свердловск, где находятся остальные, уехавшие раньше сотрудники Эрмитажа...»

Далее Коноплёва продолжает: «Предложение это, вероятно, результат предложения Комитета по Дела́м Искусств, охранять и эвакуировать из Ленинграда специалистов. Долго не могла заснуть обдумывая, какое принять решение — ехать или остаться? Под конец все-таки пришла к решению остаться в Ленинграде, где я родилась и провела всю жизнь» [1].

6 ноября 1941 года в дневнике написано: «Была в Эрмитаже — отопление там испортилось — везде холод, в библиотеке 5 градусов тепла» [1].

---

2 Е. Н. Якоби — археолог, научный сотрудник в Царском Селе и Эрмитаже.

Об этом также пишут А. Адамович и Д. Гранин в «Блокадной книге»: «С течением времени стены в Эрмитаже были полностью заморожены, они даже покрылись инеем. На стенах висели пустые рамы – золотые, дубовые, гладкие, с вычурной резьбой, украшенные орнаментом» [2, с. 54].

Первую запись об эвакуации экспонатов Мария Сергеевна Коноплёва делает 29 июня 1941 года: «Стены третьего и второго этажей Эрмитажа опустели, висят пустые рамы – картины в ящиках».

Процесс эвакуации экспонатов 30 июня 1941 года выглядел так: «Сегодня с трех часов дня грузовики стали выстраиваться у подъездов Эрмитажа. Около 6 часов началась погрузка ящиков, продолжавшаяся до 12-ти часов ночи. Ящики грузились одновременно с четырех подъездов Эрмитажа командами красноармейцев. Грузовики сопровождала военная охрана НКВД и научные сотрудники Эрмитажа. В общем упаковка экспонатов, подлежащих вывозу в первую очередь продолжалась шесть дней: 22 июня обсуждался план работы, 23.06 приносили ящики, заготовленные несколько лет назад. К сожалению, прибывший из Москвы представитель Комитета по Делам Искусств Храпченко так торопил укладку, что описи пришлось до крайности упрощать, опуская многие намеченные подробности» [1].

По статистике Эрмитаж вывез один миллион сто семнадцать тысяч предметов. В залах картин практически не было, но некоторые предметы вывезти не удалось. Например, роспись лоджий Рафаэля. Все рамы остались висеть на стенах [2, с. 53].

Эвакуация экспонатов в Эрмитаже проводилась до 22 сентября 1941 года. Вот, что пишет М. С. Коноплёва 6 июля 1941 года: «Одновременно со мной в Эрмитаж пришла воинская часть помогать в переносе ящиков. Спешно упаковываются скульптура, арсенал. Сотрудники работают в библиотеке до 10 часов вечера» [1].

Об эвакуации экспонатов приводятся сведения в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина: «Экспонаты упаковывались максимально надежно. Для защиты от сырости и пыли использовали рубероид, целлофан, клеенки, папки и бумаги. На все материалы создавались поящичные описи, ящики перевязывали проволокой и plombировали» [2, с. 203].

В последний раз об эвакуации экспонатов М. С. Коноплёва упоминает 22 сентября 1941 года: «Сегодня была в Эрмитаже. Ящики «третьей очереди» стоят по-прежнему на подъездах и об отправке их больше не говорят» [1].

Все эвакуированные экспонаты отправляли в Свердловский филиал Эрмитажа.

Проанализировав первую часть блокадного дневника М. С. Коноплёвой, связанную, в том числе, с эвакуацией эрмитаж-

ных коллекций, представляется целесообразным познакомиться с другими блокадными первоисточниками, касающимися работы Эрмитажа в этот период.

Были выбраны воспоминания Глафиры Николаевны Балашовой (1908–1988), в которых содержатся подробности приемки экспонатов в Свердловске, чего нет в воспоминаниях М. С. Коноплёвой, оставшейся в Ленинграде.

Г. Н. Балашова – специалист по культуре и искусству Средней Азии, родилась 25 января 1908 года в Петербурге. В 1930 году окончила Восточное отделение историко-лингвистического факультета Ленинградского государственного университета. В 1935 году поступила на работу научным сотрудником в Отдел Востока Эрмитажа. В июле 1941 года эвакуировалась в составе второго эшелона с экспонатами Эрмитажа в Свердловск. С 1943 года была ученым секретарем филиала, в октябре 1945 года вернулась из эвакуации.

Вот, что пишет Г. Н. Балашова в своих воспоминаниях о событиях 1 июля 1941 года: «К вечеру к Эрмитажу стали подъезжать машины для погрузки ящиков, уже спущенных вниз военными и моряками к подъездам музея. В сопровождении научных сотрудников и вооруженных бойцов от каждого подъезда двинулись машины, направляясь к Московскому вокзалу. Через Дворцовую площадь, по Невскому проспекту... Сопровождающими были представители каждого отдела» [13, с. 14].

Характер воспоминаний очень схож с записями в дневнике Марии Сергеевны Коноплёвой, авторы четко и емко описывают события, происходящие в Эрмитаже, а именно порядок эвакуации экспонатов в Свердловск.

Из воспоминаний Г. Н. Балашовой: «С утра, 23 июня, мы были уже в Эрмитаже, где были начаты работы по подготовке к эвакуации. Заранее приготовленные ящики, внутри которых был упаковочный материал: бумага, вата, стружка и др., имели определенные маркировочные знаки. Так, ОВ – Отдел Востока, ОК – Особая кладовая, ОИПК – Отдел истории первобытной культуры и т. д.» [13, с. 13].

Г. Н. Балашова пишет о прибытии в Свердловск 1 августа 1941 года: «Второй эшелон прибыл в Свердловск поздно вечером. Шел дождь. Нас никто не встречал, и до утра мы оставались в вагонах. Несмотря на дождь и позднее время, начальник второго эшелона Михаил Петрович Грязнов отправился на ул. Вайнера, в филиал» [13, с. 43].

Г. Н. Балашова описывала хранительскую работу в филиале: «Главной задачей Свердловского филиала было хранить и оберегать сокровища Эрмитажа. Экспонаты были упакованы в ящики (было свыше 2500 ящиков) и размещены по названным уже объектам... Дежурство на всех объектах было круглосуточным, его несли науч-

ные сотрудники... вместе с дежурным милиционером. Через каждые три часа в обходе участвовали работники ведомственной пожарной охраны. В каждой из дежурок был установлен телефон, по которому все сообщения передавались в центр, где лежал общий дневник...» [13, с. 105].

Временами организовывались контрольные вскрытия ящиков для проверки состояния экспонатов, вскрытие происходило всегда в присутствии директора Свердловского филиала, всегда составлялся протокол [14, с. 105].

Изучив записи М. С. Коноплёвой, касающиеся Эрмитажа в первые месяцы блокады, а также воспоминания Г. Н. Балашовой, дополнившие сведения подробностями эвакуации и размещения экспонатов в Свердловском филиале Эрмитажа, нельзя не отметить профессиональный подход обеих в описании и характеристике происходящих событий, точности формулировок, присущие специалистам.

Использованная литература и источники:

1. Коноплёва М.С. Дневник «В блокированном Ленинграде», 22 июня 1941 г. – 19 января 1943 г. Ленинград // Прожито : [сайт]. – URL: <https://prozhito.org/person/1998> (дата обращения: 12.12.2022).
2. Адамович А.М., Гранин Д.А. Блокадная книга. – Л. : Лениздат, 1984. – 382 с.
3. Весь Петербург на 1907 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.] : издание А.С. Суворина, [1907]. – 936 с., 2144 стб.
4. Острой О.С. Вольценбург Оскар Эдуардович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры : биографический словарь. – СПб., 1999. – Т. 2 ; электронная версия. – URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=763 (дата обращения: 01.11.2022).
5. Галасьева Г.В. Книжная коллекция Высших женских курсов Н.П. Раева в фундаментальной библиотеке герценовского университета // Вестник Герценовского университета. – 2009. – № 11. – С. 71–80.
6. Дубин А.С. Улица Маяковского. – М. : Центрполиграф ; СПб. : МиМ-Дельта, 2008. – 303 с.
7. Единый реестр профессиональных художников Российской империи, СССР, «русского зарубежья», Российской Федерации и республик бывшего Советского Союза (XVIII–XXI вв.) // Профессиональный союз художников России : [сайт]. – URL: <http://painters.artunion.ru/index.htm> (дата обращения: 01.11.2022).

8. Коноплёва Мария Сергеевна (1871–1946) // Биографика : [сайт] / С.-Петерб. гос. ун-т. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/2354-konopleva-maria-sergeevna.html> (дата обращения: 01.10.2022).
9. Коноплёва М.С. Мария Семеновна Жукова // Голос минувшего. – 1913. – № 7. – С. 19–38.
10. Коноплёва М.С., Вяткин Г.А. Работа Союза городов на Северо-Западном и Северном фронтах, 1915–1916 гг. – Псков : Ком. Сев. фронта В.С.Г., 1917. – 291 с.
11. Коноплёва М.С. Ипполит Федорович Богданович // Русский архив. – 1911. – № 9. – С. 108–116.
12. Кузьмичева А.Б. Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий // Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал. – Екатеринбург, 2016. – С. 139–142.
13. Эрмитаж : хроника военных лет, 1941–1945 : документы Архива Государственного Эрмитажа. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2020. – 232 с.
14. Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. – СПб. : Молодая гвардия, 2013. – 313 с.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Белобородова Елизавета

уч-ся 10 класса, ГБОУ Гимназия № 24
им. И. А. Крылова,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е. П.)

По следам шамана Ивана Ивигина

Шаман И. И. Ивигин.

Источник: ЦГАЛИ СПб. Ф. 168. Оп. 1.
Д. 12. Л. 89

В августе 2021 года я принимала участие во Всероссийском конкурсе «Школа юного экскурсовода», организованном Федеральным центром детско-юношеского туризма и краеведения. В рамках конкурса я знакомилась с культурой народов Сибири: селькупов и эвенков. Изучая литературу по данной теме, общаясь со специалистами Колпашевского краеведческого музея, с представителями Межэтнической ассоциации «Ильсат», я осознала, как интересна, самобытна и разнообразна культура этих народов. В ходе работы мы познакомились с биографией одного из старейшин

эвенков Верхнекетского района Томской области Владимира Александровича Ивигина из рода Чамба. Оказалось, что в роде Чамба было семейное предание о том, как их дядя — последний шаман рода Чамба ездил в Ленинград принимать участие в съемках и даже камлал на Марсовом поле. И Владимир Александрович хотел бы узнать подробности этой истории.

В ходе поиска ответа на этот вопрос я обратилась в Санкт-Петербургский государственный архив литературы и искусства, где обнаружила, что с 1930 по 1931 год на Ленинградской киностудии действительно проходили съемки фильма «Мститель», посвящен-

ного эвенкийской культуре. Главным консультантом фильма был знаменитый этнограф И. М. Суслов. Снимали и в Ленинграде. Меня очень заинтересовала эта история.

Иван Иванович Ивигин – один из эвенкийских шаманов – родился в 1866 году в посёлке Орловка Томской области [4]. Ивигины – эвенки, которые относятся к роду Чамба [6]. Эвенки (до 1931 года представители этого народа назывались тунгусами) – представители тунгусо-маньчжурского населения Сибири на территории Томской области. Этот народ появился на основе смешения абригенов Восточной Сибири с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья [21]. Тунгусы в переводе с якутского – «люди с замёрзшими губами», что означает «говорящие на непонятном языке» [21]. Кочевали эвенки по берегам Оби, Кети с их притоками, Васюгана, Парабели. Род Ивигиных входит в состав сымско-кетских эвенков [6].

Основными традиционными занятиями эвенков являлись оленеводство, рыболовство и охота. В Томской области для эвенков в 1930-е годы создавались оленеводческие хозяйства. Фамилия Ивигин происходит от слова «хивига», что в переводе с эвенкийского означает: «пестрая певчая птичка, вьющая глиняное гнездо» [6]. Наш герой, как и все эвенки, имел три имени – Дайя (повседневное имя, которое использовали в обиходе), Шорквул (имя, которое упоминали при камлании) и Иван (имя, которое указывали в документах) [4]. Иван с детства обладал способностью к ясновидению. Шаманский дар он унаследовал от матери Мори. Он лечил людей, к мальчику за советом обращались все родственники, когда собирались начать какое-либо дело [4]. Поэтому, когда он вырос, он был посвящен в шаманы. Кто же такие шаманы? Какова их роль в жизни эвенков?

Мироощущение эвенков, по утверждению учёных Ю. С. Замарёва, В. С. Лузан, С. В. Метляева, Г. М. Василевич и других, связано с «учением о доме или жилище», согласно которому вся природа (реки, озёра, тайга и небо) для них – родное жилище. Это жилище населено не только людьми, но деревьями и травами, зверьми и птицами, и самое главное, – всевозможными духами, защищающими людей от жизненных и душевных невзгод [5]. Эвенки считали, что вселенная состоит из трех миров: верхнего (угу буга), который населяют духи и божества, среднего (дулип бува), где живут люди, и нижнего (хэргу буга), там обитают души умерших предков [5]. Верхний мир располагался там, где восходит солнце, нижний – где заходит.

Считалось, что верхний и нижний миры простым людям недоступны – в них могли попасть только шаманы, причем наиболее сильные. Шаманы во многом помогали людям. Они лечили от болез-

ней, камлали с целью найти и вернуть потерянную душу больного [17]. В эвенкийской культуре шаманы – уважаемые и почитаемые люди, именно они формировали сознание общества и нормы поведения [3].

Для того, чтобы стать шаманом, человек должен был иметь в роду шаманов, но этого было недостаточно, надо было быть избранным богиней Бугадой Энин – благодетельницей человеческого рода и покровительницей всех шаманов. Шаманы не делились на белых и черных, злых и добрых. Эвенкийские шаманы делились по происхождению. Были те, кто имел корни от неба и те, кто таких корней не имел [17].

Один из самых почитаемых эвенкийских шаманов, который жил в первой половине XX века – Иван Иванович Ивигин. Именно его костюм и атрибуты хранятся в Колпашевском краеведческом музее. Он же приезжал в Ленинград на съёмки фильма «Мститель».

Уже к сорока годам Иван Ивигин имел репутацию сильного родового шамана и проводил камлания в большом шаманском чуме – дюкане [4].

«Атмосфера в чуме была доброжелательная, тишина необыкновенная. Перед началом дядя сидел, курил трубку и рассказывал, что он увидел... Мы, дети, наблюдали за поведением дяди, как постепенно он преображался, когда входил в экстаз. Глаза закрывал, губы что-то шептали, а потом шаман прикрывал лицо платком, начинал сидя, медленно раскачиваться и петь. Все вторили и мы, дети, тоже» [21].

У каждого шамана за всю жизнь должно быть семь бубнов. Считалось, когда шаман уже изготовил седьмой бубен, он достиг высшей шаманской силы [17]. Как рассказывал племянник Ивигина Владимир, в 1925 году у Ивана был уже шестой бубен [4].

Однако антирелигиозная политика государства становилась всё сильнее и сильнее, была выпущена брошюра, автором которой был этнограф И. М. Суслов, под названием «Боритесь против шаманов». Иван Иванович стал заниматься повседневными занятиями, старался не рассказывать о своих способностях и так и не успел изготовить свой седьмой бубен.

Личная жизнь Ивана Ивановича не сложилась. Его жена умерла, когда началось гонение на шаманов, погибли два сына: Денис и Михаил, 1910 и 1915 года рождения [8]. В январе 1936 года трагически погиб Денис. Комсомолец, бригадир, охотник, его невеста Агафья Николаевна Лихачева. Молодожены хотели отметить свадьбу по-новому. Но родственники невесты требовали по старому эвенкийскому обычаю – заплатить калым оленями. Инициатором убийства Дениса был брат невесты Сергей Николаевич Лихачев [8]. Второй сын Михаил Иванович в 1941 году в сентябре был призван в армию и ранен в 1942 г. Позже его снова взяли в армию. Он попал на

Ленинградский фронт, в 1944 году вновь был ранен, 22 апреля 1944 года скончался в Томском военном госпитале [8].

В 1944 году Иван Иванович переехал в Максимкин Яр и работал оленьим пастухом на производственно-охотничьей станции, в 1952 году он вернулся в Орловку [4].

Шаман жил обычной жизнью, но иногда доставал свой бубен, люди обращались к нему за помощью, и он никогда не отказывал. Его племянница Тамара вспоминала: *«Жизнь нашего дяди ничем не отличалась от других сельчан. Помню, он лечил нас травами от простуды. Может, что-то и шептал над ними, но никому не показывал. Советская власть не поддерживала шаманизм, поэтому тогда он лечил только родственников»* [20].

Иван Ивигин умер в больнице поселка Белый Яр осенью 1959 года [6].

После его смерти племянник Владимир построил лабаз в лесу и сложил туда все атрибуты шамана [12]. Лабазом у эвенков называется хозяйственная постройка для хранения вещей и продуктов. Существовали и священные лабазы, в них хранились предметы культа. Через четыре года после смерти шамана племянник Владимир сдал наследство своего дяди в Колпашевский краеведческий музей в связи с тем, что в ходе планового освоения лесных угодий Приобья исторические лабазы часто уничтожались рабочими [16].

Старший научный сотрудник Колпашевского музея Ольга Михайловна Титова предоставила нам документы о передаче костюма в музей. Из счёта от 02.03.1965 года, мне удалось узнать, что и за какую цену предоставил Владимир Александрович Ивигин директору музея [18]:

- Бубен – 1 шт., ударные щётки для бубна – 2 шт., чехол для бубна – 1 шт. – 30 р.
- Головные уборы – 4 шт., хранитель для головного убора – 1 шт. – 5 р.
- Изображение богов-покровителей, животные из металла и бисерные украшения – 80 р.
- Потакуй (эвенкийская переметная сума) для хранения религиозных предметов – 1 шт. – 5 р.
- Подвески для одежды из металла с изображениями зверей, лука, топора – 8 шт. – 5 р.
- Набор одежды шамана 10 шт. – 35 р.

Благодаря экспозиции музея и литературе нам удалось узнать о том, как устроен эвенкийский шаманский костюм и почему в акте о передаче предметов так много вещей. Шаманы действительно были частью природы. Это отразилось в костюме, каждый элемент которого связан с животным и растительным миром. Костюм состоит из нагрудника, кафтана, тканевого и металлического головного

убора, рукавиц. На рукавах кафтана – металлические пластины, обозначающие плечевые и локтевые кости, а вертикальная линия с отходящими лучами в центре нагрудника – это позвоночник с ребрами. Мех в костюме – олений, дополнен соболиными, беличьими шкурками. Таким образом, каждый элемент костюма обращен к животному миру. Важнейшие атрибуты шамана – бубен и колотушка. Шаманский бубен – это кожаный овальный или круглый обод, для его изготовления выбирали особую древесину. Во время обряда бубен мог превращаться в оленя и убежать в верхний мир, мог в рыбу и отправиться в нижний. Подробности, связанные с шаманским костюмом, нам рассказала Ольга Михайловна Титова [19].

Замысел фильма «Мститель» появился в 1928 году у режиссера Мануэля Владимировича Большинцова в Туруханске на съемках фильма «Тунгус с Хэнычара». Невоплотившиеся замыслы и образы Большинцов передал режиссеру Борису Васильевичу Шпису и Рашель Марковне Мильман-Криммер.

В основу нового фильма легла старинная тунгусская легенда о Шектауле, рассказывающая о классовой борьбе между русскими и эвенками. Научным консультантом фильма стал этнограф И. М. Суслов [11]. Именно благодаря ему, главному знатоку тунгусской культуры и литературы, в сценарий было добавлено много деталей о жизни этого народа. Жанр «Мстителя» можно назвать «киноверсией эвенкийский традиционного праздника Икэнипкэ» [9]. Икэнипкэ – традиционный праздник эвенков (тунгусов), который отмечали в первые месяцы лета, считалось, что в это время природа просыпается и наступает новый год. Праздник сопровождался многочисленными обрядами, хороводами, камланиями шаманов [5]. В аудио-визуальных материалах фильма были использованы эвенкийские песни, связанные с хороводом и движением вниз и вверх по Реке жизни.

В ЦГАЛИ СПб нам удалось познакомиться с режиссёрским сценарием фильма. Фильм рассказывает о старинном тунгусском роде, который крепко хранит и выполняет законы родовой мести. Ещё до революции по ложному обвинению, выдвинутому купцом, был посажен в тюрьму старейшина рода. Вернувшись, он готовит младшего в роду мальчика к мести. Мальчик вырос и ушёл в город, чтобы убить купца. Но к этому времени уже завершилась революция, в доме купца заседает Совет. «Мстителя», напуганного шумом города, задерживают, чтобы он понял и рассказал своему роду, что все купцы уже наказаны. Герой возвращается домой, смотрит новыми глазами на родовую жизнь и видит, что старейшина, по сути, тоже издевается над своим народом. Молодой человек понимает, что род должен быть перестроен по советским правилам [14].

11 февраля 1930 года была утверждена исходная версия сценария, написанного Б. В. Шписом и Р. М. Мильман-Криммер [12]. Сни-

мать эту картину необходимо было на месте. Р. М. Мильман-Криммер вспоминала: *«Необычайный, увлекательный материал нашей новой работы совершенно захватил нас. Чем больше изучали материал при работе над сценарием, тем более горели мы желанием сделать его на месте с подлинными тунгусами и на настоящей натуре. Комитет Севера при ВЦИКе указал нам место, где до сих пор сохранились национальные костюмы и древние обычаи. Местом этим оказалась фактория Монокон-Балагон на реке Чирамбо (Сым), притоке Енисея»* [2].

После согласования сценария с Главным репертуарным комитетом экспедиция Ленинградской кинофабрики во главе с Б. В. Шпином и Р. М. Мильман-Криммер направилась на реку Сым для натуральных съемок жизни эвенков [2].

«Мститель». Съёмки в Сибири

В ЦГАЛИ СПб сохранились монтажные журналы фильма, которые вела режиссёр Р. М. Мильман-Криммер. Из них нам удалось узнать больше о съёмочном процессе. Дорога съёмочной группы была нелёгкой. В начале марта 1930 года группа выехала из Ленинграда. 21 марта уже прибыла в Красноярск, а 29 марта в Енисейск. С первое по седьмое апреля группа добиралась в самую гущу тайги на оленях [13]. Из Енисейска в Ярцево ехали на оленях и лошадях. Расстояние между городами – 3500 километров. Пурга, холод, дождь – все это мешало группе передвигаться, поэтому поездка заняла 7 дней. Дороги между Ярцево и конечным пунктом – факторией Монокон-Балагон на Сыме не было, поэтому проводники согласились принять ленинградцев в избушке Комсеверопути, находившейся в 40 километрах от Ворогова. По дороге в Ворогово почти вся группа переболела. Часто группе приходилось ночевать в тайге у костров. Продуктов не хватало, необходимо было заниматься охотой. Участники экспедиции носили на себе всё оборудование, костюмы и зеркала. *«Никогда не забуду ночи, проведенные в тайге зимой, под открытым небом. Но трудность путешествия была по приезде скоро забыта, уж очень интересен оказался невиданный мир, в котором обитали тунгусы»,* – вспоминала Р. М. Мильман-Криммер [2].

Вечером 30 апреля приехали на тунгусское стойбище. Устроили общее собрание тунгусов, чтобы договориться о приезде их на факторию для съемок. Согласились восемь семейств с чумами и оленями. Это были тунгусы родов Баяки (Боярины), Кима (Лихачевы), Кемо (Тугундины), Килтына (Толстых) и Чамба (Ивигины) [8].

Первого мая группа достигла своей цели – доехала до фактории Монокон-Балагон [9]. Работа над фильмом началась четвертого мая [2]. Но не сразу кинематографисты приступили к съёмкам. В первую очередь было необходимо организовать медицинский пункт, аптеку

и обследовать местное население. Потом тунгусам стали показывать различные фильмы, чтобы познакомить их с кино.

Перед группой стояла сложная задача. Необходимо было заснять тунгусский род, живущий изолированно от других родов, не смешанный ни с одной народностью и сохранивший весь бытовой уклад. Это место было удалено от города и совершенно неизвестно. Тяжело было уговорить их на съёмки. Тунгусы вначале отнеслись к экспедиции недоверчиво, аппаратов очень боялись и старались избегать русских.

«Очень издалека и осторожно начали мы переговоры с этими никогда не покидавшими тайгу людьми. Сколько часов было потрачено на это, сколько чая выпито около костров в их чумах, пока мы добились их согласия» [2].

В результате экспедиции было заснято много необычного и очень интересного этнографического материала: многочисленные обряды, весенние праздники, хороводы, камлания шамана.

До этого момента никому не удавалось заснять праздник Икэ-нипкэ, потому что тунгусы всегда уходили отмечать его в самые глухие и отдалённые места, но у съёмочной группы «Мстителя» это получилось. В конце съёмки группа завоевала такое доверие, что коренные жители соглашались позировать перед камерой при любых условиях [12].

В начале августа 1930 года экспедиция вернулась в Ленинград, где съёмки продолжились [2].

На съёмки в Ленинград поехало три тунгуса: шаман Иван Ивигин, а вместе с ним К. Бояринов и Ц. Бояринов, они были его хористами, подпевали при камлании [4]. По эвенкийской традиции, подпевать шаману должны женщины, но они категорически отказались от дальней поездки, да и русского они не знали [6]. Иван Иванович потом долго вспоминал забавную историю, которая произошла с ними. Когда в Томске поезд тронулся, все трое упали на пол от страха. Потом привыкли и стали смеяться [4]. На станциях они надевали национальные костюмы и выходили на платформу, всегда собиралось много людей, чтобы посмотреть на коренных тунгусов.

27 августа на Марсовом поле Ленинграда был поставлен чум для камланий шамана [13]. Третьего сентября в Ленинград приехал этнограф И. М. Суслов, он провёл консультацию при подготовке к съёмкам [13]. Он также пообщался с И. И. Ивигиным, которого считал «одним из самых сведущих людей в области своего культа» [7].

Съёмки в чуме были назначены на третье и четвёртое сентября [13]. Родственники Ивана Ивигина вспоминали, что на съёмках творились чудеса: аппараты ломались, ленты рвались, много раз повторяли одно и то же [4]. Съёмки продлились два дня – с часа ночи до шести утра 3 сентября и с восьми утра до десяти 4 сентября.

В сценах камлания шаману подпевал хор Института народов Севера, отбор людей и репетиции проходили третьего сентября. В то время здание института располагалось на набережной Обводного канала, 7. Дирижёром был назначен И. М. Суслов, который заинтересовался этнографическим звуковым материалом [15]. Съёмки в чуме проходили третьего и четвертого сентября. Съёмки картины были завершены пятого сентября [13].

К сожалению, все старания И. М. Суслова по организации музыкального сопровождения оказались напрасными, так как фильм по техническим причинам не удалось озвучить. Режиссёр Б. В. Шпис говорил по этому поводу:

«Озвучка сделала бы картину значительно ярче, ибо имелся исключительно интересный звуковой материал, да и все построение вещи было музыкально, построено в ритме и форме тунгусской эпической песни» [12].

29 ноября 1930 г. художественно-политический совет Ленинградской кинофабрики «Союзкино» обсудил получившуюся кинокартину [9]. Большинство признали фильм положительным. Фильму выдали прокатное удостоверение. Однако критики не оценили фильм высоко. Среди недостатков они выделяли: искажение, преувеличение фактов, недостоверный сюжет. Но все признали, что фильм богат этнографическими материалами [11].

Удалось найти один из немногих отзывов на этот фильм: *«Не только идеологически, но и в отношении сюжетного оформления картина является недостаточно выдержанной. Национальная вражда к русским слишком преувеличена и сделана основной чертой психики эвенкийского племени, что совершенно не соответствует действительному облику эвенкийцев. Основной сюжет — долголетняя подготовка всем родом «мстителя» «за нацию» надуман, нежизничен, фальшив и совершенно ложно освещает настроения эвенкийского племени. Вообще во всей картине было бы целесообразно ввести больше комических моментов в противовес и взамен ненужной и излишней сентиментальности отдельных эпизодов. Вся картина нуждается в серьезном пересмотре и значительном ее изменении в отношении целого ряда эпизодов. К сожалению, основного ее недостатка — ложного сюжета, уже изменить нельзя. К достоинствам картины необходимо отнести богатый этнографический материал и прекрасную игру действующих в ней туземцев»*, — писал П. Устюгов [12].

К сожалению, этот богатый этнографическим материалом, дополненный уникальными кадрами фильм не сохранился до наших дней. В ЦГАЛИ нам удалось увидеть лишь некоторые кадры этого фильма, отпечатанные как фотографии.

Использованная литература и источники:

1. Аветисов Г.П. Иннокентий Суслов – первый послевоенный директор музея Арктики // С уважением к памяти. – СПб., 2017. – № 5. – С. 7.
2. Мильман-Криммер Р.М. Автобиография // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 35. Авторизованная машинопись.
3. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVII–XX вв.). – Л. : Наука, 1969. – 304 с.
4. Дуткина В.А. Родовой шаман : глава из книги: «Эвенки Верхнекетья. “Последний из могикан” рода Чамба» [Якутск, 2010] // Осиктакан. Эвенкия : [сайт]. – URL: http://osiktakan.ru/ethnos/rodovoy_shaman.html (дата обращения: 05.11.2021).
5. Религия эвенков: история и современность / Ю.С. Замаараева, В.С. Лузан, С.В. Метляева [и др.] // Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences. – 2019. – Т. 12 (№ 5). – С. 853–871.
6. Клиценко Ю.В. По следам шамана Ивана Ивигина // Льюоравэтльан : [информационно-образовательная сеть коренных народов]. – 2009. – URL: <https://indigenous.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=153> (дата обращения: 29.10.2021).
7. Клиценко Ю.В. И.М. Суслов и шаманы: к истории полевых исследований религии эвенков в 1926–1927 гг. // Сибирская Заимка : [электронный журнал]. – 19.09.2014. – URL: <https://zaimka.ru/klitsenko-shamanism/> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Клиценко Ю.В. Сыновья шамана Ивана Ивигина // Осиктакан. Эвенкия : [сайт]. – 09.01.2011. – URL: http://osiktakan.ru/ethnos1/sons_shaman_Ivan_Ivigin.html (дата обращения: 29.10.2021).
9. Клиценко Ю.В. Традиции праздника Иконипко в кино: из истории съемок фильма «Мститель» // Сибирская Заимка : [электронный журнал]. – 23.11.2012. – URL: <https://zaimka.ru/klitsenko-ikonipko/> (дата обращения: 02.11.2021).
10. Личный фонд И. М. Сулова // Муниципальное казенное учреждение «Эвенкийский архив» Эвенкийского муниципального района Красноярского края (п. Тура). Филиал муниципального казенного учреждения «Эвенкийский архив» п. Тура. Ф. Р–102.
11. Максимова И. Е. Архивные материалы как источник по этногенезу сымско-кетских эвенков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5. – С. 128–132.
12. Максимова И.Е., Клиценко Ю.В. «Индейцы Сибири»: эвенки в советских игровых фильмах 1920–1930 гг. // Сибирская Заимка : [электронный журнал]. – 24.05.2012. – URL: <https://zaimka.ru/maksimova-evenki/> (дата обращения: 02.11.2021).

13. Монтажные листы фильма «Мститель» // ЦГАЛИ СПб. Ф. 168. Оп. 1. Д. 11. Л. 107–109, 178.
14. «Мститель». Режиссерский сценарий Б. Шпис и Р. Милман-Криммер // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-257. Оп. 16. Д. 189.
15. Орехова Н.А. Суслов Иннокентий Михайлович // Библиотека сибирского краеведения. – URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/suslov-innokentiy-mihaylovich> (дата обращения: 20.10.2021).
16. Отчет о результатах командировки в эвенкийский посёлок Орловка по сбору этнографического материала // Колпашевский краеведческий музей. НВ 1815-1.
17. Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков (по материалам Российского этнографического музея). – СПб. : АИК, 2015. – 291 с.
18. Счёт от 02.03.1965 // Колпашевский краеведческий музей. НВ 1815-6.
19. Титова О. М. Интервью. Колпашево, Томская область. Август 2021 г.
20. Чечнева Е. Старейшина шаманского рода эвенков выступил в Томске // Tomsk.ru : [городской портал]. – 2019. – URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/140611-stareyshina-shamanskogo-roda-evenkov-vystupil-v-tomske> (дата обращения: 20.10.2021).
21. Эвенки // Иркипедия. – 2012. – URL: <http://irkipedia.ru/content/evenki> (дата обращения: 22.02.2022).

Чернышева Валерия

уч-ся 8 класса, ГБОУ гимназия № 402
Санкт-Петербурга
(руководители – Сулягина Г. И.,
Ефремова Г. А.)

Имя на карте. Анатолий Павлович Князев

Анатолий Павлович Князев.
Источник: архив семьи Князевых.

В конце 2021 года на сайт гимназии № 402 пришло письмо. Его автор, Князев Юрий Анатольевич, писал о своём отце – Анатолии Павловиче Князеве, капитане 1 ранга, военном гидрографе, а главное – выпускнике нашей 402 школы 1941 года. Встреча с Юрием Анатольевичем Князевым состоялась в школьном музее «Из истории гимназии № 402», куда он приехал по приглашению его сотрудников. В интервью Ю. А. Князев ответил на мои вопросы и рассказал много интересного о своём отце, поделился фотографиями и документами из семейного архива [9; 11].

Мой интерес к этой личности определяется ещё и тем, что я родилась в семье военных моряков во втором поколении. Судьба Анатолия Павловича Князева очень заинтересовала меня. Так начался сбор материалов, документов об этом человеке.

Новизна моей работы заключается в том, что о судьбе этого человека до меня никто не писал, потому что никаких материалов о нём в архиве музея «Из истории гимназии № 402» не было. Дочь А. П. Князева, Нонна Анатольевна Семёнова (Князева), при нашей встрече передала в дар школьному музею свои воспоминания об отце, семейные фотографии, альбом отца по начертательной геометрии [10; 11].

Занимаясь исследованием морских глубин, разработкой нового навигационного оборудования для кораблей и подводных лодок Военно-морского флота, Анатолий Павлович Князев, как военный гидрограф, внёс значительный вклад в укрепление обороноспособности страны. Источников, рассказывающих о деятельности

А. П. Князева, практически нет, т.к. они до сегодняшнего дня остаются под грифом «Для служебного пользования» и доступ к ним закрыт. Поэтому так важны были интервью с сыном, воспоминания дочери, документы семейного архива, которые они мне любезно предоставили.

Анатолий Павлович Князев родился 15 октября 1923 года в 20 км от древнего уездного города Углича в деревне Пески Ярославской губернии на берегу реки Волги в доме бабушки [3; 9]. Его родители: Павел Алексеевич и Екатерина Григорьевна (в девичестве Девяткина) Князевы переехали в г. Колпино в конце двадцатых годов. Отец работал на Ижорском заводе [10; 11]. В 1932 году Толя пошёл учиться в первый класс Первой средней образцовой школы [6; 7; 8], которой в 1939 году был присвоен номер 402 [6; 8].

В школьные годы стал формироваться характер Толи Князева. Владимир Давидович Жестяников, выпускник 10 класса средней школы № 402 1941 года, отмечал: «В нашей школе не было формализма, казённости и показного» [8]. Об этом писали в своих воспоминаниях и другие ученики, в том числе и Лидия Михайловна Бородина: «Школа была для нас вторым домом, любимым и желанным. После уроков, сбежав домой на обед, мы снова бежали в школу» [8]. В этой обстановке рос и воспитывался Анатолий Князев. Толя проявлял живой интерес к учёбе, учился на «хорошо» и «отлично».

В 1941 году он окончил 9 класс и, в дальнейшем, связал свою судьбу с морской профессией, для чего поступил во 2-ю Ленинградскую военно-морскую спецшколу Наркомпроса, которая находилась на Васильевском острове, 13-я линия, д. 14 [3; 9; 11]. Хотя поступить в эту школу было непросто: «...нужно было иметь только 5 и 4, причем максимум две-три 4» [12] и пройти строгую медицинскую комиссию [9].

22 июня 1941 года мирный период в жизни нашей страны закончился, и началась Великая Отечественная война. Многим из воспитанников военно-морской спецшколы не суждено было пережить блокадную зиму 1941–1942 гг. Учеба в спецшколе в чём-то напоминала обучение в военном училище, т.к. ребята были разделены на взводы. Их форма напоминала форму курсантов военно-морских училищ, и только лента с золотым тиснением на бескозырке заканчивалась бантом, украплённым с левой стороны околыша [1, с. 58; 18]. «По этой причине спецшкольников называли «матросы с бантиками», а так как эта школа подчинялась не Наркомату Военно-морского флота, а Народному комиссариату просвещения, то второе название, которое прочно закрепилось за нами, было «матросы Наркомпроса» [12].

Начавшаяся война изменила распорядок дня спецшколы. Не пройдёт и года, как «спецшкольники» станут заниматься не только учёбой; и их, мальчишек в полувоенной форме, через какое-то время

историки будут считать «действующей частью Ленинградского фронта» [1]. На их долю выпали и тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, и послевоенная разруха, и потеря близких людей, и восстановление страны!

В начале 1942 года Военный совет Ленинградского фронта принял решение об эвакуации спецшколы [13]. 8 февраля 1942 года учащиеся школы были вывезены по льду Ладожского озера на Большую землю. «В какой волне эвакуации был отец, не знаю, но он рассказывал, что во время эвакуации многие курсанты погибли», рассказывал Ю. А. Князев [9].

Незначительную группу ребят из первой роты направили для продолжения учёбы в ВВМУ им. М. В. Фрунзе, которое эвакуировали сначала в Астрахань, а затем в Баку [3]. Среди них был и Толя Князев. После сдачи экзаменов он был зачислен на гидрографический факультет ВВМУ им. М. В. Фрунзе.

В 1944 г. училище было реэвакуировано в Ленинград, где Анатолий Князев продолжил учёбу [11]. После успешного окончания училища в 1946 г. А. П. Князев, получив квалификацию военноморского гидрографа, как один из лучших в учёбе (третий по успеваемости), получил назначение в Балтийскую гидрографическую экспедицию, г. Ломоносов [3; 9; 11].

Во время учёбы в училище, в 1945 г. он познакомился с будущей женой, Тамарой Николаевной Петровой [10; 11]. В 1947 г. в молодой семье родилась старшая дочь Нонна, а в 1955 г. – сын Юрий.

Служба требовала сил, занимала много времени. Но у Анатолия Павловича был крепкий тыл – его семья. В своих воспоминаниях дочь, Нонна Анатольевна, писала, что «мама и папа идеально дополняли друг друга» [10].

В период службы в Балтийской гидрографической экспедиции А. П. Князев выполнял различные гидрографические работы: топографическую съёмку военно-морской базы г. Балтийск, (1946), г. Клайпеда (1947), ледовый промер у военно-морской базы Порккала-Удд, разрабатывал материалы лоций, принимал участие в топогеодезических и гидрографических работах в Моонзундском архипелаге (острова Сааремаа, Хийумаа, Муху и Вормси); а также проводил аэрогеодезические работы и промер в южной части Балтийского моря [2, с. 416; 3; 9; 11].

В 1951–1952 гг. Анатолий Павлович в должности начальника гидрографической партии участвовал в топогеодезических и гидрографических работах в северной части Ладожского озера [2; 3; 11].

Сын, Ю. А. Князев, вспоминал: «Мама рассказывала, что она постоянно сопровождала отца. В период проведения гидрографических работ в 1949–1950 гг. они проживали на маяках, у местных жителей» [9].

С 1952 по 1957 гг. Анатолий Павлович Князев обучался в ВМА кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова по специальности «электронавигационные приборы». По окончании обучения капитан 3 ранга А. П. Князев был назначен старшим научным сотрудником в НИИ навигации и гидрографии ВМФ. С этого времени научная и практическая деятельность А. П. Князева была направлена на создание средств навигации для кораблей и подводных лодок. Он участвует в государственных испытаниях первого в стране аperiodического гирокомпаса и в морских испытаниях опытных образцов навигационного комплекса и радиосекстана для подводных лодок [3, с. 89; 15].

В 1960 году Анатолий Павлович Князев получает назначение в Управление начальника гидрографической службы ВМФ (УНГС ВМФ), с 1972 года – Главное Управление навигации и океанографии (ГУНиО) Министерства обороны СССР. Там он прошёл путь от старшего офицера до начальника Отдела средств навигации [2, с. 416; 3, с. 90; 11].

В ГДР и Польше Анатолий Павлович работал над переоборудованием океанографических исследовательских судов «Николай Зубов» и «Полус» [2, с. 418; 3, с. 90; 9; 11]. За годы службы А. П. Князев неоднократно принимал участие в международных симпозиумах.

Как специалист высокой квалификации А. П. Князев в 1971 году назначается на должность начальника отдела Гидрографического управления МО. Его служба в управлении совпала с активным строительством океанского флота, созданием атомных подводных ракетносцев второго и третьего поколений, разработкой для них высокоточных навигационных комплексов [3, с. 90; 11].

Анатолий Павлович Князев участвовал и руководил разработкой современных технических средств навигации и навигационных комплексов, их испытаниями, организацией их производства и внедрения на новых проектах кораблей и подводных лодок, участвовал в организации картографического обеспечения подлёдного плавания АПЛ в приполюсном районе. В 1963 году он участвовал в арктическом походе атомной подводной лодки с испытанием там нового навигационного комплекса [2; 3].

Имея за плечами богатый опыт работы, А. П. Князев стал соавтором «Учебника электрика штурманского подводника» (1962) [2; 3; 11], автором пятнадцати печатных работ.

После увольнения в запас в 1982 году Анатолий Павлович продолжил работу старшим инженером отдела средств навигации ГУНиО МО СССР. В 1983 году в составе группы специалистов был удостоен Государственной премии СССР за создание образцов новой техники [2; 3]. Десять лет, с 1987 по 1997 гг., А. П. Князев работал в Военном представительстве МО на одном из оборонных предприятий города. Это стало последним местом его работы [11].

Дочь, Нонна Анатольевна, в своих воспоминаниях отмечает, что «...папа всегда был жизненным ориентиром для своих детей, он был ответственным человеком, высочайшие требования предъявлял не только к другим, но, в первую очередь – к себе. Любое дело, за которое он брался, он доводил до конца. Нет того, что не смог бы сделать мой великий папа!» [10]. Скромность, чувство юмора, эрудиция и талант – всё сочеталось, объединялось в этом человеке. В интервью Ю. А. Князев рассказал, что «...отец любил играть в шахматы, самоучкой научился играть на пианино», был прекрасным рисовальщиком, знатоком живописи [9; 11].

«После его кончины сын – уже потомственный гидрограф – Юрий Анатольевич Князев, организовал в Управлении навигации и океанографии выставку картин отца, свидетельствующую о незаурядных способностях их автора», – писал в своей книге А. И. Сорокин [5].

Круг друзей был невелик, но это были верные, проверенные временем друзья по учёбе в училище [5; 9] и академии: ученый-гидрограф, контр-адмирал Александр Иванович Сорокин [4; 5] и контр-адмирал Дмитрий Эрнестович Эрдман, подводник, участник многих полярных экспедиций. Свою дружбу они пронесли сквозь годы и сохранили до конца своей жизни.

Высоко оценен вклад А. П. Князева в укрепление обороноспособности страны. Он награждён четырьмя орденами и двадцатью медалями, в том числе юбилейными [2; 11].

Анатолий Павлович Князев скончался от сердечного приступа 3 ноября 1997 года на 75-м году жизни. Но дело всей его жизни продолжил сын. Юрий Анатольевич стал военно-морским гидрографом, капитаном 1 ранга.

Безымянному в прошлом географическому объекту – подводной возвышенности в Северном Ледовитом океане – присвоено имя «гора Князева». Она имеет координаты 87012`2 северной широты и 116 027`0 западной долготы [2; 11].

14 апреля 2022 года со стапелей Окской судовой верфи в г. Навашино Нижегородской области сошёл большой гидрографический катер проекта 19920 [8]. Судну присвоено имя «Анатолий Князев» – в честь организатора и участника арктических испытаний первого высокоширотного навигационного комплекса во время похода атомной подводной лодки к Северному полюсу в 1963 году. В торжественной церемонии участвовал сын А. П. Князева. А 24 ноября 2022 года на Английской набережной в Санкт-Петербурге на катере был торжественно поднят флаг Военно-морского флота Российской Федерации.

Использованная литература и источники:

1. Голованов К.В. Матросы Наркомпроса. – М. : Рипол-Классик, 2015. – 320 с.
2. Корнеев О.Ю. Имена морских офицеров – выпускников «Гнезда Петрова» (1701–2021) на географической карте мира. – [Б. м.] : Издательские решения, 2021. – 584 с.
3. Комарицын А.А. Наши ветераны. Анатолий Павлович Князев // Записки по гидрографии. – СПб., 1996. – Вып. 236. – С. 89–90.
4. Сорокин А.И. Забытый парад победы // События. Размышления : журнал МО Светлановское. – 2016. – № 2 (71). – С. 14–15.
5. Сорокин А.И. На разных широтах планеты (записки морского гидрографа). – СПб. : Полярный Экспресс, 2016. – 135 с.
6. Колпинцы : историко-биографический справочник / авт.-сост.: Е.П. Сизёнов. – СПб. : Серебряный век, 2009. – 389 с.
7. Яновская Е.Ф. Первая Образцовая школа // Окно. – 2005. – 24 нояб. – С. 4.

Архивные материалы:

8. Архив школьного музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 04: Материалы по истории школы. Д. 3. 42 л.
9. Интервью с Юрием Анатольевичем Князевым, сыном А.П. Князева.
10. Воспоминания Нонны Анатольевны Семёновой (Князевой), дочери А.П. Князева.
11. Семейный архив Князевых (фотографии, книги, документы).

Электронные ресурсы:

12. Дыгало Виктор Ананьевич – контр-адмирал // Наш Баку : [сайт]. – URL: https://ourbaku.com/index.php/Дыгало_Виктор_Ананьевич_контр-адмирал (дата обращения: 21.11.2021).
13. 2-я Ленинградская специальная военно-морская средняя школа // Министерство культуры Омской области. Областной дом ветеранов : [сайт]. – URL: <https://домветерановомск.рф/garnizon/2-ya-leningradskaya-specialnaya-voenno-morskaya-srednyaya-shkola> (дата обращения: 01.11.2021).

Мокшанихина Анастасия

уч-ся 11 класса, ГБОУ школа № 411
«Гармония» Петродворцового района
Санкт-Петербурга
(руководитель – Шибанова В. В.)

Человек размером с вечность.

Вадим Знаменов

Вадим Знаменов, 1965 г.

Источник: архив Е. П. Логуновой

Вадим Валентинович Знаменов – правнук крепостного, внук Путиловского рабочего, сын военнослужащего, родился 17 декабря 1936 года в Ленинграде. Его предки по отцовской линии – петербуржцы. Все они родились здесь и крестились в деревянном Троицком соборе, за Троицким мостом [16]. Он рано почувствовал интерес к истории и искусству, как это было принято в семье. Главным побудителем этого интереса был отец. Вадим Валентинович вспоминает: «Отец до войны собирал книги по искусству, помню великолепные переплеты и иллюстрации трехтомной «Истории искусств» Гнедича, «Истории государевой

свиты», книги по истории российских полков. В детстве я буквально жил в шкафу с книгами» [1, с. 90]. Мать, Елизавета Филипповна, родилась в Березовке под Одессой, работала гидротехником. Была доброй, сердечной женщиной, сполна отдавалась семье и во всем поддерживала мужа. О маме Вадим Валентинович говорит восторженно: «Мама – человек величайшей культуры, знание русского языка, действительно великого, дала мне именно она». Она из тех русских женщин, которые сполна отдают себя детям, семье [1, с. 91].

В начале войны семью эвакуировали из осажденного Ленинграда сначала в Казань, затем в Свердловск, а из Свердловска в Тюмень.

В январе 1944 года Ленинград был освобожден от вражеской блокады, а в марте семья Знаменовых вернулась в родной город, и Вадим Валентинович продолжил учебу в школе [1, с. 90]. «Школу я не любил, часто сбегал с уроков, и чтобы не попадаться матери

на глаза, уезжал в пригороды Ленинграда – Пушкин, Павловск, Петергоф, которые до этого знал только по фотографиям в довоенных отцовских путеводителях, а сейчас на месте этих красот – развалины... А ещё видел, как по Невскому везли Самсона» [2].

В книге Юрия Помпеева есть такие строчки: «По дороге в школу он прятал портфель в укромное местечко – поленницу дров во дворе родного Саперного переулка – и все, ты целый день свободен! Значит, целый день можно бродить по городу, его площадям, улочкам и набережным. А можно «рвануть» на вокзал. Потихоньку, чтоб не попасться в руки контролеров, пробраться в вагон и доехать до Павловска, Пушкина или Петергофа» [1, с. 91]. «В Петергофе в первый раз оказался, наверно, классе в четвертом. Большой дворец стоял пустой, весь в развалинах. Туда можно было забраться, перемахнув через забор или в дырку в заборе. Только надо было быть очень осторожным, чтоб по голове что-нибудь не ударило, или не провалиться куда-нибудь, или, элементарно, не подорваться на mine или снаряде. На память, как сувенир, собирал кусочки штукатурки с росписью. Вот так впервые и приобщился к музейному делу» [1, с. 92].

В своих воспоминаниях Вадим Знаменов не раз рассказывал, как ходил по развалинам дворца, и не думал, что именно с этим местом будет связана вся его жизнь, что он вновь придет сюда через 20 лет, после окончания университета. К моменту окончания школы будущее для него было вполне делом решенным – история искусств стала главным его интересом. В Академию художеств он не поступил, не получилось. Работал грузчиком три года на Ленинградском почтамте, чтобы поддержать семью. Поступил на исторический факультет Ленинградского университета, где его учителями стали прекрасные педагоги, крупные ученые: М. К. Каргер, В. А. Богословский и др. Поступив, выбрал направление, связанное с историей архитектуры [1, с. 115].

В период учебы Вадим Знаменов специализировался по истории древнерусского искусства, его дипломная работа была посвящена архитектуре Пскова домосковского периода. С отличием окончив университет по специальности истории искусств, Вадим Валентинович не раз в разных интервью признавался, что у него с детства была страсть к изучению архитектуры разных городов. Ему всегда хотелось ездить, смотреть, изучать. И он нашел эту возможность. В 1961 году в Ленинграде было создано первое в стране Бюро путешествий, у его истоков стоял студент – старшекурсник исторического факультета Вадим Знаменов. Ко времени окончания университета, он был директором туристских поездов, совершая поездки в разные города, он сам знакомился с архитектурой этих городов, любил проводить экскурсии по родному Ленинграду.

Будучи студентом, он женился, стал отцом. Жена Инесса Григорьевна работала в Русском музее. Добрым словом вспоминают ее жители Петергофа: «Во время поездки в Пушкинские горы для вручения диплома Почетного гражданина Петергофа С. С. Гейченко, члены общества «Возрождение Петергофа» во главе с В. В. Знаменным посетили музей в городе Пскове. Нас завораживало таинство икон. Вот тут Инесса Григорьевна не выдержала, она прекрасно знала древнерусское искусство, и стала описывать содержание каждой иконы, что для нас несведущих в этом, было очень полезно и интересно. Рассказ превратился в познавательную экскурсию. А сам Вадим Валентинович, водил нас по Изборску, по Псковскому Кремлю. Затем благодаря ему побывали в Псковско-Печерском монастыре» [3].

Экскурсионные поездки В. В. Знаменова по городам были полезны для будущего развития Петергофа. Во время путешествий он изучил экспозиции десятков разных музеев. Обращал внимание на предметы декоративно-прикладного искусства, бронзу, фарфор. Смотрел с точки зрения профессионала. Через два года после окончания исторического факультета Университета, Знаменов вернулся в Петергоф. Случайность или совпадение? Обосновал это выражение сам Вадим Валентинович так: «Был у нас в Университете один преподаватель, которого не без основания считали чудачком... И вот именно с ним, летом 1965 года и столкнула меня судьба... Преподаватель, посмотрев на меня оценивающе, сказал: «А, знаете ли, коллега, что в Петергофе главного хранителя ищут? Я тут же отправился в Петергоф» [1, с. 94].

Главный хранитель

Вадима Валентиновича в Петергофе встретил заместитель директора по науке Илья Михайлович Гуревич, автор многочисленных краеведческих статей в районной газете «Заря коммунизма». Вадим Знаменов вспоминал: «10 августа 1965 года поступил сюда главным музейным хранителем. Илья Михайлович Гуревич сразу повел осматривать владения. Подходим к Большому каскаду «...вот это все твоим и будет», говорит он. Ночью я плохо спал – всё казалось невероятным, что буду хозяином таких вещей, к тому же не понимал, что с ними делать» [17]. И. М. Гуревич – интеллигентный, образованный человек, с которым интересно было общаться, поделиться сомнениями и планами Вадим Валентинович хорошо запомнил свои впечатления того дня, когда И. М. Гуревич привел принимать фонды: «Перед нами открылась картина – несколько предметов стояли по стенам, а в центре, на полу – небрежно сложенные вещи. Стеллажей не было, вещи составлялись, как придется. В тридцатых годах началась инвентаризация уже сформированных

музеев Петергофа, но в нее не вошли вещи из трех дворцовых музеев, которые по этой причине не стали музеями, а также, не вошли предметы, находящиеся в подсобных помещениях. Большой ущерб был нанесен коллекциям в годы Великой Отечественной войны. По данным 1938 года, во всех Петергофских музеях и фондах числилось 31502 предмета... Из 2969 предметов мебели было эвакуировано лишь 62. Первыми после войны удалось восстановить Монплезир и павильон Эрмитаж... Наиболее сложной задачей оказалось создание экспозиции в интерьерах Большого дворца: из 4172 единиц хранения удалось эвакуировать лишь 1685... В Верхнем саду, в Монплезире были открыты три зала и галерея» [1, с. 90–95].

В. В. Знаменов вспоминал: «Когда я приступил к работе, то увидел странный грот: он был примерно на метр, может быть, на полтора, засыпан щебнем, строительным мусором, полустгнившими досками. Сверху торчали непонятные детали, на голову сыпалась сбитая штукатурка. Кругом сочилась вода. Находиться в тоннеле было довольно рискованно. Сверху обрушивались потоки воды, которые проникали через ступени, вместо того, чтобы по ним стекать. Только жидкие струйки воды добирались до конца каскада. Он разрушался с каждым днем. Мне пришлось заглядывать в учебники музейного дела, учиться грамотно делать описание предметов фондов, что хранились в музее. Однако этих музейных предметов было так мало, что залы казались пустыми и даже в шестидесятые годы. Значит, следовало пополнять фонды, искать музейные предметы, где только можно. В годы оккупации все, что не вывезли, фашисты разграбили. Но и до войны многие вещи разошлись неизвестно куда как лишние» [13].

Вадим Валентинович работал в Петергофских музеях хранителем. Увлеченный человек и экскурсии проводит увлеченно, об этом сохранились впечатления слушателей шестидесятых годов. Например, после экскурсии, специально проведенной для петергофских членов народного контроля, А. Ф. Михайлова восторженно рассказывала о глубоких познаниях и о прекрасной речи экскурсовода [9].

Главной задачей музейной работы является собирательская деятельность. Вадим Валентинович буквально каждый предмет, поступающий в музей, знал досконально.

Нина Валентиновна Вернова с момента поступления в музей стала главной союзницей и помощницей В. В. Знаменова. Оба они считали своим учителем руководителя Центрального хранилища всех поступающих после войны экспонатов, возвращённых музейных предметов Петергофа – А. М. Кучумова. Многочисленные поиски и большая собирательская работа позволили пополнить художественные фонды и экспозиции музея-заповедника тысячами предметов: произведениями живописи, сервизами, тканевой

обивкой стен, изделиями фарфора, стекла, предметами декоративно прикладного искусства, мебелью и т.д. «Поиски исчезнувших вещей дело чрезвычайно интересное. На этом пути встречаются неожиданные находки, радостные открытия, а иногда и горькие разочарования...» [4].

Однажды в командировке, в одной из московских гостиниц, внимание главного хранителя дворцов-музеев и парков привлекли часы. Они представляли собой колесницу Аполлона-Феба, правящего упряжкой коней, скользящего по небесному своду. Детально изучив находку, Вадим Валентинович обнаружил подпись мастера XVIII века, сделанную на подставке часов: «Томир. Париж». Изучая перечень устройства интерьеров Петергофских дворцов 1885 года, В. В. Знаменов обнаружил почти точное сходство московских часов с часами, находившимися когда-то в Английском дворце в 1885 году. Московские и дворцовые часы различались только числом лошадей в упряжке, но ведь одна и та же модель могла послужить основой для различных вариантов. И как полагается произведениям искусства, они должны принадлежать музею. После череды хождений по различным инстанциям, просьб и обращений, теперь мы можем «увидеть эти часы на камине Портретного зала Большого Дворца» [4].

Известна история о том, как много лет сотрудники Государственного музея-заповедника разыскивали 300 стульев, для возвращения их обратно в Большой дворец. История началась с письма из Мурманска, в котором автор, ранее живший в Ленинграде, сообщал В. Знаменову о том, что ему удалось обнаружить два стула, принадлежавшие Большому Петергофскому дворцу, а позже прислал контейнер с находкой. Они находились не в лучшем состоянии. Причиной обнаружения их в далеком Мурманске стала нехватка мебели в двадцатых-тридцатых годах прошлого столетия, когда разрешалось выдавать мебель из дворцов вновь создаваемым советским учреждениям. Архивы подтвердили это. Кроме Петергофского номера на стульях был штамп ВАИ (ныне – Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт). Первый раз институт ВАИ Вадим Знаменов посетил в 1968 году. В результате нашлось ещё 40 стульев. В 1968 году на набережной Мойки, д. 120 нашел ещё восемь стульев. Один из реставраторов однажды подсказал, что видел подобные стулья в музыкальной школе Калининского района. Их оказалось шесть «а на каждом была бирка «Петергофское дворцовое правление». Спустя год ещё четыре стула обнаружили в одном из ленинградских учреждений культуры [5].

В 1974 году Арктический институт «выдал» ещё 12 стульев. Прошло девять лет безуспешного поиска стульев. В конце лета 1983 года Вадим Валентинович проезжал мимо дома № 33 по улице Декабристов. На первом этаже какого-то учреждения он увидел жен-

щину, которая мыла окно на знакомом стуле. Учреждение, в которое зашел главный хранитель, оказалось ленинградским отделением издательства «Транспорт». В приемной и кабинете директора стояло 11 дворцовых стульев, которые вскоре вернулись на свое место [5].

Теперь стулья стоят в Чесменском зале Большого Петергофского дворца. «Как зачарованный слушаешь и, кажется, что это тебе рассказывает Вадим Валентинович о своих почти детективных историях о поисках мебели. Его рассказ настолько яркий, что поневоле заражаешься его энтузиазмом» [17].

До войны 1941–1945 гг. в Петергофе было несколько музыкальных инструментов, и среди них – знаменитое прямоугольное фортепиано екатерининской эпохи. Инструменты не были вывезены и погибли. Однажды позвонила из Москвы некая дама и предложила посмотреть старинный рояль и недорого отдать. В. В. Знаменов с Григорием Голдовским тут же выехали, профессионально осмотрев рояль, убедились – вещь действительно екатерининская, замечательная. Такого рода инструменты делались и в Москве, и в Петербурге обычно приезжими немецкими мастерами. «Договорившись о приобретении, они сумели на удивление хозяйки, эту невероятную тяжесть, выволочь во двор, на снег. Сами доставили на вокзал, загрузили в вагон, привезли в Питер, разгрузили, доставили во дворец так – служб по доставке тогда не было. Благодаря такому огромному труду, сегодня мы можем увидеть этот предмет екатерининской эпохи в Петергофе» [6].

Можно себе представить, сколько пришлось потратить сил, времени и энергии, чтобы найти, уговорить, отдать эти находки Петергофу.

Музейные фонды пополнялись экспонатами от разных людей и по различным каналам. Многие предметы приобретались у частных лиц, в антикварных магазинах. Немало произведений декоративно-прикладного искусства обнаруживались в различных учреждениях Ленинграда. Например, «в одной из школ рабочей молодежи Ленинграда сотрудники музея нашли гарнитур из 12 стульев, находившихся до войны в «Коттедже». Здесь их списали из-за ветхости и готовились уничтожить, но в Петергофе стулья отреставрировали и поставили на законное место» [6]. М. Семенов (он же М. Фридман) рассказывал, какие большие усилия в течение двух лет тратили научные сотрудники, чтобы заполучить на киностудии «Ленфильм» редкие произведения русского декоративно-прикладного искусства. Подробный рассказ Вадима Валентиновича может услышать каждый желающий в серии «Неизвестный Петергоф» в фильме «В поисках утраченного» [16].

В каждом букинистическом магазине знали, что сначала надо позвонить В. В. Знаменову, а потом книги и открытки о Петергофе

«пускать» в продажу. Он приезжал моментально, отбирал и покупал: так пополнялась библиотека музея-заповедника.

Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных передал музею редкий стол и два готических стула, соответствующих мебели «Коттеджа» [5]. Также некоторые вещи из экспозиции музея пришли из фондов других музеев. Вот небольшой перечень вещей, поступивших для музея «Коттедж»: два гарнитура ложно-готической мебели из бывшего дворца Юсуповых и Аничкова дворца, готические часы французской работы из Государственной Третьяковской галереи, большое количество произведений живописи из Павловска и других музеев [7]. Перед пригородными дворцами-музеями Ленинграда в те годы стояла острая проблема поиска экспонатов, потому что из спасенных от фашистского разграбления произведений искусства далеко не всегда удавалось воссоздать полноценную экспозицию. На помощь приходили коллекционеры. Так, например, одна соотечественница подарила музею более 10 предметов старинного фарфора. Коренная ленинградка Галина Павловна Семенова пополнила коллекцию мебели музеев Петродворца дамским туалетным столиком из карельской березы. В нем обнаружили сюрприз – кусок пергамента с записью, датированной 1886 годом. В ней говорится, что изделие выполнено Иоганном Битнером, выходящем из Кенигсберга, много лет проработавшим в Петербурге.

«После выхода в «Ленинградской правде» статьи «Сервизы с яхты», многие владельцы, ранее не подозревавшие о ценности предметов, принадлежащих им, предложили их музею. На выставке 17 сентября 1983 года в Большом Петергофском дворце, посетители получили возможность познакомиться с сервизами, принадлежащими этим яхтам. Судьбы судовых сервизов складывались по-разному. Многим был нанесен урон во время пользования, другие сервизы исчезали после списания судов, передавались на новые одноименные яхты.

К летнему сезону 1980 года в Нижнем парке был открыт дворец Марли. Для пополнения нового музея в комиссионном магазине приобрели настольный кабинет XVIII века из черного дерева, украшенный полудрагоценными камнями и бронзой. Не броскими, но уникальными предметами пополнился дворец: старинная кухонная утварь из меди и олова, фарфоровое блюдо, фарфоровый сливочник. Коллекция пополнялась редкими полотнами живописи: «Пейзаж со стадом» (А. Кейп), «Триумф императора» (Шарль Лебрен), столовые приборы из прозрачного стекла, расписанные золотом. Вазу 1830 года, собранную на Императорском фарфоровом заводе, адресуют в Екатерининский корпус. В 1970 в Павловск и Петродворец поступила очередная коллекция экспонатов: 38 ножей, 38 вилок, ручки из слоновой кости.

Кроме потерь в годы войны, многое было утеряно еще в довоенные годы. Много ценных вещей музей получал в дар и тогда, когда Вадим Валентинович стал директором. Среди дарителей были как простые, так и известные личности.

Потомок лорда Веджвуда в знак признания за бережное хранение сервиза в 2002 году подарил музею одно из новых произведений, изготовленных на фабрике. Огромный сервиз желтоватой фаянсовой посуды Джон Веджвуда, так называемый Хаск-сервиз, можно видеть сейчас в Столовом зале, или, как его еще называют, Белой трапезной Большого дворца. В свое время сервиз состоял из 300 предметов, был выполнен по специальному заказу Екатерины II на английском керамическом заводе, открытом Веджвудом в 1769 году, и являлся одним из первых выпусков этого завода. Из Берлина в качестве жеста доброй воли была передана копия «Молящегося мальчика», теперь этот шедевр украшает Царицын павильон [14].

Имя петербургского ювелира Карла Фаберже известно всему миру. Его бесценные творения хранятся в музеях многих стран Европы и Америки, и, конечно же, Петергофский музей-заповедник имеет в своем фонде его работы. В 1990 году фонды музеев пополнились массивной трехлитровой чашей, выполненной из чистого серебра, производства знаменитой фирмы. На ее эмалевой поверхности выгравирована дарственная надпись, и были воспроизведены 56 автографов дарителей. Такая атрибутика еще не встречалась в работах Фаберже. Этим произведением декоративно-прикладного искусства рабочие и служащие железных рудников в 1916 году отметили десятилетний юбилей службы на предприятии своего управляющего – выпускника Петербургского горного института В. Г. Мухина. Реликвия хранилась у членов семьи этого замечательного человека-патриота.

В 2004 году бизнесмен Виктор Вексельберг перехватил у аукциона «Сотбис» уникальную коллекцию из 9 императорских пасхальных яиц Карла Фаберже, а к ним докупил еще около 180 произведений искусства этого же ювелира. По оценкам экспертов антикварного рынка, покупка обошлась предпринимателю примерно в 120–150 млн. долларов. Предприниматель заявил, что яйца Фаберже он приобрел исключительно из патриотических соображений, национальное достоинство должно вернуться в Россию.

Конечно, это не все, что было найдено и приобретено В. В. Знаменовым и его верными соратниками: Н. В. Верновой, И. К. Ботт, и другими.

Жизнь – это созидание

Неотделимы, немислимы друг без друга город Петергоф и государственный музей-заповедник «Петергоф», они носят одно имя.

Когда Вадим Валентинович пришел работать в Петергоф, все музеи были полуразрушены. Реставрация, конечно, велась, но насыщать Большой дворец было нечем. Посетители выстаивали очереди во дворец, а на выходе возмущались: «У вас тут смотреть нечего!» Многие коллеги говорили ему, что с этим ничего сделать невозможно, но вопреки всему он не оставил парк [8]. В. В. Знаменов вспоминал: «Я был хранителем разгромленного музея – обворованного отнюдь не только нацистами, из которого выгребли все, что могли унести – сначала советская власть, потом крупные музеи. Они решали за нас, мы же были «ЦПКиО» (центральный парк культуры и отдыха). Это говорилось мне лично коллегами из музеев. Когда я просил их: помогите, дайте хоть что-нибудь, у вас же ни один предмет не погиб, а у нас 900 дней шла война, верните хотя бы то, что вы у нас забрали, мне отвечали уклонным отказом» [8].

Первым музеем, открытым в 1956 году, стал Эрмитаж, несмотря на то, что он был сильно разрушен: на втором этаже через разрушенную стену немцы втащили пушку. Благодаря сохранившимся в эвакуации картинам можно было снова покрыть стены сплошным ковром. К лету 1965 года в Большом дворце были открыты всего три зала: Куропаточная с одной шелковой полосой на стене в качестве образца, Картинный зал и Белая столовая.

Работы велись в Верхнем саду, там убирали немецкие рвы, сажали деревья, восстанавливали фонтанную систему. Дворец Монплеизир работал не полностью, были открыты четыре комнаты и галерея. Долго стоял в разрухе Банный корпус. Однако, восстановив стены, там стали устраивать различные выставки. А вот Фермерский дворец приспособили под общежитие часового завода. Разграбленная Капелла стояла с заколоченными окнами и дверями.

Вот в таких условиях и при такой картине В. В. Знаменов стал директором музея. Никакого намека, что это Музей-заповедник не было. Пройдет еще много времени... Только в 1983 году музей получит статус Государственного Музея-заповедника.

В 1997 году уже государственный музей-заповедник «Петергоф» получит статус особо ценного объекта мировой культуры и войдет в перечень памятников мирового наследия ЮНЕСКО.

Сегодня ГМЗ «Петергоф» находится на вершине своего великолетия, в числе «Семи чудес России», к которым был причислен в результате опроса россиян.

В шестидесятые годы В. В. Знаменов оказался на сложном фронте воссоздания и защиты памятников, и, это стало смыслом его жизни. С самого начала его деятельности сложилась команда, без которой невозможно было бы совершить грандиозную работу, итог, который мы видим сегодня. Неразрывно связаны имена Вадима Валентиновича Знаменова и Нины Валентиновны Верновой, заме-

стителю директора по научной работе, пришедшей в музей годом позже В. В. Знаменова. Они были «объединены «эмоциональным и интеллектуальным порывом» в работе, жили только интересами музея, посвящая ему себя целиком. В течение многих лет в команде директора были Юрий Вадимович Таннер, Владимир Иванович Вальданов – кавалер многих военных орденов Великой Отечественной войны, В. Юмангулов, Т. Носович, М. Трубникова, И. М. Гуревич, В. Тенихина, И. К. Ботт и многих других, чьих имен сегодня никто не помнит. Можно многое о каждом из них написать, к сожалению, уже не в пределах этой работы.

Ни на один день не прекращалась кропотливая работа по восстановлению, воссозданию, развитию комплекса музея и пополнению его коллекций. Сейчас владения музея-заповедника располагаются далеко за пределами Петергофа. А люди стали восхищаться: «Как тут у вас все хорошо сохранилось!». Сегодня ГМЗ «Петергоф» является самым посещаемым музеем страны.

Вадим Валентинович вспоминал: «Работать приходилось действительно зверски. Сейчас бы просто это ни мной, ни кем другим не могло быть выполнено. Работали до ухода из Петергофа последней электрички в час ночи. Приезжали домой, спали несколько часов, утром электричкой снова сюда. Без такого труда просто ничего бы не состоялось потому, что все надо было делать с нуля. В этом трагедия Петергофа, но в этом и его прелесть. Сегодняшний музей-заповедник сотворен нашими руками, через которые прошли все музейные экспозиции и экспонаты. Мы работали, потому что это было интересно. Для себя интересно: добыть, найти, вернуть, спасти, показать и услышать: «Ой, ребята, хорошо как у вас получилось!». Не за деньги же работали, потому что их количество не прибавлялось, а, наоборот, убавлялось. Это был способ самореализации. Нечего кривить душой, очень хотелось себя показать. Поскольку это твоя работа, ты видишь смысл ее и перспективы, понимаешь, что она не тебе одному нужна. Постоянно тикал механизм сравнения с теми музеями, у кого лучше. Почему у них так? А мы что — глупые, неумелые? То, что мы исковерканы войной и предрассудками, это можно наверняка преодолеть. Такая убежденность все время срабатывала, она, и сегодня нас не покидает» [16].

Использованная литература и источники:

Книги:

1. Помпеев Ю. А. Петергоф : история создания музея. – Петербург; Петергоф : Абрис, 2005. – 160 с.
Газетные статьи:
2. Артеменко Г. Мы не отпускаем Знаменова! // Петергофский Вестник. – 2008. – 23 октября.

3. Вернова Н. В. Как пополнялись музеи // Заря коммунизма. – 1980. – 1 июля.
  4. Владимирова Т. Подарок из Берлина // Муниципальная перспектива. – 2005. – 5 мая.
  5. Дмитриева И. Орден директору заповедника // Петергофский вестник. – 1996. – 17 мая
  6. Знаменов В.В. Поиск продолжается // Заря коммунизма. – 1973. – 18 авг. (№ 98).
  7. Знаменов В.В. Если мир, в котором мы живем, будет правдив, прекрасен, честен, нам будет в нем комфортно // Дворянское гнездо. – 2005. – Сентябрь/октябрь.
  8. Знаменов В.В. В России надо жить долго! // История Петербурга. – 2010. – № 1 (53). – С. 3–6.
  9. Прошкина Т. Жизнь – это созидание // Муниципальная перспектива. – 2000. – 27 декабря.
  10. Рублева Н. Вадим Знаменов // Дворянское гнездо. – 2005. – № 3 (сентябрь/октябрь).
  11. Семенов М. Откуда берется мебель // Заря коммунизма. – 1976. – 19 авг. (№ 100). С. 3.
  12. Тимофеев О. Ярких эпизодов было множество // Петергофский вестник. – 1996. – 21 декабря.
  13. Фридман М. После долгого отсутствия // Заря Коммунизма. – 1983. – 26 ноября.
Электронные ресурсы:
  14. Депутат Михаил Барышников : офиц. страница // ВКонтакте : социальная сеть. – https://vk.com/deputat_baryshnikov (дата обращения: 26.03.2021).
  15. Вилова А. Восстановил красоту из пепла. Ушел из жизни Вадим Знаменов // Санкт-Петербургские ведомости. – 2020. – 26 февр. <https://spbvedomosti.ru/news/culture/vosstanovil-krasotu-iz-pepla-ushel-iz-zhizni-vadim-znamenov/> (дата обращения: 02.10.2020).
  16. Помпеев Ю.А. // Творцы Петергофа. Заключение: <http://o-kalnickoi.livejournal.com/10746.html> (дата обращения: 02.10.2020).
- Фильмы:
17. Неизвестный Петергоф. В поисках утраченного // YouTube. – https://www.youtube.com/watch?v=RQ_H6YKkv8Q (дата обращения: 02.10.2020).

Модзеров Григорий
уч-ся 8 класса, ГБОУ лицей № 533
Красногвардейского района,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е. П.)

«Безгранично преданный науке» (история жизни Александра Альфонсовича Гроссгейма)

А. А. Гроссгейм родился 6 марта (23 февраля) 1888 года в селе Лиховка Верхнеднепровского уезда Екатеринославской области в семье ветеринарного врача. Знаем мы это из метрики 1888 года села Лиховка, которая сейчас хранится в Днепропетровском архиве [12]. Из метрики мы видим, что будущий ученый родился в семье земского ветеринарного врача Альфонса Карловича и его жены Евдокии Михайловны. Из того, что отец был земским ветеринарным врачом можно сделать вывод, что семья жила небогато, так как обычно земские ветеринарные врачи получали не много. Поэтому Александра Альфонсовича отдали в реальное училище.

Среднее образование он получил в Первом Екатеринославском реальном училище [15]. Преподавателем у него был Иван Яковлевич Акинфиев – один из видных исследователей кавказской флоры. Александр Гроссгейм учился в эпоху перемен в образовании. Согласно уставу 1888 г., в учебных планах увеличилось количество часов на изучение новых иностранных языков, математики, физики, естественной истории, географии и некоторое уменьшение часов на черчение, чистописание и рисование [14]. Возможно, эта особенность учебного плана вызвала у юноши интерес к естественным наукам.

Иван Яковлевич Акинфиев прививал ученику любовь и интерес к научной деятельности, и с 1903 г. Александр Альфонсович начал совершать экскурсии и собирать растения в окрестностях Екатеринослава и на юге Крыма.

Возможно, после окончания Реального училища А. А. Гроссгейм продолжил обучение в Императорском Лесном институте: в каталогах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга мы нашли личное дело студента Лесного института А. А. Гроссгейма за 1906–1907 годы [17]. Но пока ознакомиться с самим делом мне не удалось, поэтому подробностей о первом пребывании А. А. Гроссгейма в Петербурге мы пока не знаем.

В 1907 г. появились две его печатные работы, написанные вместе с И. Я. Акинфиевым [2]. В дальнейшем молодой ученый готовил к

печати «Флору Екатеринославской губернии», однако, к сожалению, осуществить этот замысел не удалось.

В 1907 г. Гроссгейм поступил в Харьковский университет, на курс естественных наук. Знаем мы это из списков учеников Императорского Харьковского университета за 1907–1908 гг., в которых указано, что Александр Альфонсович был сыном ветеринарного врача и учился до университета в Екатеринославском реальном училище [16]. Учителями Гроссгейма в университете были выдающиеся специалисты: ботаник-географ, автор более 300 научных работ, один из основателей Батумского ботанического сада Андрей Николаевич Краснов и исследователь природы Крыма, автор десятков научных трудов и определителей растений Валерий Иванович Талиев. Возможно, увлечение преподавателей природой Крыма и Кавказа определили круг научных интересов Гроссгейма еще в студенческие годы.

В бытность студентом А. А. Гроссгейм проводил свободное время в ботанических экскурсиях и экспедициях. В 1910 г., в 22 года, он совершил экспедицию в район нагорной Армении, позже, в 1914 г., совершил ботанические поездки в Среднюю Азию на хребты Алайский и Туркестанский [15]. В 1912 году Александр Альфонсович поступил на математико-физический факультет Московского университета, где продолжил свое образование.

Работа в Грузии и Азербайджане

По окончании университета ученый поступил в Тифлисский ботанический сад на должность практиканта. Уже тогда Александр Альфонсович переписывался со многими профессорами. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН я нашел письма Александра Альфонсовича, отправленные Ивану Порфирьевичу Бородину, известному биологу [13]. В первом письме от 12.06.1916 Гроссгейм пишет Бородину, о том, что присылает ему 77 листов своей работы, а 100 листов останутся у него. Также Александр Альфонсович упоминает свою поездку в Петроград, где он изучил гербарий. Этот факт из жизни ученого я обнаружил впервые [13, л. 1]. В следующем письме от 10 июля 1916 года Гроссгейм пишет, что отправил 112 листов и просит, чтобы Бородин прислал ему растения из Екатеринославского гербария [13, л. 2].

К сожалению, здесь в переписке наступает перерыв, и следующее письмо датируется уже 12.06.1925 и в нем Александр Альфонсович просит уведомить его о приезде профессора Н. А. Буша из Ленинграда. И в этом письме ботаник впервые подписывает свой адрес: Тифлис, Перовская 1, кв. 2 [13, л. 3,4]. А в своем последнем письме от 12.06.1927 Гроссгейм благодарит Бородина о помощи в составлении работы [19, л. 5]. Эти письма позволяют нам составить

представление о человеческих качествах Александра Альфонсовича: он всегда вежлив и почтителен, и в этом можно заметить профессионализм. Письма явно написаны с добротой и уважением к Бородину.

В 1915 году в жизни Гроссгейма происходит радостное событие. У Александра Альфонсовича и его жены Анны Моисеевны Черниковой (к сожалению, дату заключения брака мы пока не знаем) родился сын Владимир Александрович. В будущем – видный советский геолог, доктор геолого-минералогических наук [6].

Педагогической работе в высшей школе ученый отдавал много сил и энергии, считая своим общественным долгом обучение и воспитание молодых кадров советской науки, поэтому он постоянно преподавал. Сначала он работал ассистентом, затем – доцентом Тифлисского политехнического института (1917–1926). В 1920 году он приступил к составлению определителя Кавказских растений, посвятив 13 лет упорного труда этому сложному и трудоемкому делу [15]. С 1924 г. Александр Альфонсович преподаватель, а с 1926–1930 гг. доцент Тифлисского ботанического Института [2].

В 1925–1929 гг. он занимал должность доцента, а в 1929–1946 гг. – профессора и заведующего кафедрой морфологии и систематики высших растений Азербайджанского государственного университета.

В 1929 году он был также утвержден в звании профессора Высшего педагогического института в Баку, где преподавал до 1934 года.

В 1930 г. был награжден малой золотой медалью Русского географического общества за совокупность ботанико-географических работ по Кавказу. Эта медаль вручалась за самостоятельные научные работы по одному из направлений деятельности Общества, которые систематизировали результаты по какому-либо предмету исследований и давали возможность представить их во всей полноте. А также за другие значительные научные труды, выполненные для достижения цели и решения задач Общества.

В 1936 году Академия наук СССР присудила Гроссгейму ученую степень доктора биологических наук, в том же году благодаря ученому был открыт Ботанический институт в Баку. Александр Альфонсович был его директором до своего переезда в Ленинград. В бакинский период своей жизни ботаник продолжал педагогическую деятельность в Азербайджанском государственном университете.

Также все эти годы А. А. Гроссгейм неутомимо путешествовал по Кавказу, уделяя особенное внимание районам Южного и Юго-Восточного Закавказья.

Научные заслуги биолога получили признание и высокую оценку. В январе 1939 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по отделению биологических наук, а при открытии Академии наук Азербайджанской ССР был утвержден

ее действительным членом. В связи с 220-летием Академии наук его наградили орденом Трудового Красного знамени за выдающиеся заслуги. Об этом знаменательном событии писали во многих газетах, в частности, – в газетах «Правда» и «Известия» за 1945 год. В обеих газетах имя Александра Альфонсовича Гроссгейма значится в колонке «О награждении работников Академии наук СССР» вместе с другими деятелями науки. В газетах указано, что Александр Альфонсович – член-корреспондент Академии Наук СССР и директор Института ботаники Азербайджанского государственного Института [1; 2].

Во время Великой Отечественной войны ученый не воевал (ему было уже 53 года), но плодотворно продолжал изучать флору Кавказа и готовил к выпуску книгу под таким названием. Возможно, его научные труды послужили делу обороны, и он был награжден медалями «За оборону Кавказа» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [15].

Жизнь в Ленинграде

Александр Альфонсович Гроссгейм переезжает в Ленинград в 1946 году, чтобы, как писали его коллеги в Ботаническом журнале уже после смерти ученого, чтобы иметь возможность каждодневно пользоваться богатым гербарием и библиотекой Ботанического института им. акад. В.Л. Комарова АН СССР [10]. В Ленинграде Александр Альфонсович и проживет последние два года своей жизни и, несмотря на такой небольшой срок, успеет многое сделать для науки.

Каких же результатов добился А. А. Гроссгейм к моменту переезда? В СПБФ АРАН мне удалось обнаружить документ, в котором представлена характеристика Александра Альфонсовича Гроссгейма за 1946 год как ученого [4]. В этом документе написано, что почти сорокалетняя научная деятельность Гроссгейма связана с изучением Кавказа и имеет направления:

1. Флористско-систематическое
2. Геоботаническое
3. Ресурсы полезных растений

Работы первого направления связаны с созданием 4-томного труда «Флора Кавказа». За первые три тома Гроссгейму была присуждена премия им. В. Л. Комарова. Это премия, которую Академия наук СССР присуждала за выдающиеся работы в ботанике. Кроме этого, ученым был написан труд «Анализ флоры Кавказа», в котором мастерски проведен сравнительный анализ флоры Кавказа [4, л. 1].

Работы второго направления касаются изучения растительного покрова Закавказья. Известны составленные А. А. Гроссгеймом карты растительности Закавказья и Азербайджана [4, л. 1].

Работы третьего направления касаются изучения полезных растений Кавказа. В течение своей 25-летней педагогической работы Гроссгейм воспитал много учеников, из которых некоторые уже заняли видное место в науке [4, л. 2]. Среди них – Т. Гейдеман и И. Ильинская.

В Ленинграде Александр Альфонсович занял пост заведующего сектором Кавказской флоры в Ботаническом институте АН СССР (ул. Профессора Попова, д. 2) и заведующего кафедрой морфологии и систематики растений Ленинградского государственного университета [4]. Коллеги и ученики Гроссгейма по ЛГУ вспоминали, что ему были свойственны черты подлинно советского ученого, он был прирожденным ученым-организатором и это его свойство оказалось особенно ценным в условиях Закавказья [10]. Александр Альфонсович был целеустремленным и умел очень хорошо организовывать труд. Во всех случаях жизни он сохранял спокойствие, но в то же время был всегда доступен. Он требовал от своих учеников упорной работы, но, как вспоминает Т. Гейдеман: «Я не помню случая за 20 лет, чтобы Александр Альфонсович когда-нибудь повысил голос, сказал что-нибудь резкое» [3]. Бесконечно любя науку, Александр Альфонсович придавал очень большое значение подготовке кадров. Он не только охотно передавал свои знания, но и старался заинтересовать молодежь, вовлечь ее в работу, расширить ее кругозор [8]. Ученый работал необычайно четко. Итог работы подводился каждый день. Гроссгейм был человеком чрезвычайной эрудиции. Почти о каждом растении он мог рассказать целую поэму, он был необычайно честным, совершенно бескорыстным, глубоко принципиальным ученым и обаятельным человеком.

Именно таким Александра Альфонсовича запомнили его ученики и коллеги. Сохранилась фотография, на которой ботаник сидит с сотрудниками и студентами кафедры. Мы видим, что на кафедре была добрая человеческая атмосфера и, несмотря на сложные послевоенные годы, студенты получали очень хорошее образование под руководством прекрасных профессоров.

Именно на кафедре ЛГУ Александр Альфонсович познакомился с двумя замечательными людьми: Евгением Михайловичем Лавренко и там же сблизился с человеком, которого уже знал раньше по экспедиции 1946 года в Талыш, Моисеем Эльевичем Кирпичниковым. Именно эти два человека и стали самыми близкими для Александра Альфонсовича людьми во время его жизни в Ленинграде. И я считаю, что они заслуживают краткой биографической справки.

Евгений Михайлович Лавренко (1900–1987) был известным советским ботаником и ботаникогеографом. Он был профессором Ленинградского государственного университета. Дружил с Александром Альфонсовичем Гроссгеймом и оставил о нем воспоминания.

Лауреат премии В.Л. Комарова, двух орденов Ленина, ордена Трудового Красного знамени [7].

Михаил Эльевич Кирпичников (1913–1995) был советским ботаником-систематиком. Он приехал в Ленинград в 1929 году. Учился на биологическом факультете ЛГУ. Знаком с Александром Альфонсовичем Гроссгеймом с 1946 года, когда вместе с ним отправился в экспедицию в Талыш. Работал вместе с Гроссгеймом на кафедре морфологии и систематики высших растений [5].

Параллельно с преподаванием Александр Альфонсович продолжал путешествовать и писать книги про природу Кавказа. 30 июня 1948 года за книгу «Растительные ресурсы Кавказа» ему была присуждена Сталинская премия II степени. Также Александр Альфонсович продолжал выступать с докладами. Так, незадолго до своей смерти он прочел очень интересный доклад о современных задачах советской систематики и флористики, который опубликовали в Ботаническом журнале [10].

По словам знаменитого геоботаника и коллеги Гроссгейма по Ботаническому институту Академии наук СССР Е. М. Лавренко, Гроссгейм был не только человеком ученого склада, он также интересовался искусством, литературой, живописью, музыкой, театром. Когда ученый приехал из Баку в Ленинград, он старался познакомиться с новыми постановками в театрах, посещал концертные залы, музеи и выставки. 3 декабря Е. М. Лавренко встретил А. А. Гроссгейма в зале Ленинградской филармонии на концерте симфонического оркестра, который исполнял сюиту из оперы «Сказание о граде Китеже» Н. А. Римского-Корсакова, с ее великолепным гимном природе, которую так внимательно и так преданно любил Александр Альфонсович [10].

Утром 4 декабря Александр Альфонсович Гроссгейм скончался, как потом напишет знаменитый ботаник Татьяна Сергеевна Гейдеман: «Он умер на своем посту, не успев закрыть недописанную книгу. Пусть светлый и чистый образ его живет в нас как живой пример. Когда я берусь за работу с чувством глубокой сиротливости, мне кажется, я каждый раз слышу его тихий голос: «Надо работать»» [3].

Похоронили Александра Альфонсовича на Литераторских мостках Волковского кладбища. На могиле ученого установлен памятник работы скульптора М. Аникушина и архитектора Ф. Гепнера [9]. Я разыскал могилу ученого и привел ее в порядок.

Вклад в науку

4 декабря 1948 г. скончался великий советский ботаник Александр Альфонсович Гроссгейм. Его смерть никого не оставила равнодушным, многие его ученики и коллеги выразили свои соболезнования по случаю смерти ученого. В Ботаническом журнале,

вышедшем в 1949 году, Александру Альфонсовичу посвятили целых пять страниц [16]. Это показывает, с каким уважением коллеги относились к ученому и его наследию. Александр Альфонсович написал большое количество работ, посвященных природе Кавказа. Самыми известными работами ученого можно назвать:

1. «Флора Кавказа» в 4 томах (1928–1934)
2. «Растительные ресурсы Кавказа» (1946)
3. «В горах Тальша. Рассказ об одной экспедиции» (1960)
4. «Определитель растений Кавказа» (1949)

За эти работы ученый получил свои самые значимые награды – Орден Трудового Красного Знамени в 1945 и Сталинскую премию II степени в 1948 году. Он первым среди ученых стал изучать уникальную флору Тальша (субтропические растения, реликтовый лес) – трех горных хребтов на юго-востоке Закавказья (сейчас – Азербайджан). Но главным вкладом Гроссгейма в ботаническую науку является создание филогенетической системы цветковых растений. Также в воспоминаниях коллег Гроссгейма я часто встречал, что они постоянно использовали в своей работе «Определитель растений Кавказа», изданный в 1949 году.

До конца своей жизни Гроссгейм изучал Кавказ, живя в Ленинграде, ездил в экспедиции и изучал растения. Но не только изучением Кавказа ученый помог науке, он был прекрасным педагогом и очень интересно вел занятия. По воспоминаниям Татьяны Гейдеман, у Александра Альфонсовича был несомненный педагогический талант, после каждой лекции у него появлялся новый ученик. Профессор любил разговаривать с учениками, слушать их истории, песни. Он просил их читать книги и всегда заниматься саморазвитием, что должно было способствовать развитию науки в целом, поскольку так формировались интеллигентные, образованные ученые [3].

Какие же качества помогли Александру Альфонсовичу пройти путь от учащегося училища до звания профессора, члена Академии наук СССР и ведущего ученого в теме изучения Кавказа? Прежде всего, невероятная работоспособность и желание всегда узнавать что-то новое. Каждый день ученый подводил итоги своей работы. Только с таким характером можно было добиться результатов.

Все вспоминали об Александре Альфонсовиче с теплотой, это был человек с отменным чувством юмора, любивший науку и любивший своих учеников и коллег, которые в 1946 году назвали в честь Гроссгейма растение – Гроссгеймия [11].

Со смертью А. А. Гроссгейма ушла целая эпоха в изучении Кавказа, но остались книги, открытия и добрая память о прекрасном человеке.

Использованная литература и источники:

1. О награждении работников АН // Известия. – 1945. – № 137.
2. Вага А.Я. Академик Гроссгейм и его система цветковых растений. – Таллин : Эст. гос. изд-во, 1950. – 38 с.
3. Гейдеман Т. Светлой памяти А.А. Гроссгейма // Ботанический журнал. – 1949. – № 3.
4. Гроссгейм А.А. // СПБФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 115. Л. 1–2.
5. Грубов В.И. К 80-летию со дня рождения Моисея Эльевича Кирпичникова // Ботанический журнал. – 1993. – Т. 78, № 7. – С. 103–114.
6. Забалуев В.В. Владимир Александрович Гроссгейм // Геология нефти и газа. – М., 1985. – С. 62.
7. Зонн С.В. Лидер отечественной географии растений : к 100-летию со дня рождения Е.М. Лавренко // Известия АН СССР. Серия географическая. – 2001. – № 1. – С. 117–118.
8. Ильинская И.А., Кирпичников М.И. Светлой памяти А.А. Гроссгейма // Ботанический журнал. – 1949. – № 3.
9. Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. – М. : Центрполиграф, 2009. – 797 с.
10. Лавренко Е.М. Памяти академика А.А. Гроссгейма // Ботанический журнал. – 1949. – № 3.
11. Лебедев Д.В. Гроссгейм Александр Альфонсович // Большая Советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1972. – Т. 7. – С. 351.
12. Метрическая книга села Лиховка // Днепрпетровский архив. Ф. 193. Оп. 2. Д. 65.
13. Письма А.А. Гроссгейма к И.П. Бородину // СПБФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 162.
14. Прокопенко С. Развитие реального образования в Екатеринославской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Humanities and Social Sciences. – 2016. – Vol. 21, № 23. – С. 187–199.
15. Смирнова Н.В. А.А. Гроссгейм, 1888–1948. – Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 130 с.
16. Список студентов Харьковского Императорского университета на 1907–1908 академический год. – Харьков : В университетской типографии, 1908. – 405 с.
17. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 5. Д. 301.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГА

Данченко Елизавета

уч-ся 8 класса, ГБОУ лицей № 82
Петроградского района,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е. П.)

Петербургский архитектор Антонин Сергеевич Лыткин, или Имя, затерянное в прошлом

А.С. Лыткин. Источник: Неделя строителя. 1901. № 32. С. 227.

За три века Северная столица перевидала немало великих мастеров и зодчих. Дворцы, усадьбы, соборы принесли их авторам известность и прочно скрепили гранитом, бронзой и чугуном имена градостроителей с историей города. Память одних творцов устояла в неумолимом течении времени, а других – унеслась в бездну прошлого и растворилась.

Однако забывается имя человека, но не то, что им создано. Ведь оно осязается и живет своей независимой от создателя жизнью. Пока стоит дом, у него есть строитель.

Особняки А. М. Опекушина, А. А. Экарева, памятники А. С. Пушкину, В. А. Жуковскому, М. В. Ломоносову М. И. Глинке, Семеновский мост – все они крепко стоят на земле, у них есть автор – Антонин Сергеевич Лыткин – забытый петербургский архитектор, который прошел достойный творческий путь зодчего и живописца длиной 30 лет!

Биография Лыткина заслуживает внимания, ведь построенные им архитектурные объекты действуют и представляют культурную ценность для города и в наше время.

Антонин Сергеевич родился 7 июня 1841 года в уездном городе Петергофе. Его отец, чиновник 9-го класса Сергей Михайлович (1791–1871 гг.) служил в Петергофском Дворцовом правлении комиссаром по Камер-шталмейстерской части и занимался делами Конюшенного ведомства [2; 6; 7].

Долгое время он оставался холост, и, наконец, в 47 лет женился на дочери петергофского помещика Елизавете Павловне. В их браке родилось трое сыновей. Первенца окрестили Антонином [6; 7].

Лыткин-младший рос в родительском имении, в Петергофе. В возрасте 11-ти лет мальчика отправили на учебу в Петербург, во 2-ю гимназию имени императора Александра I (Казанская ул., 27) [2; 19].

Окончив ее, в 1859 году он поступил в Императорскую Академию художеств, где и получил основное художественно-архитектурное образование на отделении архитектуры под руководством Константина Андреевича Тона [2].

В 1866 году Лыткин окончил курс наук с серебряной медалью за проект «Народного театра на 2000 человек». Через 3 года стал неклассным художником архитектуры. А в 1870 г. заработал звание классного художника архитектуры 3-й степени и право на 14-й чин с программой «Приют для малолетних детей обоего пола» и тогда же поступил помощником к известному архитектору, профессору Николаю Леонтьевичу Бенуа, у которого работал следующие 8 лет [4; 20].

В 1871 году Антонин Сергеевич принят на службу в строительное отделение Санкт-Петербургского губернского правления. Через 4 года занимает должность секретаря в Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел [3; 9].

Работая в мастерской даровитого зодчего Бенуа, Лыткин развил свой художественный талант и приобрел большую практическую опытность в архитектурном деле. Среди его ранних самостоятельных работ перестройка боковых частей и новый корпус доходного дома на Клинском проспекте, 25 (1870), «Проект гостиницы для приезжающих в столицу», за который в 1873 году архитектор был удостоен звания классного художника архитектуры 2-й степени, проектировка сквера с фонтаном на Манежной площади (1875), а также строительство особняка для известного русского скульптора А. М. Опекушина на Каменноостровском проспекте (1877–1878) [2; 8; 13].

1880-е годы – самый плодотворный период творчества в жизни Антонина Сергеевича. Из крупных работ стоит упомянуть проекты

доходных домов по адресам ул. Марата, 41 (1882), ул. Союза Печатников, 18–20, (левое крыло, 1889), ул. Жуковского, 18, где автор работал совместно с арх. М. Ф. Петерсоном (1879), создание памятника А. С. Пушкину на Пушкинской улице по эскизам Н. Л. Бенуа совместно со скульптором А. М. Опекушиным. В августе 1882 года архитектор был награжден Орденом Святого Станислава 3-й степени за ремонт здания Городского Санкт-Петербургского управления [2].

Двумя годами ранее Лыткин вступил в Кружок русских акварелистов, молодое художественное объединение, образованное по инициативе преподавателя рисовальной школы Общества поощрения художеств акварелиста-самоучки Э. С. Вилье де Лиль-Адана для проведения групповых выставок акварелей. В 1887 году кружок получил официальный статус Общества русских акварелистов [2; 12].

Антонин Сергеевич оставался членом Общества на протяжении 20 лет. Он был известен благодаря своим пейзажам и городским перспективам, выполненным в разных акварельных техниках [2].

Многие из его работ были замечены на выставках и куплены особами царской фамилии и *«почему-то ценились в особенности за границы, где находили хороший сбыт»*, [8] а также вместе с другими картинами известных мастеров вошли в подарочный альбом императору Александру II, преподнесенный ему в честь 25-летия его царствования [1; 2].

Вообще, интерес императорского дома к художнику привлекла акварель Лыткина «Морской пейзаж», которую отметил сам великий князь Владимир Александрович и пополнил ей свою коллекцию, сохранившуюся в его дворце (ныне – Дом ученых). Сегодня акварели Лыткина хранятся в Государственном Эрмитаже, московском Музее А. С. Пушкина и Государственном литературном музее. Увидеть их можно в общедоступном каталоге Музейного фонда РФ [1].

Между тем, Лыткин продолжал архитектурное дело. Его наставник, Николай Леонтьевич Бенуа с 1872 г. встал во главе строительного отделения Петербургской городской управы – исполнительного органа городского общественного управления, назначенный заведующим технической частью, куда он устроил своего ученика Антонина Сергеевича сверхштатным техником Отделения (с 1875), т. е. наемным сотрудником-архитектором [5; 9].

Из дел Управы лично Лыткину поручали руководство разными по сложности ремонтными работами: по смене настила на Семеновском мосту (1878), ремонт в здании Городской Думы на Невском проспекте (1884). По его же проекту и под его наблюдением проведена реконструкция Старо-Никольского моста, построено множество жилых домов. Лично архитектор создал не менее 21 проекта в Петербурге [2; 14; 15].

И вновь по рекомендации Н. Л. Бенуа в 1892 году Антонин Сергеевич был принят на полную службу в Управу и меньше, чем через год назначен на ответственную должность городского архитектора [2].

Исполняя возложенные на него обязанности, Лыткин занимается перестройкой Спасской части (Спасский остров) и составляет проекты реконструкции 8-и домов для ее преобразования. Так по его планам перестроены корпуса пожарного и полицейского участков, относящихся к комплексу зданий Съезжего дома 3-й Адмиралтейской части (ныне Коломенского района) [17].

Антонин Сергеевич уже был женат на дочери губернского секретаря Любови Антоновне. В 1877 г. у супругов родилась дочь Елизавета (16.11). Через 3 года – Вера (14.10.1880), еще через год – Надежда (14.12.1881, скончалась во младенчестве). 4-м на свет появился Николай (22.05.1883), за ним – Евгения (29.01.1886), Борис (07.07.1887). Самая младшая – Маргарита (27.04.1889) [2; 9; 10].

До 1895 года Лыткины жили в Петергофе, в доме на Торговой площади. А потом переехали в Петербург, где снимали квартиру в Доходном доме у Крюкова канала, 7/2 [1].

Чтобы обеспечить жену и шестерых детей Антонин Сергеевич, несмотря на массу обязанностей по работе в Городской управе, был вынужден занять (с 1894) должность младшего ревизора-техника в контроле Министерства Императорского Двора и Уделов. На службе ревизором он, будучи назначаем в различные строительные комиссии, вскоре обратил на себя внимание своей неутомимостью и честным отношением к делу, за что получил две награды: орден Святого Станислава 2-й степени и орден Святой Анны 3-й степени, его присваивали чиновникам «за беспорочную 12-летнюю службу в одной должности не ниже 8-го класса». А также в 1896 году был награжден серебряной медалью на Александровской ленте в память царствования императора Александра III (такой чести удостоивались отличившиеся на службе чиновники) [2; 3; 9; 18].

К 1898 году Антонин Лыткин дослужился до чина коллежского асессора. Он продолжал работать городским архитектором. Им разработаны постаменты памятника М. В. Ломоносову на одноименной площади у набережной реки Фонтанки (1891–1892 гг.; скульптор П. П. Забелло) и памятника М. И. Глинке в Александровском саду (1899 г.; скульптор В. П. Плащенко), проекты изящного особняка инженера А. А. Экарева на Суворовском проспекте (1891), доходного дома на Канонерской улице, 7 и Приделов церкви Покрова Пресвятой Богородицы на площади Тургенева (1899–1902 гг.; совм. с гражданским инженером С. П. Кондратьевым. Не сохр.). Лыткин также принимал участие в строительстве железно-красочных рядов Малого гостиного двора на Банковском переулке, 3 в совместной работе архитекторов А. В. Иванова и Г. Г. фон Голи (1881–1912 гг.) [2; 8; 9].

К 1901 году Антонин Сергеевич дослужился до чина коллежского асессора и был повышен до старшего ревизора-техника. Он даже вошел в специальную Комиссию во главе с начальником Петергофского дворцового правления Д. С. Плешко, собранную для строительства новой придворной церкви Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла в Петергофе. Кладка стен церкви завершилась 1899 году и начались работы по внутренней и наружной отделке [2; 9; 6].

Но увидеть завершённый проект Лыткину было не суждено. Жизнь архитектора внезапно оборвалась на 61-м году жизни. Состоя на службе, зодчий скончался в родном городе Петергофе 20го июля [2; 10; 11].

Антонин Сергеевич Лыткин похоронен на Свято-Троицком кладбище в Старом Петергофе в родственной могиле Лыткиных [26].

Использованная литература и источники:

1. Успенский А. Графика из великокняжеского кабинета // Academia. – 2012 – № 1. – С. 104–106.
2. Лыткин А.С. // Неделя строителя. – 1901. – № 32. – С. 227.
3. Адресная книга города С.-Петербурга на [1892–1901] год / под ред. П.О. Яблонского. – СПб., 1892–1901.
4. Академия художеств : история повседневности в воспоминаниях и изображениях современников, XIX – начало XX в. / авт.-сост.: Е.Н. Литовченко, Л.С. Полякова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2013. – 319 с.
5. Бону А. Н. Мои воспоминания : [в 2 т.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 711 с.
6. Гущин В.А. История Петергофа и его жителей : [в 5 кн.]. – СПб. : Нестор-История, 2005. – Кн. 3. – 559 с.
7. Запись о рождении А. С. Лыткина. Метрическая книга Церкви Святых Апостолов Петра и Павла в Петергофе, 1841 г. // Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). СПб. Ф. 19. Оп. 12. Д. 532.
8. Исаченко В.Г. Зодчие Санкт-Петербурга XVIII–XX веков. – М. : Центрполиграф ; СПб. : МиМ-Дельта, 2010. – 413 с.
9. Личное дело чиновника контроля Министерства императорского Двора Антонина Лыткина // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 482. Оп. 6. Д. 427.
10. О назначении пенсии вдове классного художника архитектуры Лыткиной Любови Анатольевне // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 165. Д. 124А.

11. О назначении пенсии семье умершего архитектора 2-го строительного участка А.С. Лыткина // ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 8245.
12. Общество Русских Акварелистов, 1880–1918 / авт.-сост. О. С. Глебова. – М. : Арт Волхонка, 2018. – 550 с.
13. Особняк А.М. Опекушина. Чертеж А.С. Лыткина // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7803.
14. Переписка с техником Лыткиным о перемене настила на Семеновском мосту // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 118. Д. 364.
15. Переписка с техником Лыткиным о перемене настила на Семеновском мосту // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 118. Д. 186.
16. Петербургский некрополь : [справочник] : в 4 т. / сост. В.И. Саитов. – Репр. воспр. изд. 1912 г. – СПб. : Библиотека Российской академии наук : Альфарет, 2006. – Т. 3.
17. По рапорту архитектора Лыткина от 6 июля 1883 года за N 200 с протоколом по дому г. Сулова в Спасской части по Думской ул. под N 7 // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 127. Д. 29.
18. По ходатайству художников-архитекторов А.С. Лыткина и П. Дмитриева о приеме их сверхштатными техниками отделения // ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 3. Д. 451.
19. Предписание министра народного просвещения К.А. Ливена попечителю Петербургского учебного округа К.М. Бородину о преобразовании петербургского Высшего училища в гимназию // Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге, XIX – начало XX века : сборник документов. – СПб., 2000. – С. 92–94.
20. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764–1914 / сост. С.Н. Кондаков ; С.-Петерб. акад. художеств. [в 2 т.]. – СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914–1915. – Т. 1 (Часть историческая). – 353 с.

Колесникова Александра
уч-ся 9 класса, ГБОУ ФМЛ № 366
Московского района,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е. П.)

«В шаге от славы» **(по страницам биографии актрисы,** **преподавателя и режиссёра Евгении** **Константиновны Лепковской)**

Евгения Константиновна Лепковская родилась 27 ноября в 1901 году на юге страны, в Крыму, в городе Евпатория. Из ее автобиографии мне удалось узнать, что мать ее звали Иустиния Тимофеевна Саульченко, а отца Евгения Константиновна не знала с детства [1]. В 1902 году мать с целью заработать денег уезжает в Симферополь и оставляет маленькую Женю своей сестре и ее мужу, Марии Тимофеевне и Дмитрию Ивановичу Чемберли. «У них я воспитывалась как дочь ...», – позже напишет Лепковская [1].

В 1912 году Евгения Константиновна начинает учиться в гимназии и оканчивает 7 классов. Из-за того, что в семье были проблемы с деньгами, последние два года учебы все экзамены Лепковская сдавала экстерном, так как остальное время проводила на работе [1]. Она подрабатывала делопроизводителем (это человек, ответственный за ведение документооборота организации) в больнице и давала частные уроки. После окончания гимназии в 1919 году Евгения Константиновна продолжала работать в больнице, давать частные уроки, а также она пошла на курсы машинописи [1].

В 1921 году умирает ее дядя, Дмитрий Иванович Чемберли. В том же году осенью, Евгения Константиновна поступает в Крымский государственный техникум драматического искусства, где проучится 4 года [18]. Из справки Александра Гавриловича Полибина, артиста Большого драматического театра, мне удалось узнать, что для защиты своей дипломной работы Лепковская сыграла в ролях: Елены Андреевны из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», Василисы и Евгении из произведений «На бойком месте» и «Василиса Мелентьева» А. Н. Островского, Степаниду из пьесы Ю. Д. Беляева «Псиша», Анфису из произведения Л. Н. Андреева «Анфиса» и Сирену из пьесы «Изнанки жизни» Х. Бенаvente [18]. В 1924 году умирает Иустинья Тимофеевна, мать Лепковской, которую она практически не видела. После техникума Евгения Константиновна начинает работать в Крымском государственном драматическом теа-

тре, а также в театрах Астрахани, Сум, Гомеля и Москвы. В 1929 году Евгения Константиновна становится режиссером в театрах Орла, Серпухова и Ульяновска [1].

Из документов, обнаруженных мною в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб) я узнала, что в 1930 году Лепковская была приглашена в Центральный дом художественного воспитания детей и Центральный ТЮЗ в качестве режиссера и заведующей педагогической частью. Она работала так же в ТЮЗах Москвы и Самары как главный режиссер. В Самарском ТЮЗе она три года была директором. Там же Лепковская организовала Краевой дом художественного воспитания детей. Работая зав. детским сектором Московского Дома художественного воспитания детей, она принимала активное участие в организации ТЮЗов Калинина, Иванова, Орехово-Зуева, Вышнего Волочка. Евгения Константиновна еще вела военно-шефскую работу и создавала студенческие шефские бригады [22].

В августе 1934 года Лепковская переезжает в Ленинград и начинает работать и ставить спектакли в Ленинградском театре юных зрителей (который тогда располагался на Моховой, 35). Тогда же Лепковская познакомилась с Борисом Николаевичем Кильпио, заместителем директора ТЮЗа, и вскоре она вышла за него замуж.

О приходе Е. К. Лепковской в ТЮЗ Брянцев напишет так: «В 1934 г. тов. Лепковская Е. К. вступает по моему предложению в состав творческого коллектива, руководимого мною Ленинградского Государственного Театра юных зрителей... в качестве самостоятельного режиссера постановщика, педагога и в качестве активного общественника» [22].

В 1935 она начинает работать в Техникуме сценических искусств (ТСИ) на Моховой, 34 [15]. Она преподавала актерское мастерство и режиссуру и являлась заместителем у заведующего кафедрой актерского мастерства, Леонида Федоровича Макарьева. Вскоре Лепковская становится доцентом кафедры драматического искусства уже Ленинградского государственного театрального института [15].

Из справочной книги «Весь Ленинград» мне удалось узнать, что в 1935 году Е. К. Лепковская проживала по адресу улица Чайковского, дом 17 [4].

В это же время Лепковская со своими коллегами ставит новые постановки в ТЮЗе. Вскоре на сцене появляются такие спектакли, как «Пленник эмира», «Клятва» и «Детство маршала» [2]. Александр Брянцев говорил, что Лепковская в спектаклях проявила себя как в высшей степени талантливый художник, с зрелой режиссерской мыслью, яркой сценической фантазией, педагогическим чутьем в работе с актерами и незаурядными организаторскими способностями. Также Александр Брянцев говорил: «Будучи одновременно

вдумчивым и талантливым педагогом, прекрасно владея методом глубокого реалистического анализа роли, тов. Лепковская Е. К. проявила себя в производственной практике театра... как в высшей степени ценным руководителем молодежи» [22].

Из альманаха «Театрон» я узнала, что у Е. К. Лепковской есть неизданная книга про национальную Ненецкую студию, фрагменты которой были напечатаны в этом журнале. Оказалось, что в 1938 году по заданию директора института Б. М. Сушкевича, Лепковская поехала в Нарьян-Мар, к ненецким студентам [3].

В 1939 году Евгения Константиновна стала режиссером спектакля «Емелян Пугачев». Спектакль не стал настолько известным, как другие постановки Лепковской, но был не менее успешным [20].

Уже в 1940 году в Ленинградский театральный институт, в класс Леонида Федоровича Макарьева, прибыла новая национальная студия [9]. Это была якутская студия артистов. Об их первой встрече Е. К. Лепковская напишет: «Словно свежий ветер ворвался в аудиторию. Словно запахло первым чистым снегом...Тридцать два веселых якута вверяли нам свою судьбу» [9]. Весь институт был рад приезду новых студентов. Ребята быстро освоились. Преподавателям даже казалось, что они их знают не первый год. Зимой 1940–1941 учебного года якутская студия выступила с концертами в Институте Севера, Доме пионеров Дзержинского района и во многих других местах [9].

В мае ребята торжественно принимали участие в первомайской демонстрации на площади Урицкого (ныне – Дворцовая пл.). В книге Е. К. Лепковской мне удалось найти воспоминания старосты группы Исаия Попова об этом дне. Он писал, что пока студенты готовились к выходу на площадь, они решили станцевать свой национальный танец – осохай (якутский национальный танец, сопровождающийся хоровым пением-импровизацией участников). Танцевать начали все, даже педагоги. Но надо было уже выходить на площадь, и все радостно и счастливо зашагали вперед [9]. И никто даже подозревать не мог, что через полтора месяца начнется Великая Отечественная война.

Военные страницы

22 июня 1941 году началась Великая Отечественная война. Е. К. Лепковская позже напишет в своей книге о тех первых страшных часах: «Ленинградский Театр юных зрителей. Вместо плановой репетиции – митинг! Общая взволнованность подобна бурному пламени». Многие студенты, педагоги и коллеги Лепковской уходили на фронт. Ребята из якутской студии, не ушедшие на фронт, решили не уезжать домой в Якутию, а остаться в Ленинграде помогать городу, институту [9]. Евгения Константиновна следила за тем, как сложились судьбы ее учеников и даже вела картотеку, которую

мне удалось найти в ЦГАЛИ. К сожалению, многие из этих ребят погибли на фронте или умерли от голода в осажденном Ленинграде.

В ходе исследования мне удалось узнать, что Евгения Константиновна принимала участие в работе фронтовых бригад. С 26 июня 1941 года бригада, состоявшая из 7 человек, под руководством Евгении Константиновны выезжает на фронтовые точки. В «Списке бригады» я обнаружила новый адрес Евгении Константиновны: ул. Маяковского, д. 40, кв. 11 [19]. Агитбригада выезжала в Псковско-Новгородском направлении, а также выступала в Ленинграде, в Доме культуры Текстилей (пр. Села Смоленского, д. 67). Там проходили спектакли и концерты для фронтовиков.

Выступать, таким образом, приходилось в разных местах. Бывало, в районном клубе, в доме культуры, а бывало – и в лесу. Мне удалось узнать об одном случае, после которого все актеры были взволнованы. На лесной поляне проходил спектакль «Продолжение следует». Зрителями были солдаты. Вдруг неожиданно артисты и зрители услышали странные звуки и вскоре увидели черную эскадрилью вражеских самолетов. На сцене наступила пауза. Спектакль остановился. Но не успело небо очиститься, как актриса Наталья Дмитриевна Солянинова отчаянно закричала свои слова. И это было настолько громко, четко и неожиданно, что все зрители и актеры перевели на нее свое внимание, и спектакль продолжился [8].

Осенью все бригады вернулись в театр. Надо было продолжать работать. Играть спектакли было тяжело. В каждом спектакле приходилось заменять актеров, ушедших на войну. Из города срочно эвакуировались заводы, учреждения и театры. Театру юных зрителей тоже было предложено эвакуироваться в более безопасное место, но директор ТЮЗа Александр Брянцев отказался. ТЮЗ остался в Ленинграде играть спектакли для детей, выезжать с концертами в ближайшие фронтовые точки [9].

Но началась блокада и ежедневные бомбежки. Из-за обстрелов некоторые спектакли приходилось прерывать и играть несколько дней. Многие актеры и режиссеры, включая Е. К. Лепковскую, переехали жить в театр, так как это было безопаснее. Прекратились выезды на фронт.

Вскоре на больницу рядом с театром упала неразорвавшаяся бомба. Руководство театра решило, что собирать в такое время детей было очень небезопасно. Спектакли прекратились, но Е. К. Лепковская продолжала жить в театре [8].

В декабре 1941 года ТЮЗу вновь предложили эвакуироваться, на этот раз А. А. Брянцев согласился. Эвакуация планировалась в город Березники Молотовской области (ныне – Пермский край). Перед работниками театра стояло очень много задач: собрать личные вещи, костюмы, декорации. Каждому работнику можно было взять

с собой не более 5 кг вещей, и в основном они брали собой костюмы и декорации, так как хотели продолжать работать на новом месте.

Эвакуация проходила в два этапа. Сначала на четырех самолётах сотрудники театра летели через Ладогу. После они погрузились в теплушки – вагоны, переоборудованные для перевозки людей и животных [8]. В Центральном государственном архиве Пермского края сохранились воспоминания Е. К. Лепковской об этом пути: «... Горькое было путешествие... Бесконечные железнодорожные пути, забытые до отказа вагонами...усталые, почерневшие лица людей... Куда едем? Как сложится жизнь? Сможем ли там работать? – ведь почти все больные.... Занавес, кулисы, костюмы театральные мы упаковали просто по привычке что-то делать нужное для театра... Наконец прибыли в эти неизвестные Березники...» [5].

Команда ТЮЗа прибыла в Березники 2 января 1942 года. Стояли сильные морозы. Город не был готов принимать такую большую труппу, и на первое время их заселили в бараках (это временное, быстровозводимое, легкое здание из дерева). О первых днях работы в Березниках также сохранились воспоминания Евгения Константиновны (на сайте ПермГаСПи она ошибочно названа Еленой): «Мороз выше 40 градусов, все покрыто высоким слоем снега, от дома к дому проходили по прорытым в снегу траншеям в человеческий рост. Рассматривать город нет времени, ... сил. Еле плетемся к бараку, в который нас поместили. Для города наше появление было неожиданным и трудным. Ведь надо принять ...больше 100 человек... На 2 или 3 день нас собрало наше тюзовское руководство, чтобы информировать о положении дел... надо привести в порядок помещение ДК. Он не отапливался, освещение ... скудное... просто ... горит по лампочке. Гардероб не работает... А надо, чтобы первый наш спектакль уютно лег в... сценическую коробку... Словом... чтобы не посрамить звание ленинградского театра...» [5].

Героическими усилиями всех сотрудников театра всего через 11 дней ТЮЗ дал свой первый спектакль во Дворце культуры им. Ленина. В этот день на сцене шла пьеса «Кот в сапогах». Евгения Константиновна вспоминала об этом так: «березниковцы вошли в теплый, ярко освещенный театр. Могли войти в чистый, носящий характер мирного времени, зрительный зал со сверкающими люстрами... Заиграл оркестр, раздвинулся новый, нарядный занавес... За ним вся в белом сцена, залитая ярким светом и ... красивые костюмы сказки «Кот в сапогах». Спектакль прошел горячо, «на взлете». Зрители и не заметили, что перед ними играли еще полуголодные, полубольные люди» [9].

Одна за другой выходят ее премьеры. Первыми выходят спектакли «Машенька» 5 марта 1942 года и «Много шума из ничего» 29 мая. Евгения Константиновна очень переживала в дни первых

спектаклей и внимательно следила за происходящим на сцене и в зале. Она всматривалась в уставшие от работы лица и частенько слышала перед спектаклем, что кто-то пришел после полуторасуточной смены, а кому-то только придется идти на ночную смену после спектакля. И если спектакль вызывал улыбку и гасил напряжение в глазах зрителей, то все актеры, режиссеры и другие работники театра были просто счастливы, что они помогают людям в такое тяжелое время [8]. Ощущение своей необходимости в такое сложное время вдохновляло всех.

Вскоре Е. К. Лепковская напишет в газете «Березниковский рабочий» [8], что за пять месяцев до окончания сезона было восстановлено 10 спектаклей ленинградского репертуара, был открыт кукольный театр для малышей, поставлено 3 новых спектакля, создано 3 театрализованных концерта для большой сцены, были проведены многочисленные концерты в госпиталях и на заводах. Театр также участвовал в общественно-полезных работах, например, в посадке общегородского огорода для населения.

Летом команда ТЮЗа вместе с Лепковской отправилась на барже вверх по реке Каме играть для рабочих лесосплава. Их концертная бригада получила название «Плавучий клуб» [21]. Они давали спектакли на своем небольшом кораблике в тех глухих местах, куда не заезжала ни одна концертная бригада. Также команда ТЮЗа посещала общежития, делая их более уютными, читали лекции, проводили беседы. Были и выступления в госпиталях. За лето 1942 театр побывал в 27 городах и поселках Молотовской области. Ближе к осени они вернулись обратно в Березники [8].

Осенью 1942 года Евгения Константиновна отправилась в Свердловск к композитору Тихону Хренникову за музыкой для пьесы «Давным-давно». Этот спектакль был поставлен по пьесе Александра Гладкова, в которой рассказывалось о любви во время войны 1812 года. И Лепковская, несмотря ни на что, хотела поставить этот спектакль. Во время своего пребывания в Свердловске, Евгения Константиновна успела побывать на двух спектаклях в театре Советской Армии и в Свердловском театре музыкальной комедии [8].

Вернувшись в Березники, Евгения Константиновна сразу начинает репетиции спектакля «Давным-давно». Новый спектакль, премьеры которого состоялась 27 мая 1943 года (в день 240-летия Ленинграда!), понравился всем: и актерам, и зрителям. Билеты распродавались в первые часы, а некоторые зрители ходили на этот спектакль по несколько раз. В конце спектакля обычно все зрители вставали и начинали подпевать последний куплет вместе с актерами [8].

31 декабря 1942 состоялась премьера спектакля «Самсон» [2], постановщиком которого являлась Евгения Константиновна, в которой рассказывалось о международной солидарности трудящихся.

За два с половиной года в Березниках «тюзьяне» проделали огромную работу. Они создали 57 постановок, сыграли 943 спектаклей, собрали 453 тысячи зрителей, выезжали со спектаклями в 27 городов, провели 2179 мероприятий для фронтовиков в госпиталях, дали 15 больших театрализованных концертов и также смогли собрать 200 тыс. руб. для детей военных [8]. В докладе «Об итогах работы Ленинградского театра юных зрителей за период с января 1942 по июль 1944 года» читаем: «Своими спектаклями театр дал возможность многим десяткам тысяч рабочего и детского зрителя познакомиться с образцами высокого мастерства в области советской театральной культуры и с произведениями мировой классической и современной советской драматургии» [14]. За доблестный труд в Березниках Евгения Константиновна Лепковская была удостоена звания заслуженного артиста РСФСР [16].

Позже Лепковская напишет про Березники: «Низкий вам поклон, милым моим Березникам, его заводам и рабочим этих заводов» [8].

После войны

В 1945 году Лепковская возвращается в свою квартиру на улице Маяковского. Она уходит из театра, но продолжает работать в институте. Также в этом году Евгения Константиновна начинает работать в Большом драматическом театре им. Максима Горького [20]. Лепковская проработает в нем до 1948 года. В театре она была режиссером и сорежиссером (это режиссер, занимающийся постановкой чего-нибудь в сотрудничестве с другим режиссером) таких спектаклей, как «Русский вопрос», «Любовь земная и небесная» и других [20].

В институте Евгения Константиновна продолжает преподавать актерское мастерство, а также избирается членом политбюро и работает секретарем парторганизации Института.

Продолжая свою работу в институте, Евгения Константиновна в 1946 году была назначена руководителем удмуртской студии [10]. Ребята приехали в Ленинград с целью получить высшее театральное образование и затем пойти работать в национальный театр. 19 сентября 1946 года Лепковская получила известие, что приехали ее удмурты. На следующий день у них состоялось первое занятие. Ребята сначала были очень тихими, стеснительными и уставшими после длинной дороги. Но Евгения Константиновна смогла заинтересовать своих студентов, и следующее занятие проходило уже как обычно. На своем первом экзамене ребята сыграли этюд «Проводы рекрута». Все студенты смогли получить свой первый «зачет». Вскоре ребятам поставили спектакль «Снегурочка» по пьесе А. Островского, который очень им нравился. Студенты проучились в Ленинграде 4 года [10]. Для защиты своей дипломной работы удмурты сыграли спектакль

такль «Слуга двух господ», который растрогал и вдохновил как ребят, так и их преподавателей. Удмуртам так понравилось учиться в Ленинграде, понравились их преподаватели, что они еще не раз возвращались в институт, навещали преподавателей и писали им много писем. Лепковская выпустила замечательных ребят. Многие из них добились высоких результатов и своих целей. Например, И. И. Кудрявцев стал заслуженным артистом Удмуртской АССР, Б. А. Безумов впоследствии стал заслуженным артистом РСФСР и др. [10]. А в 1952 за свой преподавательский талант Евгения Константиновна получила звание заслуженного деятеля искусств Удмуртии [15].

Но уже в 1950 году в институт прибыло две мастерских Свердловского театрального училища. Первоначально руководителем первой мастерской был Б. Е. Жуковский, а второй – Н.К. Вальяно. Но вскоре Вальяно уволился из института, и тогда новым руководителем второй мастерской группы предложили быть Евгении Константиновне, и она согласилась. Группа состояла из 19 человек [6]. Ребята проучились до 1952 года. Из документов в ЦГАЛИ я узнала, что для защиты дипломных работ студенты сыграли такие спектакли, как «Дачник», «Жизнь начинается снова» и «Своя семья или замужняя невеста». Евгения Константиновна писала об этих спектаклях так: «Все много сделали для создания спектакля. Нет человека, который так или иначе, в той или другой мере не вложил бы свой труд в общее дело. И этот простой физический труд имеет отношение к мастерству, к рождению в молодом человеке творческого отношения к любой мелочи, к любой детали, способствующей созданию художественного образа спектакля» [6]. Многие студенты Е. К. Лепковской из Свердловской студии продолжали работать в театральной сфере и добились больших успехов. Например, Людмила Митрофанова которая в будущем стала заслуженной артисткой РСФСР и служила в Ленинградском академическом театре драмы им. А.С. Пушкина, Белла Кожухова вскоре стала преподавателем в Институте культуры Свердловска, Валерий Сивач стал народным артистом Украинской ССР и др. [6].

У Е. К. Лепковской была особая методика преподавания, которую она придумала сама. Она говорила, что преподаватель может научить молодого актера хорошему вкусу, умению отбирать материал для работы и все приемы, выразительные средства тонкого, умного порядка, научить смелости и остроте в решении творческих задач. Но самая основная задача – это умение создавать характер, а это невозможно сделать, не владея практическим умением жить на сцене [6]. «Мы берем на вооружение все, что может нам дать учение Станиславского...», – эту фразу Евгения Константиновна часто говорила своим ученикам для их мотивации [6].

В 1955 году Евгения Константиновна вместе со своими коллегами из института отправляется в командировку в Шанхай (Китай).

Там они преподавали в Шанхайской театральной академии [23]. Лепковская читала там лекции, проводила уроки и даже ставила спектакли. Через два года в 1956 году она возвращается обратно в Ленинград.

В институте у Лепковской кроме национальных студий так же были и русские классы, но она не так часто о них рассказывала, как о студентах из других городов [15].

В 1966 году Лепковская уволилась из института по собственному желанию. Когда Евгения Константиновна уходила из института, ректор института В. Ф. Шишкин, написал благодарственное письмо, в котором было написано: «От имени ректората, политбюро и профкома выношу БЛАГОДАРНОСТЬ Евгении Константиновне Лепковской за многолетнюю плодотворную педагогическую и общественную деятельность и желаю ей крепкого здоровья и заслуженного, хорошего отдыха» [7].

За многолетнюю работу педагогом, Евгения Константиновна была награждена в 1968 году почетной грамотой Министерства культуры РСФСР «За долголетнюю плодотворную работу по подготовке творческих кадров в связи с 50-летием ЛГИТМиК». Руководство института также ходатайствовало о назначении Е. К. Лепковской персональной пенсии республиканского значения, что являлось «соответствующей оценкой ее большой и всесторонней деятельности» [22].

Трудовая биография Е. К. Лепковской была полна самых разных творческих событий, а как складывалась ее личная жизнь?

Из переписки, хранящейся в ЦГАЛИ СПб мы узнали, что Евгения Константиновна часто переписывалась со своими дальними родственниками. Так, я нашла переписку Лепковской с ее племянницей Таней, которая жила в Днепропетровске. Таня писала, что Евгения Константиновна и Борис Николаевич стали эталонами в ее жизни, по которым можно определить человека, который мог бы гордиться собою [12].

В архиве я нашла еще одно письмо от Тани Лепковской. Это письмо было отправлено в 1979 году и в нем она писала Евгении Константиновне: «Любимая, дорогая и родная наша бабушка и тетя Женя, горячо и сердечно поздравляем вас с нашим женским праздником с днем 8 марта! С праздником женской чести, мужества и славы, с праздником женского счастья: жить, любить и учиться! Большого вам здоровья и многих лет жизни на радость своим дорогим потомкам!» [12]. В этом же письме я смогла узнать новый ленинградский адрес Евгении Константиновны: ул. Губина, д. 23, кв. 10.

Из многочисленных записей Евгении Константиновны, которые были обнаружены в Центральном государственном архиве литературы и искусства, мы узнаем, что Лепковская всегда любила писать,

как прошли ее занятия, рассказывать о своих студентах и просто записывать интересные истории, которые случались в институте. Основываясь на этих записях, Е. К. Лепковская решила написать несколько книг про свою преподавательскую деятельность. Так, в 1978 году вышла книга «Экзамен каждый день (записки театрального педагога)», которую Евгения Константиновна посвятила студентам из Удмуртии [10]. В ЦГАЛИ я нашла благодарственное письмо от режиссера художественных программ Мурманского ТВ Александра Соломонова в котором он писал: «Прочел Вашу книгу «Экзамен каждый день». Помолодел на 30 с лишним лет. Ведь это все происходило на моих глазах. Очень хорошо помню приезд ребят в Институт. Помню их отчет в Ижевске. Потом мы часто встречались. Да и сейчас время от времени встречаемся... Вообще я считаю, что то, что Вами было сделано, граничит с подвигом. Я ничуть не преуменьшаю истинное значение этого слова... Приехали «неотесанные, пожалуй даже, малограмотные люди, многие из которых, если я не ошибаюсь, впервые выехали из Удмуртии, а некоторые вообще не бывали в городе. Сейчас это – высококультурные люди, отлично работающие... Дорогая Евгения Константиновна! Спасибо Вам за радость, которую Вы доставили своей книгой! За то, что помогли на какое-то время скинуть с плеч 30-летний груз» [13].

В 1984 году Евгения Константиновна выпустит еще одну книгу – «Цветы на холодном снегу», посвященную якутской студии и нелегкой жизни ТЮЗа и института во время войны [9]. В этой книге Е. К. Лепковская часто вспоминала о своем студенте Гоше Мырееве. В архиве я обнаружила переписку Евгении Константиновны с мамой Гоши и другими его родственниками. Из этой переписки я поняла, что в написании книги Лепковской помогала мама и сестра Гоши. Они смогли рассказать о детских историях Гоши и его желании учиться на актера. А Евгения Константиновна отвечала им: «С какими волнением я читала ваше письмо, полученное мною вчера! Сколько нового, интересного узнала о Гоше!... Как интересно было бы все то, что вы сообщаете о детских и юношеских шалостях, и все то, что я видела в процессе работы с ним. Соединить бы всё вместе и создать книгу об этом чудесном человеке... Гоша один из самых любимых моих учеников, среди сотен, которых я обучала больше чем тридцать лет» [11]. Евгения Константиновна даже хотела написать про него книгу, настолько она любила и уважала своего ученика.

В 1986 году умер муж Евгении Константиновны, Борис Николаевич Кильпио. Вся жизнь Бориса Николаевича была связана с театром. Он был директором Большого драматического театра, Театра музыкальной комедии и Большого театра кукол. Также он был заместителем директора Ленинградского Театра юных зрителей. Он являлся постановщиком и режиссером многих спектаклей. Леп-

ковская помогала и поддерживала своего мужа до самых последних часов его жизни. Евгения Константиновна и Борис Николаевич прожили в браке 51 год и всегда любили друг друга [19].

Вскоре, в 1987 году, Е. К. Лепковская написала еще одну книгу про работу с Ненецкой студией, но, к сожалению, эту книгу отклонили от публикации. Шли сложные годы перестройки. Через несколько лет руководством института было принято решение выпустить работу Лепковской, но не в виде книги, а в виде статьи в журнале института «Театрон» [3].

Евгения Константиновна Лепковская умерла в 1989 году. К сожалению, у Евгении Константиновны не было близких родственников, кроме мужа. Найти место ее захоронения нам пока не удалось.

Использованная литература и источники:

1. Автобиография Е.К. Лепковской // Архив РГИСИ.
2. Афиши спектаклей 1941–1944 года // Музей-архив Театра юных зрителей.
3. Лепковская Е.К. Путь «за три моря» : Ненецкая студия. 1938–1940 гг. / подгот. текста, публ., предисл., послесл. и коммент. Ю.А. Васильева // Театрон. – 2019. – № 2. – С. 42–83.
4. Весь Ленинград : адресная и справочная книга г. Ленинграда на 1935 год. – Л., 1935. – 933 с.
5. Воспоминания Елены Лепковской о пребывании ЛенТЮЗа в Березниках // ТЮЗ в эвакуации: документы, фото, воспоминания / Пермский государственный архив социально-политической истории. – URL: <https://www.permgaspi.ru/evac/arts/tuz.php> (дата обращения: 28.02.2023).
6. Документы о работе Е.К. Лепковской со студентами Свердловского театрального училища // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 24. Л. 4–7.
7. Документы служебной и общественной деятельности // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–10.
8. Лепковская Е.К. Мои Березники // Березниковский рабочий. – 1975. – 6–11 сентября. – Место хранения: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–3.
9. Лепковская Е.К. Цветы на холодном снегу : записки театрального педагога. – Якутск : Кн. изд-во, 1984. – 60 с.
10. Лепковская Е.К. Экзамен каждый день : записки театрального педагога / [предисл. Р.С. Агамирзяна]. – Ижевск : Удмуртия, 1978. – 175 с.
11. Переписка с Мыреевой Т.И., матерью Мыреева Е., бывшего ученика Е.К. Лепковской // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 136. Л. 8.

12. Письмо от племянницы Е.К. Лепковской // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–2.
13. Письмо от Соломонова А.М., режиссера художественных программ Мурманского телевидения // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.
14. Постановление Березниковского городского Совета трудящихся и бюро Горкома ВКП(б) от 7.07.1944 «Об итогах работы Ленинградского театра юных зрителей за период с января 1942 по июль 1944 года» // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 10. Д. 496. Л. 76.
15. Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства. Страницы истории, 1779–2009 / сост. Т.Е. Кузовлева. – СПб., 2009. – 311 с.
16. Список артистов Ленинградского государственного театра юных зрителей, выдвигаемых Березниковским Горкомом ВКП(б) и Горисполкомом на присвоение званий и награждение правительственными наградами от 7.07.1944 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 10. Д. 496. Л. 77.
17. Список бригады, отправленной в ДК Текстилей 26 июня 1941 года // Музей-архив Театра юных зрителей.
18. Справка Александра Гавриловича Полибина // Архив РГИСИ.
19. Театр. Творчество. Судьба. В 2 т. Т. 1. Искусство свободной педагогики / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю. А. Васильева. – СПб. : Изд-во РГИСИ, 2020. – 640 с.
20. Театр. Творчество. Судьба. В 2 т. Т. 2. “Не утихай, память...” / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю.А. Васильева. – СПб. : Изд-во РГИСИ, 2020. – 648 с.
21. ТЮЗ в эвакуации: документы, фото, воспоминания // Ленинград – Молотов: судьбы, объединенные войной : [электронная выставка] / Пермский гос. архив социально-политической истории. – Пермь, 2020. – URL: <https://www.permgaspi.ru/evac/arts/tuz.php> (дата обращения: 28.02.2023).
22. Характеристики, данные Е.К. Лепковской, А.А. Брянцевым, Л.Ф. Макарьевым, А.З. Юфитом и др. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–3.
23. Юй Я. Теоретические основы обучения актеров в театральных школах Китая // Педагогика и просвещение. – 2020. – № 3. – URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.ptp?id=33386 (дата обращения: 28.02.2023).

Дейдей Мария

уч-ся 11 класса ЧОУ ЦОДиВ

Юношеский Университет Петербурга

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Аксельрод В.И.)

Четыре поколения семьи Крестовских в истории и культуре Петербурга

Значительная часть исследования посвящена потомкам Всеволода Владимировича – его пятерым детям. Нельзя с полной уверенностью сказать, что они остались в тени известного отца, однако Мария, Владимир и Игорь получили почетную приставку «сын В. В. Крестовского», «дочь В. В. Крестовского» к своей биографии.

Первый брак писателя был заключен в 1861 году с актрисой Варварой Дмитриевной Гриневой. Поселилась молодая пара, за неимением средств, в пустующем доме на Петровском острове [14, с. 166]. Вскоре дача стала любимым местом сборищ талантливой молодежи. Среди них были приятель Крестовского граф Кушелев-Безбородко, писатель и общественный деятель А. П. Милюков, скульптор Михаил Микешин, братья-художники Маковские, литератор Николай Лесков. У Всеволода и Варвары появятся две девочки – Екатерина и Мария. Первая не вошла в историю, от Екатерины Всеволодовны осталась только дата рождения в метрической книге – «р. 31.08.1867», напротив, о Марии Всеволодовне, ныне малоизвестной, в свое время говорил весь литературный Петербург.

Во втором браке у Всеволода Владимировича родилось четверо детей: Василий, Владимир, Игорь и Ольга. Со своей супругой он познакомился в ходе путешествия в Туркестан. Она была молодой вдовой бывшего чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе, 20-летней дочерью статского советника. Ее звали Евдокией Степановной Лагодой.

Мария Всеволодовна Крестовская

Мария родилась на пять лет раньше родной сестры, 30 ноября 1862 года. Как и матушка, в юном возрасте решила посвятить свою жизнь театру, с легкостью поступила в известный театр Федора Абрамовича Корша в Москве, но, спустя некоторое время, всецело отдалась литературной деятельности.

Первые рассказы: «Угол театрального мира», «Ранние грозы» принесли ей известность, впоследствии литературные журналы «Вестник Европы», «Русская Мысль» и «Северный Вестник» печатали ее произведения.

«Крестовская – типичная женщина-писательница», – пишет Е. А. Колтоновская – советский литературный критик. «Она сосредоточивалась, главным образом, на женских проблемах: на любви, семейных отношениях, разладе между любимой профессией и чувством, и делала это с чисто женской экспансивностью и искренностью. Но может быть, благодаря наследственным литературным склонностям, ее богатая эмоциональность сразу была заключена ею в известные границы. Перо ее, при всей женской гибкости, часто отличается почти мужской сдержанностью. В постановке женских проблем у нее чувствуется широкая общечеловеческая основа, и совсем нет феминистской нетерпимости и тенденциозности. Живой и тонкий ум, наблюдательность, чувство меры – характерные свойства лучших произведений Крестовской. Среди повестей и рассказов, посвященных женской психологии, выделяются первая повесть: «Ранние грозы» и большой, с драматизмом написанный, роман «Артистка», особняком стоит последнее, самое зрелое произведение Крестовской «Исповедь Мытищева», в котором писательница впервые останавливает свое внимание на мужской психологии»³.

Близкой подругой Марии Всеволодовны была Татьяна Львовна Щепкина-Куперник – писательница, драматург, поэтесса и переводчица. Именно она привела очень точное высказывание относительно непростой и многогранной жизни Марии Всеволодовны: «Если бы вздумала писать ее биографию, мне надо было бы написать целую поэму». Эта статья, написанная на годовщину смерти писательницы, была напечатана в «Синем» журнале в 1911 году.

Самый известный петербургский адрес Марии Всеволодовны – Кирочная ул., 12, доходный дом Дурдина. Он был возведен в 1894 году архитектором П. И. Гилевым в стиле поздней эклектики. Известно, что Татьяна Львовна была прописана в том же доме, вероятно подруги были соседками или жили вместе на той же Кирочной улице, по адресу: Кирочная ул., д.18.

Мария Всеволодовна была замужем два раза, ее единственный сын появился в первом браке с Николаем Флориановичем Добролюбским – художником, другом Репина и Перова. Молодая пара поселилась в Мартышкино под Санкт-Петербургом, на берегу Финского залива.

Как и многие представители интеллигенции того времени Николай Флорианович участвовал в подпольных революционных кружках, и за антиправительственную деятельность в 1884 году был сослан в Сибирь. Мария сразу решила следовать за супругом, и отдал

---

3 Крестовская Мария Всеволодовна // Биографический словарь. – URL: <https://rus-biograf-dict.slovaronline.com/7508-Крестовская%20Мария%20Всеволодовна>

годовалого сына в пансион, незамедлительно отправилась в путь. Однако любимый отправил ее обратно, к сыну. Актриса вернулась в Петербург, но выступать на сцене больше не могла, так как на руках у нее был маленький ребенок. Чтобы заработать на жизнь, Мария Всеволодовна по совету Анатолия Федоровича Кони, прочитавшего ее небольшие рассказы, написанные для себя, занялась литературой. Вскоре журналы наперебой просили ее произведения – лирические рассказы, повести, главы из романов.

Мария Всеволодовна стала популярна. Она посещала литературные салоны и вечера. Современники отмечали ее веселый нрав. Мужчины увлекались Марией Всеволодовной. На одном из собраний она познакомилась с банкиром Евгением Эпафродитовичем Картавцевым. Это был богатый и статусный человек. Отношения с особой, родившей ребенка в гражданском браке (первый муж Марии Всеволодовны был против венчания в церкви) в те времена не одобрялись обществом. Однако это не помешало сильным чувствам Евгения. Венчание состоялось 20 апреля в церкви Всех скорбящих радость на Шпалерной улице в Санкт-Петербурге.

Евгений Картавцев усыновил юного Всеволода, что позволило мальчику получить высшее образование, определил его на обучение в Морской корпус, и исполнил давнюю мечту писательницы – купил большой участок земли на побережье Финского залива, чтобы построить загородный дом. Усадьба «Мариоки» стала самым знаменитым произведением дочери Всеволода Крестовского, прославив ее не меньше, чем повести и романы.

Свое имение Мария Всеволодовна назвала «Мариоки», соединив в названии часть своего имени и название ближайшего городка Териоки. Мария Всеволодовна прожила в имении Мариоки шестнадцать лет, иногда перебираясь в город.

Однажды, в последний год своей жизни, Мария Крестовская решила быть на литературном вечере, на котором давали отрывки из запрещенной пьесы Мережковского «Павел I». «Доктор и близкие не решались отказать ей в этом желании. Было ужасное впечатление: словно мы обряжаем покойницу. Легкое белое платье висело на ней, как на скелете. Она набросила на себя белую кружевную шаль, чтобы скрыть худобу, тронула румянами щеки: глаза горели неестественным голубым блеском. Ей страстно хотелось на минуту обмануть себя, на минуту уйти в живую жизнь, к живым людям...» [16]. Среди элегантных туалетов, фраков, мундиров выделялась богатырская фигура Шаляпина. Он был что-то не в духе и довольно небрежно отвечал на приветствия и комплименты. Крестовской страстно захотелось его послушать. Она потребовала, чтобы ей его представили, и с прежней своей горячностью стала просить его тут же что-нибудь спеть. Шаляпин был неприятно поражен. Он не знал,

кто она и что она... Он вежливо, но твердо отказал. Она продолжала настаивать... Натянутые нервы М. В. не выдержали: с ней сделалась истерика... Несчастливая потянулась к людям, к жизни – и на ее последнюю просьбу жизнь ответила грубым отказом...»

После ее смерти безутешный супруг решил создать бронзовый памятник своей жене в натуральную величину, где у ног сидит ее любимый плюшевый медвежонок. На надгробном камне он оставил слова: «При жизни недостаточно ценил и лелеял я тебя, дорогая Марьюшка, зато по смерти свято исполняя волю, заветы и желания твои. Твой всей душой Евгений». Этот памятник получил название «Могила любви», и к нему финские молодожены вплоть до 1939 года приходили, чтобы принести клятву любви и верности.

Все заветы Марии Всеволодовны свято исполнялись до 1939 года, пока Мариоки находились на территории Финляндии, даже после того, как члены семьи уехали в эмиграцию. В Мариоки был оставлен слуга, который тщательно следил за имением. К сожалению, после присоединения этой части Финляндии к СССР имение Мариоки практически перестало существовать. Церковь и монашеский скит, выстоявшие даже при артобстреле во время войны, были взорваны – от них остались только фрагменты ограды. Дом, парк – все было разрушено и подвергнуто разорению. На Марьиной горе вместо усадьбы Мариоки советские власти возвели трамплин, а прилегающую к нему территорию отдали под спортивную базу.

Только после 1991 года, когда спортивную базу закрыли, началось возрождение этого исторического места. Многие приезжающие на Карельский перешеек гости с удовольствием посещают парк Мариоки, который постепенно реставрируется, отмечая совершенно особый микроклимат, царящий здесь. На Марьиной горе почти всегда тихо, нет ветра, поют и щебечут птицы. «Если вы будете на месте моего имения, – записала Мария Всеволодовна незадолго до смерти для друзей, – пройдите по его аллеям. И если вам на плечо сядет бабочка или над вами пролетит птица, знайте, это моя душа к вам вернулась. Я навеки останусь там, и там мы снова встретимся» [20].

Владимир Всеволодович Крестовский

Единственный из потомков Всеволода Владимировича выбрал родом своей деятельности не литературу или искусство, а медицину и запомнился современникам как военный и гражданский врач, Заслуженный врач РСФСР (1953), основоположник сосудистой хирургии.

Владимир Всеволодович был старшим сыном из второго брака, родился в 1888 г. в Петербурге. В 1906 г. окончил 1-й Кадетский корпус, затем пошел по стопам отца и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но учебу не окон-

чил, в 1910 г. был зачислен в Военно-медицинскую академию, но уже в марте 1913 г. его, как и многих студентов-медиков, отчислили за участие в беспорядках.

Осенью этого же года Владимир Всеволодович вновь поступил на 3-й курс медицинского факультета, но уже Московского университета. В начале Первой Мировой войны, в августе 1914 г., отправился на фронт в качестве студента-медика вместе с 4-м передовым отрядом Красного Креста на фронт в Восточную Пруссию. Зимой, в январе 1915 г. вернулся в Москву для сдачи экзаменов за 4 курс. После успешного прохождения оных, 31 мая 1915 г. продолжил исполнять свой профессиональный долг, отправился на фронт, где был назначен младшим ординатором перевязочного отряда 31-й пехотной дивизии. 5 апреля 1916 г., но, к несчастью, под Барановичами получил огнестрельное ранение, таким образом, он снова оказался в Москве, где во время выздоровления сдал последние экзамены и 31 мая 1916 г. получил звание «лекаря с отличием». После выздоровления в третий раз вернулся на поле сражений. Во время гражданской войны был на стороне Красной армии, поэтому в октябре 1918 г. отправился на Восточный фронт в 5-ю армию, где служил хирургом 219 эвакуационного госпиталя.

После демобилизации в 1920 г. работал главным врачом, заведующим хирургическим отделением в больницах Самары (1920–1923 гг.), Бузулука (1923–1928 гг.), Рязани (1928–1932 гг.), Ленинграда и Гатчины (1932–1942), во время Великой Отечественной войны вместе с семьей был эвакуирован в Уфу, после войны вернулся в Ленинград, продолжил работу в 1-м Ленинградском медицинском институте, где занимал должность заведующего филиалом 1-й хирургической клиники. Филиал действовал как хирургическое отделение больницы имени Веры Слуцкой и располагался по адресу: 1-я линия ВО, 58, Магдалинский пер, 1., совсем недалеко от его квартиры на 2-й линии Васильевского острова, дома № 19 [19].

В 1950 г. Владимира Всеволодовича пригласили на должность главного хирурга Псковской области, в этом же году он организовал областное научно-медицинское общество, стал его председателем, и начал готовить кадры молодых хирургов. Владимир Всеволодович серьезно занимался научной работой, выступал на съездах российских хирургов, публиковал статьи. В 1953 г. получил заслуженное звание Заслуженного врача РСФСР.

В 1958 г. вышел на пенсию, продолжал консультировать своих коллег, скончался спустя 10 лет, в 1969 году. Стоит упомянуть, что Владимир Всеволодович стал достойным продолжателем дела своего прадеда – Василия Матвеевича Крестовского (1776–8.12.1850). Василий Матвеевич был выпускником Первого кадетского корпуса и Военно-медицинской академии, участвовал в качестве врача в

Аустерлицком сражении. Так что, можно сказать, правнук пошёл по его стопам. Василий Матвеевич женат на Прасковье Петровне (2.10.1788–24.05.1814). А позднее стал главным медиком при Дворе Его Императорского Величества. – работал штатным врачом в Придворной больнице. В 1822 году стал надворным советником, в 1824 году коллежским советником, 1837 году статским.

Игорь Всеволодович Крестовский

Игорь был самым младшим ребенком Всеволода Владимировича, поэтому провести детство с отцом не смог – спустя два года после появления на свет Игоря Всеволод Владимирович скончается в Варшаве в 1895 году. После кончины писателя семья вернулась в Ташкент к родителям вдовы.

Накануне Первой мировой войны Игорь заканчивает Ташкентский кадетский корпус и отправится в Петроград, где вначале поступает в Психоневрологический институт. Но вскоре тяга к искусству взяла свое. Игорь Всеволодович продолжает обучение в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств с 1916 по 1924, когда оно уже называлось ВХУТЕИИ. После окончания училища, Игорь Всеволодович с 1926 по 1934 год работал в Русском музее под руководством Григория Макаровича Преснова – крупного специалиста по скульптуре. За это время Игорь Всеволодович восстановил большое количество экспонатов из различных материалов: мрамор, бронза, воск и др. Все они – произведения известных мастеров: Растрелли, Мартоса, Козловского, Антокольского, Голубкиной. Любопытный эпизод его творческой биографии, о котором стоит упомянуть особо, связан с одним непредвиденным случаем, произошедшим в декабре 1928 года на выставке в Русском музее. Некий душевнобольной посетитель музея разбил гипсовую скульптуру работы М. А. Врубеля «Голова Демона» на тысячи мелких осколков. И. В. Крестовскому удалось восстановить, казалось бы, уничтоженное произведение искусства. Он разработал и применил собственную методику расчета местонахождения на полу мелких фрагментов этой скульптуры, создав топографическую картограмму осколков, после чего постепенно собрал их и склеил.

В 1932 он участвовал в реставрационных работах главного фасада Александринского театра, восстановил статуи древнегреческих муз в нишах на главном и заднем – Клио, Талии, Мельпомены и Терпсихоры [14].

В том же году, на территории Обуховской больницы, открыт бронзовый бюст врача Пирогова Н.И. В 1939 году Игорь Всеволодович и Л. А. Носков провели совместную работу по созданию чугунного ограждения взамен деревянных перил на Дворцовом мосту. Эти решетки отлиты Крестовским по рисунку Льва Алек-

сандровича – советского архитектора, инженера-мостостроителя. Он являлся одним из крупнейших специалистов по проектированию и строительству мостов.

С 1937 г. по самую смерть скульптор преподавал в ЛИЖСА – Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина с небольшим перерывом в 8 лет – с 1940 по 1948 год. Это связано с тем, что в годы Великой Отечественной войны Игорь Всеволодович занимался работой по спасению и защите памятников культуры Ленинграда, шедевров городской скульптуры и зодчества – во время блокады Ленинграда демонтировал и укрывал исторические памятники. Игорь Всеволодович выступил не только как организатор, скульптор и реставратор, но и как химик: он предложил варианты защитной смазки для скульптур, рекомендовал использовать для сохранности бронзы непромокаемую бумагу. Крестовский также определял места для подземных укрытий и их габариты.

А после войны участвовал в работе по восстановлению Петергофа – восстанавливал скульптуры: «Алкид», «Тритоны» и «Волхов» Большого каскада. На основе богатейшего опыта, им были написаны первые в СССР научные исследования по реставрации скульптуры. Одни из его последних известных работ: бронзовый бюст на могиле академика Ю. Ю. Джанелидзе на Литераторских мостках и памятник почвоведу В. В. Докучаеву в Царском Селе, перед Аграрным университетом.

Проживал недалеко от места работы, в двух минутах ходьбы от Академии художеств, на 4-ой линии Васильевского острова, д. 17, кв. 86. Скончался 20 июня 1976 года в Ленинграде, похоронен на Лахтинском кладбище.

Так же стоит упомянуть о его наследниках, о трех сыновьях.

Старший сын, Ярослав Игоревич Крестовский (1925–2004 гг.), пошёл по стопам отца, став крупным художником, чьи работы можно увидеть в Государственном Русском музее и в Государственной Третьяковской галерее (всего в 29 музеях) и частных собраниях целого ряда стран. Известный русский советский график, мастер натюр-морта и городского пейзажа. Учился в Институте им. И. Е. Репина [17] у Михаила Бобышева – российского советского театрального художника, живописца, графика и педагога, Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Скончался 23 января 2004 года в Санкт-Петербурге на 79 году жизни. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища возле надгробия деда, писателя В. В. Крестовского [13].

О его брате, Святославе, мне ничего не известно, в отличие от младшего брата – Олега Игоревича, который был известным ученым – гидрологом. Принимал участие в ликвидации последствий

аварии на Чернобыльской АЭС. Во многом благодаря его прогнозным оценкам уровня грунтовых вод и возможности паводков, удалось избежать более тяжелых последствий аварии в 1987–1988 гг. Являлся инвалидом вследствие радиационного воздействия, затем активно вел общественную работу в союзе «Чернобыль», выступал перед молодежью. Награжден Почетной грамотой Союза «Чернобыль», медалью «За заслуги» II степени, медалью «За заслуги» I степени. Кавалер Ордена Мужества, награжден медалями «Ветеран труда», «В память 250-летия Ленинграда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Житель блокадного Ленинграда. Оставил воспоминания о катастрофе Чернобыльской АЭС – «Записки гидролога-ликвидатора».

Василий Всеволодович Крестовский

Сын, Василий Всеволодович Крестовский (1889–1914 гг.), был художником. С начала 1900-х годов он жил в эмиграции во Франции, куда перебрался, совершив побег из ссылки в Сибири. Об этом нам сообщает фрагмент книги, посвященный известному скульптору В. И. Мухиной: «Начавшийся туберкулез заставляет перебраться в город с более мягким климатом – Париж. Там он сближается с Василием Крестовским, сыном известного писателя Всеволода Крестовского, автора занимательных псевдоисторических романов, «русского Дюма». Василий Всеволодович живет в эмиграции, и за спиной его тоже целая одиссея: ссылка в Сибирь, побег, страшные дни в тайге. «За мной охотились, как за диким зверем», – рассказывает он. Василий Крестовский был художником. Писал картины – чаще всего многофигурные, со сложной композицией, мечтал о создании фресок, занимался скульптурой» [6]. С началом Мировой войны Василий был призван в армию, где погиб, сражаясь за Францию. На этом заканчивается общедоступная и подтвержденная информация о Василии Всеволодовиче. Мною был обнаружен сайт с большим количеством информации о нем, однако не была приведена ни одна ссылка, поэтому, во избежание неточностей, остановлюсь на вышеуказанной информации, пока не найду подтверждение.

Ольга Всеволодовна Крестовская

Ольга Всеволодовна Крестовская родилась 27 января 1891 года, как и сводная сестра Мария училась в Смольном институте, затем в Женском училище принцессы Терезии Ольденбургской, находившееся по адресу: Каменноостровский пр., 36. Судьбы сестер, несмотря на почти 30-летнюю разницу частично совпадают. Ольга тоже играла на сцене московского театра Ф. А. Корша, а к литературной деятельности обратилась позже – уже за границей, где она печаталась под псевдонимом Ольга Йорк [2].

Большую часть жизни провела за границей. Впервые за рубежом оказалась в годы Первой мировой войны. Принимая участие в движении Красного Креста, в 1916 году отправилась в качестве медсестры во Францию. Получив ряд почётных наград, среди которых Георгиевский крест, а также французские и сербские ордена, она вернулась на родину.

Окончательно эмигрировала уже в 1920 году. Югославия, Франция и, наконец, США. В Париже в 1927 году выходит замуж за инженера-кораблестроителя, дворянина по происхождению Владимира Ивановича Юркевича, создателя знаменитого трансатлантического лайнера «Нормандия».

К писательскому наследию Ольги Юркевич относятся: посвящённый её супругу роман в четырёх частях «Река времен» (1967) с вышедшим позднее продолжением «Всесокрушающий поток» (1973), в котором речь идёт о судьбах русской интеллигенции в период революции 1905 года и Первой мировой войны, её перу принадлежат также рассказы и мемуары о жизни в эмиграции. Кроме того, стала биографом собственного мужа и хранителем его архивов, которые, исполняя волю супруга, после его смерти передала в 1965 году в Россию. Умерла 5 декабря 1976 года в Нью-Йорке (США).

История Крестовских представляет собой пример семьи, где каждый следовал своим уникальным путём, где дети не потерялись в тени незаурядной личности их знаменитого отца и стали яркими продолжателями рода.

Использованная литература и источники:

1. Аллер С.И. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга с планом и таблицей пожарных сигналов на 1823 год. – СПб., 1822. – XVI, 664 с.
2. Бельчич Ю.В. Русские жены в эмиграции: Ольга Юркевич // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. – 2006. – № 4 (53). – С. 232–240.
3. Берг Ф.Ф. В.В. Крестовский // Русский вестник. – 1895. – № 2. – С. 356.
4. Бунаков Н.Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной, 1837–1905. – СПб., 1909. – [4], XXIV, 364 с.
5. Кислов В.А. Главные медики советской Гатчины // Страничка гатчинского краеведа / Владислав Кислов. – URL: <http://kraeved-gatchina.de/data/documents/Glavnye-mediki-sovetskoy-Gatchiny-7.pdf> (дата обращения: 28.02.2023).
6. Воронова О.П. Вера Игнатъевна Мухина. – М. : Искусство, 1976. – 190 с.

7. Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. – СПб. : Лига, 1996. – 527 с.
8. Григорьев А.А. Избранные стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1959. – 603 с.
9. Елец Ю.Л. Биография Всеволода Владимировича Крестовского // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского : в 8 т. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. III–LV.
10. Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. – СПб. : Издательство Чернышева, 1993. – 639 с.
11. Крестовский В.В. Петербургские трущобы : в 2 кн. / [подгот. текста, примеч. Т. Орнатской ; вступ. ст. М. Отрадина]. – М. : Худож. лит., 1990. – Кн. 1: Ч. 1-4. – 703 с.
12. Пахсарьян Н.Т. Читатель и писатель во французском романе-фельетоне XIX века // Филология в системе современного университетского образования : материалы межвузовской науч. конф. – М., 2004. – Вып. 7. – С. 12–17.
13. Некрополь «Литераторские мостки» : план-путеводитель. – СПб. : Центр «Севзапгеоинформ», 2008. – 160 с.
14. Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. – М. ; Л. : Земля и фабрика, 1928. – 359 с.
15. Крестовский Игорь Всеволодович // Петербургский некрополь / Соколовский М.Б. – 2010. – URL: http://spb-tombs-walkeru.narod.ru/lah/krestovskiy_iv.htm (дата обращения: 28.02.2023).
16. Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни. – М. : Захаров, 2005. – 526 с.
17. Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина Российской Академии художеств, 1975–2005 / авт.-сост. С.Б. Алексеева ; науч. ред. Ю.Г. Бобров. – СПб., 2007. – 791 с.
18. Адресная книга города С.-Петербурга... на 1893 г. / сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П.О. Яблонского. – СПб., 1893. – XXX с., 1182 стб., 326 с., 20 л.
19. Весь Ленинград : адресная и справочная книга, 1935. – Л., 1935. – 1254 с.

Загашева Василина

уч-ся 10 класса, ГБОУ СОШ № 533

Красногвардейского района,

объединение археология

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Гусенцова Т. М.)

Глиняная посуда эпох неолита – раннего металла стоянки Подолье-3 (Южное Приладожье)

В 2011–2019 гг. году в бассейне р. Лава, в 4 км от современного южного берега Ладожского озера проводились комплексные археологические и междисциплинарные исследования стоянок Подолье 1, 3, культурный слой которых сложен торфом. В процессе исследований были выявлены северо-западные границы древнего водоема, погребенного трансгрессией Ладожского озера, возле которого жило древнее население эпох неолита и раннего металла в IV – первой половине III тыс. до н.э.

Стоянка Подолье-3 открыта в 2014 г., расположена в 170 м от левого берега р. Лава и в 300 м к северо-западу от д. Подолье. Высота надпойменной террасы р. Лава 2 м. Поверхность памятника задернована. С запада стоянки проходит старая мелиоративная канава, соединяющаяся с р. Лавой. Площадь стоянки около 1500 кв. м. По результатам геолого-геофизических исследований сложный микро-рельеф района памятников в районе д. Подолья позволяет предполагать здесь как кратковременное существование озерной лагуны, так и на определенных этапах, непроточных водоемов (отделившихся от озера узких озер или речных стариц) [5].

В 2015 году в рекогносцировочном раскопе, площадью 17 кв. м., открыт культурный слой эпох неолита и раннего металла мощностью 0.20–0.25 м. Находки представлены поздненеолитической гребенчато-ямочной керамикой с минеральными добавками, посудой с примесью асбеста эпохи раннего металла и немногочисленным каменным инвентарем. В шурфе, приуроченном к краю мелиоративной канавы, расположенной на памятнике, был выявлен слой торфа с остатками дерева. По образцу дерева получена радиоуглеродная дата SPb-1734: 4470±70 BP (3357-3004 cal BC).

Раскопки 2017–2019 гг. проводились в южной части памятника, где был обнаружен культурный слой, сложенный торфом. Раскопана площадь 52 кв. м., общая толщина вскрытых отложений 1.60–2.00 м. В верхнем культурном слое, сложенным песком, сохранилось небольшое количество артефактов нового времени и позднего неолита –

раннего металла. В нижнем культурном слое, состоящем из торфа, получены комплексы неолита и раннего металла. Находки представлены фрагментами глиняной посуды, оставленные носителями культур гребенчато-ямочной, поздней ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамики с минеральными добавками, пористой и асбестовой керамики; более 40 изделиями из камня, украшениями из клыков кабана, орудиями из кости, 2 янтарными подвесками, деревянным ковшом. В слое торфа найдены остатки рыболовных вершей из лучин сосны. По лучинам получены радиоуглеродная даты: 3131-2873 cal BC (SPb-2550: 4347±70 BP); 3091-2893 cal BC (SPb_3076: 4350±45 BP). Лучины по результатам анализа, проведенного по материалам раскопок 2017 года, изготовлены из сосны (определение Ал. М. Кулькова, СПбГУ). По образцу органики из слоя торфа получена дата (SPb-2856: 5065±70 BP; 3989-3700 cal BC). В слое торфа сохранились кости животных и позвонки рыб, орехи лещины.

Керамические традиции – это сложное явление, которое в самом общем виде можно разделить на морфологические, отражающие внешнюю сторону производства (форма и орнаментация), и технологические особенности, отражающие внутреннюю, скрытую от глаз потребителей, сторону производственного процесса. Их формирование и развитие подвержено воздействию различных факторов: сохранением старых традиций (местных или привнесенных в регион мигрирующей группой), взаимодействием разных групп, особенностями сырьевой базы. Эти факторы по-разному отражаются в морфологии и технологии посуды. Технологии более консервативны, поскольку передаются, как правило, контактным путем в родственной среде [4, с. 82–86].

Технология изготовления керамики изучается с помощью различных, в том числе, естественнонаучных методов, однако, определяющими факторами остаются: анализ состава формовочной массы глиняных изделий, способ лепки и характер обжига, форма, орнаментация.

Определено 3 подгруппы посуды с минеральными добавками в глиняном тесте, оставленные населением с различными традициями в орнаментации посуды (91 фр.): ямочно-гребенчатой – 33 фр., (14 сосудов); ромбо-ямочной – 36 фр., (12 сосудов); гребенчатой – 22 фр., (9 сосудов).

Технология

При рассмотрении технологии изготовления посуды рассматривают несколько показателей: исходное глиняное сырье и его происхождение; степень промешанности формовочной массы; состав и концентрация искусственных примесей в глине, размер включений; коэффициент и происхождение пористости; температура, характер, время и среда обжига; наличие особых способов обработки поверхности.

По аналогии с близкими комплексами памятников Охта 1 и Подолье 1, по которым получены аналитические данные, посуда с минеральными добавками изготавливалась из глин гидрослюдистого или смектитового состава (тощих). В формовочной массе сосудов в качестве отощителя глиняного теста прослеживается примесь дресвы – 1,5–3 мм и песка. Температура обжига 600–650°С, обжиг костровой, в окислительной среде [10; 11] в составе глиняного теста одного из сосудов с гребенчатым орнаментом стоянки Подолье 3 определена дресва магматических пород: плагиограниты. В одном случае, в сосуде ямочно-гребенчатым орнаментом присутствует примесь раковины, в другом сосуде с ромбо-ямочным орнаментом – тонкие едва заметные иголки асбеста.

Промешанность глиняного теста керамики несколько отличается. Сосуды с ямочно-гребенчатым и ромбо-ямочным орнаментом менее плотные, крошатся. Керамика неравномерного обжига – темно-желтого цвета, внутренняя поверхность заглажена. На внутренней стороне нескольких сосудов имеется нагар.

Сосуды с гребенчатым орнаментом темного цвета, плотные и более прочные, внутренняя поверхность гладкая. В одном случае она окрашена охрой. Высота глиняных лент сосудов всех орнаментальных групп преимущественно 5–7 см, на нескольких стенках прослеживается «желобок» для скрепления глиняных лент встык.

Форма

Для посуды с минеральными добавками не удалось полностью реконструировать форму. Для двух из развалов сосудов: с ромбо-ямочным и гребенчатым орнаментом восстановлена окружность венчиков и определен их диаметр – 58 и 40 см. Анализ профиля венчиков и толщины крупных фрагментов указывает на то, что большинство из них принадлежало, вероятно, крупным сосудам с широким горлом и вертикальными в верхней части стенками.

Фрагменты стенок сосудов имеют толщину: для сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом она укладывается в параметры от 7 до 12 мм; для посуды с ромбо-ямочным орнаментом 8–12 мм; сосуды с геометрическим орнаментом 7–14. мм. Анализ ширины среза венчика выявил разброс значений от 8 до 12 мм. Толщина венчика зависит от формы его профиля, которая достаточно однообразна. Они прямые или имеют слегка прикрытую устьевою часть. Один сосуд с ромбо-ямочным орнаментом имеет «Г-образный» венчик. Сам срез венчика чаще всего прямой иногда бывает срезан внутрь под углом к поверхности стенки. На стенках в единичных случаях встречаются сквозные отверстия – следы починки.

Орнаментация

Сосуды всех орнаментальных групп с минеральными добавками Подолья 3, вероятно, украшались плотно и полностью – от устья до основания. Помимо орнаментации тулова украшался срез венчика – оттисками гребчатого штампа. Сосуды орнаментированы одним или двумя, редко тремя элементами орнамента. Элементы орнамента можно разделить на три варианта. Первые и самые многочисленные из них – ямки округлой и овальной формы с выпуклинами «жемчужинами» на внутренней стороне и ямки ромбической формы, на дне которых иногда прослеживается «фигурный» оттиск штампа. Ко второй группе относятся отпечатки короткого гребчатого штампа, нанесенные вертикально (чаще всего слева – направо) и горизонтальными рядами. Третья – ямочные вдавления овальной формы.

Наиболее распространенным орнаментом являются горизонтальные ряды ямок различной формы. Сочетания на одном сосуде двух элементов орнамента, образующих узор, состоят из зон ямок, разделенных прямыми или вертикальными рядами гребчатого штампа. На одном сосуде прослеживается сложный геометрический узор – треугольник, направленный вниз.

Орнамент на сосудах с гребчатым штампом состоит из горизонтальных зон вертикальных оттисков штампа, в одном случае в сочетании с ямочными вдавлениями в придонной части. На трех сосудах прослежены ряды диагональных и вертикальных поясов штампа, обрамляющих незаполненные орнаментальные зоны.

Хронология и культурная принадлежность

Сосуды, украшенные гребчатым штампом, очевидно, можно соотносить с культурой типично-гребчато-ямочной керамики характерной для среднего неолита Восточной Балтики конца V – нач. IV тыс. до н.э. [5]. Для сосудов близкого памятника Охта 1 получены даты по нагару 4066–3495 и 3995–3640 лет до н.э. (2 σ) [10].

Посуда с ямочно-гребчатым орнаментом, относится к культуре поздней ямочно-гребчатой керамике, распространенной в Карелии первая половина IV тыс. до н.э. [16; 17]. Близкая к ней по времени и технологии изготовления, посуда с ромбо-ямочным орнаментом памятников бассейнов Онежского и Ладожского озер датируется по последним данным первой половиной IV тыс. до н.э. – 3800–3400 лет до н.э. [16; 12].

Во второй половине IV–III тыс. до н.э. на территории Восточной Балтики получает распространение керамика с примесью асбеста и со следами выгоревшей органической примеси.

Технология

Керамика с органическими примесями 71 фр. Петрографический анализ образцов посуды с органикой обнаружил присутствие измельченной растительности, раковины. В посуде, изготовленной из гидрослюдистой глины (тощей) и смектитовой (жирной) глины, прослеживаются поры от выгоревшей водной растительности. Температура обжига 600–650 градусов в окислительной среде, долговременный обжиг [11]. Визуально в глиняной массе также определяется перо, хорошо заметное в виде мельчайших круглых отверстий. В одном из фрагментов с растительной примесью присутствуют включения охры. Промешанность теста различная. Часть сосудов плотная, посуда хорошей сохранности. В сосудах, где в тексте больше раковины, тесто пористое, рыхлое.

Керамика с примесью асбеста 21 фр. (9 сосудов). По данным петрографического анализа, посуда с примесью асбеста включает несколько подгрупп, которые различаются по типу асбестового и других отошителей: амфибол, вермикулит, тальк, шамот, измельченная растительность, пух. Керамика, содержащая только варианты асбестовой примеси, преобладает.

Однокомпонентные примеси: глина + тальк (1). Двухкомпонентные: глина + амфибол, вермикулит (10); глина + асбест (амфибол) + шамот (1).

Трех- и четырехкомпонентные: глина + измельченная растительность + шамот, с включениями асбеста и талька (1) (рис.10:15); глина + измельченная растительность + амфибол, вермикулит (2); глина + амфибол, вермикулит + пух (1). Асбест – единственная неорганическая примесь, встречающаяся в рассматриваемой керамике в чистом виде, что указывает на самостоятельную традицию изготовления глиняной посуды с асбестом. Однако наличие смешанных рецептов с раковинной, пухом, пером и значительное сходство орнаментации сосудов указывают на то, что добавление в формовочную массу асбеста стало компонентом местной керамической традиции [15].

Керамика изготовлена из жирных, хлоритовых, смектитовых, гидрослюдистых глин. Глиняное тесто содержит поры от включения остатков водной растительности [11]. Температура обжига 600–650°С, окислительная атмосфера, долговременный обжиг. Сохранились сосуды из хорошо промешанной глины, имеются крупные стенки.

В обеих группах посуды, высота используемых для изготовления сосудов глиняных лент, от 3 до 7 см. Ленты крепились встык или внахлест и затем заглаживались. Внутренняя поверхность как гладкая, так и с расчесами. На внутренней поверхности часто встречаются следы пищевого нагара.

Форма и орнаментация

Среди посуды с органикой практически нет крупных венчиков, по которым можно определить диаметр и форму сосудов. Фрагменты стенок сосудов имеют толщину от 5 до 13 мм, преобладает толщина – 10 мм. Анализ ширины среза венчиков (7) выявил разброс значений от 9 до 14 мм.

Венчики сосудов с примесью асбеста также сохранились плохо, в большинстве случаев очень небольшие. Только у одного крупного венчика с утолщением по внешнему краю удалось определить диаметр – 58 см. Асбестовая керамика отличается более тонкими стенками и преимущественно поверхностной орнаментацией, что объясняется спецификой самой примеси [7].

Форма обеих групп посуды прямая, слегка вогнутая, за счет небольшого утолщения на внутренней стороне стенок либо за счет небольшого изгиба верхней части стенки внутрь. Днищ сосудов не найдено, по аналогии с другими памятниками она чаще всего была круглодонной или конической.

Орнаментация обеих групп керамики была проанализирована на 30 сосудах с относительно хорошо сохранившейся внешней поверхностью. Распределение фрагментов показало, что орнамент на разных частях одного сосуда мог иметь разную плотность. Орнамент наносился под верхним краем сосуда и ниже на стенки (придонные части сосудов не сохранились). Срез венчика как гладкий, так и украшен гребенчатым штампом.

Сосуды орнаментированы, в основном, одним и реже двумя элементами орнамента – гребенчатым штампом и округлыми ямками иногда с коническим дном.

Орнаментальные узоры состоят из горизонтальных композиций.

Посуда с органическими добавками украшена зонами геометрического орнамента – заштрихованными треугольниками, обрамленными гребенчатым штампом и разделенных в одном случае поясами ямок – 3 сосуда. На одном из сосудов орнамент состоит из сплошных зон прямого и наклонного гребенчатого штампа. Семь сосудов украшены отдельными поясами наклонного короткого штампа, оставляющего свободные зоны. Остальные сосуды украшены горизонтальными зонами прямого или наклонного короткого, или длинного штампа, в том числе «елочкой».

Посуда с примесью асбеста. Узор на сосудах составляют горизонтальные зональные композиции, в двух случаях наблюдается диагональное размещение орнамента. Один сосуд украшен треугольниками, в центре которого размещены ямки. Другой сосуд орнаментирован косыми оттисками короткого штампа в сочетании с рядами круглых ямок, размещенных по горизонтали и диагонали. Третий –

геометрическим орнаментом в виде прямоугольников, обрамленных короткими оттисками наклонного сдвоенного «фигурного» штампа. Четвертый сосуд украшен вертикальными плотными рядами широкого гребенчатого штампа. Остальные сосуды украшены прямыми или наклонными рядами штампа, иногда разделенные ямками.

Культурная принадлежность и хронология

Керамика с органическими примесями и асбестом относится к кругу культуры пористой и асбестовой керамики, распространенной преимущественно в бассейнах Онежского озера, Ладоги, Карельском перешейке. Орнаментация посуды и частично рецептура примесей в глиняном тесте, Подолье 3, прежде всего, сходна с комплексом аналогичной керамики стоянки Подолье 1 и памятника Охта 1 в Санкт-Петербурге [14; 13; 11]. Материалы всех указанных памятников, в свою очередь, близки посуде типа оровнаволок Карелии [7; 8]. Для нее характерно преобладание оттисков гребенчатого штампа, мало ямок, а основные образы – чередование рядов и горизонтальная «елочка». Отличие керамики Подолье 3 заключается в сохранении на части сосудов геометрических мотивов (треугольников, перекрещивающихся полос, зигзагов), ямок с коническим дном. Эта группа посуда ближе к керамике типа войнаволок в Карелии. Некоторые параллели посуды Подолье 3 можно провести с керамикой стоянки Модлоны на севере Вологодской области, где рецепты глиняного теста включают раковину и асбест. Элементы сходства прослеживаются с волосовской керамикой Волго-Окского междуречья, северная граница ареала распространения которой близка к территории Южного Приладожья (примесь в раковины; птичий пух и перья, орнаментация вертикальным зигзагом) [14].

Для определения хронологических рамок существования к посуде с органическими и асбестовыми примесями можно привлечь радиоуглеродные даты, полученные по лучинам из слоя торфа – 3300–3010 лет до н.э. По аналогии с датированной керамикой стоянки Подолье 1 (3695–3365 лет до н.э.); памятника Охта 1 (3300–2900 лет до н.э.); AMS датам керамики в Карелии (3500–3300 лет до н.э.) она также может датирована второй половиной IV тыс. до н.э. [6; 12; 9].

Использованная литература и источники:

Источники:

1. Гусенцова Т.М. Отчет о проведении исследований стоянки Подолье 3, проведенных в 2017 году / Архив АНО НИИ культурного и природного наследия. – СПб., 2018.

2. Гусенцова Т.М. Отчет о проведении исследований стоянки Подолье 3, проведенных в 2018 году / Архив АНО НИИ культурного и природного наследия. – СПб., 2018.
3. Гусенцова Т.М. Отчет о проведении исследований стоянки Подолье 3, проведенных в 2019 году / Архив АНО НИИ культурного и природного наследия. – СПб., 2021.
- Литература:
4. Григорьев С.А., Салугина Н.П. Формирование керамических традиций позднего бронзового века в Зауралье // Геоархеология и археологическая минералогия. – Миасс ; Челябинск : Издательство ЮУрГГПУ, 2021. – С. 82–86.
5. Археология и палеогеография стоянки Подолье–1 в Южном Приладожье / Гусенцова Т.М., Сапелко Т.В., Лудикова А.В. и др. // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. – СПб., 2014. – С. 127–134.
6. Гусенцова Т.М., Холкина М.А. Анализ технологии керамики эпохи неолита – раннего металла в регионе Санкт-Петербурга и Южном Приладожье // Замятинский сборник. – СПб. : МАЭ РАН, 2015. – Вып. 4. – С. 218–227.
7. Жульников А.М. Энеолит Карелии: (памятники с пористой и асбестовой керамикой). – Петрозаводск : КНЦ ИЯЛИ РАН, 1999. – 416 с.
8. Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. – Петрозаводск : Паритет, 2005. – 310 с.
9. Жульников А.М. Тарсов А.Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // Российская археология. – 2021. – № 4. – С. 21–34.
10. Кулькова М.А., Гусенцова Т.М. Особенности технологии и источники сырья для изготовления глиняной посуды эпохи неолита-раннего металла на поселении Охта 1 в Санкт-Петербурге // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. – СПб. : ИИМК РАН, 2012. – С. 200–206.
11. Глиняная посуда неолита-эпохи раннего металла Южного Приладожья: минералого-геохимические характеристики, технология изготовления и функциональные особенности использования / Кулькова М.А., Гусенцова Т.М., Кульков А.М., Стрельцов М.А. // Геоархеология и археологическая минералогия. – Миасс ; Челябинск : Издательство ЮУрГГПУ, 2021. – С. 87–91.
12. Нордвист К., Мёкконен Т. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита – энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. – 2018. – Вып. 11. – С. 39–68.

13. Холкина М.А. Анализ состава формовочной массы керамики памятника Подолье–1 (Южное Приладожье) // Новые материалы и методы археологического исследования : материалы III междунар. конференции молодых ученых. – М. : ИА РАН, 2015. – С. 202–204.
14. Холкина М.А., Гусенцова Т.М. Керамический комплекс торфяниковой стоянки Подолье–1 в южном Приладожье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции : материалы междунар. науч. конференции, посвящ. 75-летию В.П. Третьякова. – СПб. : ИИИМК РАН, 2015. – С. 159–162.
15. Холкина М.А. Керамика эпохи раннего металла на памятнике Подолье–1 (Южное Приладожье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5. – С. 53–62.
16. Хорошун Т.А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 18 с.
17. Хорошун Т.А. Об изучении орнамента на ромбоямочной керамике (по материалам памятников западного побережья Онежского озера // Тверской археологический сборник. – 2015. – Вып. 10. – С. 275–281.

Бабенко Дмитрий, Островной Данила
уч-ся 10 класса, ГБОУ СОШ № 50
Петроградского района
Санкт-Петербурга
(руководитель – Короткевич А. Л.)

Аспидная доска фабрики Макса Михельсона

Музей средней школы № 50 был открыт 25 апреля 2017 года. Основное направление музея – история школьных принадлежностей и одного из главных атрибутов школьной жизни – портфеля, поэтому музей называется «Школа в портфеле». Сейчас в коллекции музея около 1000 предметов. Есть редкие предметы, например, грифельные тетради 1930-х годов. Гордостью музея является коллекция портфелей – 49 экземпляров, в числе которых кожаные портфели 1920-30-х годов, деревянный портфель 1930-х годов, картонные ранцы послевоенного времени и разнообразные портфели 1960-70-х

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГА

годов. Представлены в музее и дореволюционные школьные принадлежности. Среди них 8 аспидных досок, 4 без маркировки производителя и 4 с маркировкой производителей: Макс Михельсон № 11, Ф. В. Натер № 9, Ш. Фридман № 5 и № 7. Среди них и изучаемая нами доска фабрики Макса Михельсона.

Рассмотрев маркированные доски из Госкаталога, Музея истории Санкт-Петербурга, виртуального музея на портале «Канцобоз», книги Деркачёва «Аспидная доска» и нашего школьного музея, мы пришли к выводу, что выпускались доски № 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13. Упоминаний досок с чётными номерами найти не удалось [3; 8; 9].

Если сравнить нашу доску с аналогичными досками в музеях РФ из «Госкаталога», то можно сделать вывод, что связь номера доски и ее размеров у разных производителей одинакова. А вот размеры по каждому номеру у разных фабрик меняются в пределах 0,5–1,5 см.

Музеи и другие источники	Номер доски, производитель, размер в см.					
	№1	№3	№5	№7	№9	№11
Музей СПИ №50			Фридман – 16×23	Фридман – 18,7×26,5	Натер – 20×29	Михельсон – 22×31
Отраслевой канцелярский музей, портал					Михельсон – 20,4×28,2	
Гос. музей истории СПб	Johann Faber – 9,5×15,5		A.W.Faber – 16×24,5		Кудрявцев – 19,5×28	Михельсон – 22×30
Книга Деркачева		A.W.Faber – нет размера				
Тверской музей				Фридман – 18×26 Михельсон – 17×25	Натер – 20×28	
Нац. музей Удмуртии					Фридман – 20×28,5	
Пудожский музей						Неизвест. произв. – 22×30
Сергиев-Посадский ист.-худ. муз.-зап.				Натер – 18×25		
Княгининский народный музей						Натер – нет размера
Гос. Музей ист. космонав.им. Циолковского				Натер – 18×25,7		
Нижегородский муз.-зап.						Натер – 21,5×30

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГА

Невьянский ист.-арх.муз.					Натер – 20×28	
Нопавловский ист.-кр.музей			Натер – 17×24			
Мытнинский музей				Натер – 19×26		
Тарский музей				Фридман – 18×27		
Череповецкий музей				Михельсон – 18×25		

Мы проанализировали также торговый сервис «Ebay», и сначала поняли, что досок с нумерацией там нет [1; 7], однако спустя полгода все же нашли доску, прояснившую размеры доски № 3 [19].

Если иметь в виду, что доски начинали производить в Англии, то можно попробовать перевести их размеры из сантиметров в дюймы, а высчитав площадь, перевести в футы.

№ доски	№1	№3	№5	№7	№9	№11
размер в дюймах	3,5x6	5,1x8	6x10	8x11	8x12	9x13
площадь в дюймах	21	40,8	60	88	96	120
площадь в футах	1,75	3,4	5	7,33	8	10

Таким образом, можно сделать вывод, что нумерация аспидных досок у зарубежных и российских производителей была единой. Вероятно, система нумерации пришла к нам из Европы, так как, переведя размеры досок в дюймы, подсчитав площадь и переведя ее в футы, мы получаем номер доски. Правда, с определенной степенью погрешности.

Производитель аспидной доски

Фирма Макса Михельсона, судя по маркировке, находилась в городе Рига. Фабрика была основана в 1887 или 1888 году [14; 18]. По данным Латвийского государственного архива «Первая Рижская фабрика аспидных досок, грифелей, фанерных изделий «Михельсон М.», позднее – «Фабрика фанеры, сидений для стульев и аспидных досок Д. М. Михельсон», работала, как минимум, до 1944 года [18].

В «Указателе фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским» П. А. Орлова 1881 года есть только одна фабрика по изготовлению аспидных досок – Карла Веллера, тоже из Риги [14]. В издании этой книги 1887 года данные о фабрике Макса Михельсона тоже отсутствуют. В 1894 году Макс Михельсон уже есть наряду с другими производителями

[16]. Реклама этого же 1894 года также сообщает нам, что фабрика Михельсона работает с 1888 года, а кроме нее аспидные доски выпускают фабрики Генриха Зенгера (с 1866 г.), Роберта Бека (с 1882 г.) и купца Зальцмана (с 1899 г.). Однако в источниках 1910 и 1914 года этих фабрик уже нет. В книге «Список фабрик и заводов России 1910 г.» мы видим другой год основания фабрики Михельсона, а именно 1887 год. Мы узнаём также, что фабрика Макса Михельсона была в тот год одной из 3. Также работали фабрика Франса Натера (с 1872 г.) и фабрика Ш. Фридмана (с 1897 г.). По справочнику «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» 1914 года видно, что работают те же фабрики – Михельсона, Натера и Фридмана.

Фабрика Фридмана в 1910 году имела самый маленький годовой оборот в 41 тысячу рублей, в то время, когда фабрики Михельсона и Натера имели объём производства по 200 тысяч рублей [20]. По справочнику 1914 года Натер вышел немного вперёд [11]. У него было 200 рабочих и объём производства 300 тыс. рублей, у Михельсона 170 рабочих, а по объёму производства данных нет. Учитывая, что между количеством рабочих и объёмом производства есть прямая связь, можно сделать вывод, что фабрика Михельсона немного отставала от фабрики Натера, а фабрика Фридмана с объёмом производства всего 50 тыс. рублей оставалась на 3-й позиции.

Если сравнить данные по фабрике Макса Михельсона за разные годы, то можно увидеть, как развивалось производство.

Год	Объём производства в тыс. руб.	Количество работников	Количество паровых двигателей
1894	12	28	Нет данных
1910	200	170	2
1914	Нет данных	170	2

Выделить из этих данных объём производства аспидных досок невозможно, так как фабрика, как и другие производители досок, выпускала еще грифели и изделия из фанеры.

Статистических данных по работе фабрики Михельсона после 1914 года найти не удалось. По данным Латвийского государственного архива известно, что «Первая Рижская фабрика аспидных досок, грифелей, фанерных изделий «Михельсон М.» работала до 1944 года, но какую продукцию делали на фабрике в это время, мы не знаем.

Из источников также понятно, что все фабрики по производству аспидных досок располагались в Лифляндской губернии, а точнее, в Риге. Вероятно, это связано с тем, что месторождения сланца располагались сравнительно недалеко – в Олонечкой губернии Российской империи, это современная Карелия и северо-восточная часть Ленинградской области [4; 5]. Однако документы Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге опро-

вергают это предположение. В заявлении в Министерство финансов фабрики Макса Михельсона от 25 апреля 1914 года сказано, что аспидные плиты завозились из Швейцарии, Италии и Франции [13].

В начале XX века фабрика Макса Михельсона имела торговый знак. Это следует из счета за 1906 г. [17]. Фабричное клеймо представляет лежащего льва и надпись: «Фабричное клеймо. Утверждено Правительством». Однако на нашей доске этого торгового знака нет, при этом есть изображение двух скрещенных молотков, которые являются торговым знаком фабрики карандашей Иоганна Фабера. Наличие на доске торгового знака Иоганна Фабера может предположить, что в этот период фабрика Макса Михельсона выпускала доски по лицензии фабрики Иоганна Фабера или получала с этой фабрики комплектующие, так как предприятие Фабера выпускало, кроме карандашей, также грифельные доски.

Фабрика Макса Михельсона, кроме досок, также выпускала специальные аспидные грифели по 100 штук в упаковке [6]. Материалом служил более мягкий сланец.

Таким образом, можно сделать вывод, что фабрика Макса Михельсона была второй по объему производства изделий, а по производству аспидных досок была, вероятно, первой, так как именно ей доверили обратиться в Министерство финансов от всей отрасли промышленности. Также можно отметить, что с 1906 года фабрика именовалась «ПЕРВАЯ рижская фабрика аспидных досок, грифелей и фанерных изделий». Качество ее аспидных досок фабрики подтверждено получением «GRAND-PRIX».

Внешний вид и датировка доски

Основой доски является аспидная пластина, для которой сделана рамка из дерева. Рамка качественная, столярной работы с шиповыми соединениями. Она имеет наружный размер 310x220 мм, внутренний размер – 265x175 мм. Толщина аспидной пластины составляет около 4 мм. По сравнению с другими аспидными досками из нашего музея, эта лучше отшлифована.

В верхней части рамки мы наблюдаем круглое отверстие диаметром 4 мм. Вокруг отверстия просматривается фабричная маркировка, которая выжжена на рамке горячим инструментом. Маркировка содержит название фабрики – «Макс Михельсон», место производства – город Рига, эмблему, или торговый знак, в виде двух скрещенных молотков, а также № 11. Аналогичная эмблема использовались фабрикой Иоганна Фабера из Германии.

По бокам маркировки изображены аверс и реверс медали, которой было награждено данное изделие, а также надпись «GRAND PRIX». Надпись на медали не читается ни с одной стороны, но на аверсе мы видим силуэт женщины, а на реверсе венки,

внутри которых тоже есть надпись. Под надписью на реверсе мы заметили цифры «1919» или «1909», что, вероятно, является годом проведения выставки, на которой была получена медаль.

Чтобы определить, на какой же выставке аспидная доска получила медаль, пробуем рассмотреть ее под увеличением. Удастся прочитать на аверсе NIDER..., на реверсе INTER... Можно предположить, что это международная выставка, проходившая в Нидерландах.

В результате поиска аналога медали, удается найти медаль 1909 года международной выставки в Амстердаме [12]. Оказалось, что на аверсе медали изображена королева Нидерландов Вильгельмина, а надпись на реверсе сообщает, что это была международная выставка 1909 года в Амстердаме.

Тематику выставки удалось уточнить по плакату, из надписи на котором стало понятно, что эта была выставка малого бизнеса [2].

Таким образом, стало понятно, что доска получила «GRAND PRIX» выставки в 1909 году, а значит, была выпущена не ранее этого года.

Эта важная информация позволяет нам сделать вывод, что доска была изготовлена в начале XX в., не ранее 1909 и не позднее 1914 года, так как выпуск досок по источникам можно проследить только до 1914 года. Данных о выпуске досок после 1914 года мы не обнаружили. Можно только предположить, что фабрика могла производить аспидные доски вплоть до революции 1917 года, распада Российской империи и признания Латвии независимым государством.

Использованная литература и источники:

1. Antique school slate // eBay : [сайт]. – URL: https://www.ebay.com/sch/i.html?_from=R40&_trksid=p2334524.m570.l2632&_nkw=antique+school+slate&_sacat=1217&LH_TitleDesc=0&_odkw=грифельная+доска+старинная&_osacat=0 (дата обращения: 4.12.2021).
2. Vintage Dutch Poster // Art & Artis : [сайт]. – URL: <https://poulwebb.blogspot.com/2013/09/vintage-dutch-posters.html> (дата обращения: 9.11.2021).
3. Аспидная доска // Государственный каталог Музейного фонда РФ : [сайт]. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=аспидная%20доска&imageExists=null&typologyId=12> (дата обращения: 10.12.2020).
4. Аспидный сланец // Энциклопедический словарь / издатель: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1890. – Т. 3. – С. 303.
5. Аспидный сланец // Большая советская энциклопедия. – М., 1926. – Т. 3. – Стб. 597.

6. Грифели аспидные // Отраслевой канцелярский музей : [сайт]. – URL: http://old-stationery.kanzoboz.ru/grifeli_aspidnyie_aluminiumevyie_kolleksiya_v_i_kaganovskogo_8/ (дата обращения: 25.02.2022).
7. Грифельная доска старинная // eBay : [сайт]. – URL: https://www.ebay.com/sch/i.html?_from=R40&_trksid=p2380057.m570.l1312&_nkw=грифельная+доска+старинная&_sacat=0 (дата обращения: 4.12.2021).
8. Грифельная доска // Государственный каталог Музейного фонда РФ. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=грифельная%20доска&imageExists=null&typologyId=12> (дата обращения: 10.12.2020).
9. Дергачев И.П. Аспидная доска : игры и упражнения для малых детей. – М. : А.Д. Ступин, 1896. – 64 с.
10. Доска аспидная М. Михельсона № 11 // Музей ГБОУ СОШ № 50. № 601.03/МШ50СПб.
11. Езиоранский Л.К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) / ред. Ф.А. Шобер ; Совет съездов представителей промышленности и торговли. – Изд. 2-е. – Пг. : издали инж. путей сообщ. Д.П. Кандауров и сын, 1914. – [1612] с.
12. Медаль Международной выставки в Амстердаме // Мешок : [интернет аукцион]. – URL: https://meshok.net/item/60334911_Медаль_Международной_выставки_в_Амстердаме_1909_год_Нидерланды (дата обращения: 09.11.2021).
13. О рассмотрении ходатайств: Рижской фабрики аспидных досок и грифелей «М. Михельсона» о понижении таможенного сбора на аспидные плиты и изделия, ввозимые из Германии. 1909 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23 Оп. 8 Д. 30. Л. 9–11.
14. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским : материалы для фабрично-заводской статистики / сост. по офиц. свед. Деп. торговли и мануфактур П.А. Орлов. – СПб., 1881. – 577 с.
15. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского : материалы для фабрично-заводской статистики / сост. по офиц. сведениям Деп. торговли и мануфактур П.А. Орлов. – Изд. 2-е, испр. и значит. доп. – СПб. : Типография Р. Голике, 1887. – 635 с.
16. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского : материалы для фабрично-заводской статистики / сост. по офиц. сведениям Деп. торговли и мануфактур П.А. Орлов. – СПб. : Типография В. Киршбаума, 1894. – 732 с.

17. Патент на изобретение № 35608 : способ изготовления грифельных досок // База патентов СССР. – URL: <https://patents.su/1-35608-sposob-izgotovleniya-grifelnykh-dosok.htm> (дата обращения: 21.02.2022).
18. Первая Рижская фабрика аспидных досок, грифелей и фанерных изделий «Михельсон М.» (Фабрика фанеры, сидений для стульев и аспидных досок «Д.М. Михельсон» // Фонды Латвийского Государственного исторического архива. – URL: <http://andrejgerin.com/fondy-latviyskogo-gosudarstvennogo/> (дата обращения: 11.12.2020).
19. Сланец из № 3 Лесли переулок Школьный дом голландский дорога и маршрут 5 Эри ПА # 51/80 // eBay : [сайт]. – URL: <https://www.ebay.com/itm/234570976974> (дата обращения: 29.09.2022).
20. Список музейных предметов из фонда историко-бытовых коллекций Музея истории Санкт-Петербурга // Музей ГБОУ СОШ № 50. № 192. 02-ВФ/МШ50СПб.

РОДОСЛОВНЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Иванова Марфа

уч-ся 8 класса, ГБОУ «Академическая гимназия № 56» Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ» (руководитель – Стальмак Е. П.)

Мой прадед Анатолий Гаврилович Усанкин – герой обороны Ленинграда. История одного ордена

Анатолий Гаврилович Усанкин.
Источник: архив семьи Ивановых.

Анатолий Гаврилович Усанкин родился 1 марта 1908 года в городе Инсар Мордовской АССР в семье бывшей батрачки и рабочего Гаврилы Яковлевича Усанкина [14]. Вскоре после рождения семья переехала в город Углич Ярославской области поближе к родственникам матери. А затем и в город Кимры Московской области. Отец – участник Первой мировой войны. После демобилизации вернулся к семье и устроился на работу. В семейном архиве удалось обнаружить фотографию Гаврилы Яковлевича и его жены. Удивительно, но даже сквозь три поколения узнаю знакомый прищур глаз. Обратила внимание на руки, большие и натруженные. Очевидно, что семья зарабатывала себе на жизнь физическим трудом.

Начальное образование Анатолий Гаврилович получил в приходской школе, а затем окончил три класса 2-й ступени, то есть учился там с 6 по 8 класс. Обо всем этом я узнала из автобиографии Анатолия Гавриловича, написанной им собственноручно в 1933 году.

Его личное дело я нашла в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота [1, с. 8].

Интересна трудовая биография прадеда до призыва в Красную Армию: возчик кирпича и булыжников, сторож на складе, подменный рабочий, пожарный, начальник склада нефтепродуктов [1, с. 8]. Делаю вывод, что семье жилось не просто, потому что он брался за любую работу. Но я вижу, как постепенно в его работе проявляется все большая ответственность. Доверить молодому человеку заведование нефтескладом, значит, действительно ему доверять. В 1929 году Анатолий Гаврилович вступил в комсомол, занимался в театральном кружке и был пропагандистом [1, с. 8, 9].

Изучая довоенную жизнь прадеда, я искала для себя ответ на вопрос, как должен был жить и чем заниматься молодой человек, который уже через 10 лет станет батальонным комиссаром и поведет за собой в бой.

Вот только некоторые штрихи его довоенной биографии.

В августе 1930 года Анатолий Гаврилович был призван в Красную армию и направлен учеником-электриком в электро-минную школу им. А.С. Попова учебного отряда Краснознаменного Балтийского флота города Кронштадта [2; 1, л. 1, 8 об.].

После окончания Электро-минной школы в 1931 году А.Г. Усанкин был направлен на эсминец «Володарский», где служил торпедистом-электриком до 1933 года [2; 1, л. 8 об.]. В 1931 году Усанкин Анатолий Гаврилович вступил в ВКП(б) [1, л. 1 об., 8 об.].

Именно в этот период мой прадед встретился со своей будущей женой Серафимой Александровной Абызовой. Девушка работала лаборантом в Институте прикладной химии и одновременно входила в комитет комсомола института. Анатолий Гаврилович Усанкин тоже был активным комсомольцем: редактор газеты «Володарец», секретарь ячейки КСМ, член бюро коллектива ВЛКСМ эсминца, «был на всех партийных конференциях и комсомольских конференциях и партийных конференций Балтморья» [1, л. 8]. Институт прикладной химии, где работала С.А. Абызова, шефствовал над моряками. Так молодые люди и познакомились. Все родственники, у которых мы брали интервью, рассказывали, что Серафима Александровна была очень яркой, исключительно идейной и целеустремленной женщиной. Именно она вдохновила молодого торпедиста-электрика на дальнейшее получение образования, поставив шуточное условие: «Пойду за тебя замуж, если ты будешь учиться!».

Годы службы на эсминце «Володарский» пришлось на непростой период в жизни нашей страны, когда вышло Постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) от 28 апреля 1933 г. «О чистке партии», когда проходили партийные собрания, на которых «...путем: а) проведения открытой и честной самокритики членов партии и партийных

организаций, б) проверки работы каждой партийной ячейки с точки зрения исполнения решений и указаний партии, в) привлечения к делу чистки трудящихся беспартийных масс и г) вычищения из партии людей, не оправдывающих высокого звания члена партии», происходили партийные чистки. В личном деле Усанкина я обнаружила протокол такого партийного собрания, где он отвечал на многие вопросы по своей биографии и выступали его сослуживцы. Анатолию Гавриловичу повезло, решение собрания: благонадежен [1, л. 23]. Активная общественная жизнь и решение партсобрания повлияли на его дальнейшую военную судьбу.

В 1933–1935 гг. А.Г. Усанкин – курсант Военно-Политических курсов Высшего Военно-Морского инженерного училища имени Ф.Э. Дзержинского [2; 1, л. 14, 15]. Фото, обнаруженное в семейном архиве, позволяет увидеть, как он выглядел в этот период.

Интересны выписки из характеристик, ведомостей и анкет, которые мы нашли в личном деле Анатолия Гавриловича в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота, относящиеся к этому периоду. По ним мы можем узнать, какой был у него характер и как он менялся, чем увлекался, за что его хвалили, за что получал взыскания и поощрения, и в целом, как формировалась его личность.

Строевая характеристика: «...Строевая подготовка и выправка хорошая. К себе требователен. Командным языком владеет удовлетворительно. Не решителен. Малоинициативен. Недостаточно дисциплинирован. 25 июня 1934 г.» [1, л. 18].

Характеристика курсанта ВППШ Усанкина Анатолия Гавриловича, подписанная начальником ВППШ ВМИУ им. т. Дзержинского Леоновым: «... Дисциплинирован, имеет вольность, поэтому не выдержан, переоценивает себя в знаниях, веселый, ошибки признает, но исправляет с трудом, требуется много работы над собой. Требуется руководства и наблюдения, желательно использовать на партийно-массовой работе... В ВППШ работает редактором газеты учебной группы» [1, л. 17].

Личная характеристика: «... Веселый, общительный, способности хорошие, общее развитие хорошее, распущенный, не выдержанный, живой, физически-здоров, развит хорошо. 25 июня 1934 г.» [1, л. 18 об.].

Учебная характеристика: «...Учится хорошо. Над собой может работать хорошо. Не усидчив. Самоуверен. Над собой работает маловато. Мысль излагает хорошо. 25 июня 1934 г.» [1, л. 17 об.].

После окончания Военно-политических курсов в 1935 году Анатолий Гаврилович направлен политруком на эскадренный миноносец «Карл Либкнехт», где служил до августа 1936 года.

С этого момента началась его военная карьера в качестве работника.

С августа 1936 года по ноябрь 1937 года он работает секретарем партийного бюро, инструктором политотдела в Архангельске [2]. 1938 год – слушатель курсов преподавателей социально-экономических дисциплин Академии им. Ворошилова в Ленинграде [2].

К этому периоду относится документ, обнаруженный в семейном архиве. Речь идет о копии приказа о присвоении Усанкину Анатолию Гавриловичу звания батальонный комиссар. Приказ вышел 3 ноября 1939 года, и был подписан народным комиссаром ВМФ СССР Флагманом флота II-го ранга Кузнецовым [2].

В декабре этого же 1939 года Усанкина Анатолия Гавриловича назначают заместителем командира по политчасти учебного судна «Комсомолец» [19]. Я нашла фотографию этого судна. Размер его меня поразил. Оно было одного порядка с известным всем крейсером «Аврора».

В предвоенные годы на «Комсомольце» проходили морскую практику тысячи будущих командиров и инженеров Военно-Морского Флота СССР – курсанты военно-морских училищ, воспитательная работа с которыми была доверена моему прадеду – Усанкину Анатолию Гавриловичу. На тот момент ему было чуть больше 30 лет.

Именно к этому периоду относится семейная реликвия, которая до сих пор бережно хранится в нашем доме – командирские часы, подаренные моему прадеду Наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым за добросовестную службу.

19 человек из бывших курсантов, проходивших практику на «Комсомольце», впоследствии получили звание «Герой Советского Союза» [19].

Война застала батальонного комиссара Анатолия Гавриловича Усанкина на борту «Комсомольца». Летом 1941 года учебное судно «Комсомолец» находилось в учебном плавании недалеко от полуострова Ханко [1]. Возвратившись в Ленинград, «Комсомолец» на многие месяцы застыл у причала рядом с Литейным мостом, почти весь экипаж сошел на берег защищать Ленинград, а мой прадед как заместитель командира по политчасти остался на борту «Комсомольца», где разместилась школа боцманов Краснознаменного Балтийского флота.

Корабль неоднократно оказывался под обстрелом, только за сентябрь 1941 года вражеская авиация произвела 23 налёта. Во время одного из первых артобстрелов Анатолий Гаврилович был контужен [1] и направлен в госпиталь.

После выздоровления Усанкин Анатолий Гаврилович был направлен военкомом 17-го дивизиона тральщиков Охраны водного района Ленинградской военно-морской базы, где служил с декабря 1941 по март 1942 года [2].

Мне стало интересно, что это за корабли — тральщики? В Военно-Морской энциклопедии прочитала, что «тральщики предназначены для поиска и уничтожения морских мин и проводки кораблей через минные заграждения. Мины прикрепляются к морскому дну тросом — минрепом и плавают в толще воды. Корабль-тральщик тащит за собой специальный трос, который называется трал. Этот трос перерезает минреп, и мина всплывает. Затем ее расстреливают из артиллерии мелкого калибра» [2].

В этот же период в биографии Анатолия Гавриловича появляется новая должность «военком». Военный комиссар.

С 12 августа 1940 г. институт военных комиссаров был в очередной раз отменен, но опять восстановлен 16 июля 1941 г. Военные комиссары в РККА были вновь наделены теми же контрольными функциями, что и в 1918–1925 гг., но теперь они уже подчинялись главному политическому управлению РККА [15].

Таким образом, военком вместе с командиром являлся прямым начальником всего личного состава части и нес полную ответственность за политико-моральное состояние части, за выполнение воинского долга и соблюдение воинской дисциплины всем личным составом части, за боевую и мобилизационную готовность, за состояние вооружения и войскового хозяйства полка, за настрой, веру, моральный дух. С комиссара был и спрос за все это. Если случался предатель или дезертир, то виноват был комиссар.

1942 год. Март. Военком Усанкин получает новое назначение. Теперь он — заместитель командира по политчасти охраны водного района Ленинградской Военно-Морской базы [2]. В книге воспоминаний ветеранов «Огненный фарватер» капитан-лейтенант, флагманский штурман ОВР Л. Вайсман вспоминал: «Обстановка, в которой действовал ОВР, была чрезвычайно сложной: в районе Урицк — Петергоф противник не просто вышел на берег, но к юго-западной окраине города, к Морканалу. Это определяло опасность как высадки десанта со стороны залива, так и блокады всех путей к Кронштадту, Ораниенбауму и далее. Велика была опасность атак фашистскими торпедными катерами наших кораблей как в Невской губе, так и в Неве. Особо опасным было зимнее время, ибо вся Невская губа превращалась в сухопутную линию фронта, и немцы могли предпринять попытку атаки города по льду. ОВР обязан был прикрыть город со стороны моря от всех этих и других опасностей — задача не из простых. Выполнение ее требовало отлично налаженной боевой и организаторской работы, грамотных оперативных и тактических решений и установок. Их-то и разрабатывал штаб ОВРа. Но это были не просто «руководящие указания» — специалисты штаба принимали самое непосредственное участие в проведении каждой из операций. Все, начиная с командира Богдановича и комиссара

Усанкина, выходили на кораблях, которые несли дозоры, обеспечивали переходы конвоев, участвовали в боевом тралении и высадке десантов, ходили на лед с Отрядом зимней обороны...» [13].

Изучая семейный архив, я нашла еще одну фотографию прадеда в военной форме. На ней не было никаких нашивок, значит, фото сделано после начала войны. На обороте увидела надпись: «Старшему сыну Юрию от папы Усанкина 12/V- 42». Эта подсказка дала основание думать, что именно так выглядел мой прадед в период службы в охране водного района Ленинградской Военно-Морской базы за три месяца до начала Усть-Тосненской десантной операции.

Для военкома Усанкина, как и для всех политработников армии, первый военный год был годом огромной ответственности и серьезной работы. О роли комиссаров в этот период вспоминал генерал-полковник А. В. Картаполов: «...Военные комиссары сыграли огромную роль в укреплении Красной Армии и Флота, в повышении боеспособности войск, улучшении политико-воспитательной работы с личным составом в первый, наиболее трудный период войны. Во многих случаях в бою политработники показывали личному составу пример героизма, стойкости, самопожертвования, нередко, в случае гибели командира, брали на себя командование. Потери среди них были ничуть не меньше, чем других категорий командно-начальствующего состава» [16]. Именно к этому периоду войны относится операция, за участие в которой мой прадед, батальонный комиссар Анатолий Гаврилович Усанкин, награжден орденом Красного знамени.

Во второй половине августа 1942 года штабом Ленинградского фронта была разработана операция, главной целью которой был захват плацдарма на правом берегу реки Тосна в районе ее устья. Плацдарм был необходим для подготовки последующих операций, направленных на прорыв блокады Ленинграда. Организацию десантной операции возложили на командование Ленинградской Военно-Морской базы. Высадкой десанта лично руководил командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц с командно-наблюдательного пункта, располагавшегося на правом берегу Невы.

О начале операции вспоминал краснофлотец, моторист КМ-28 С. Соловьев: «Естественно, никто из нас, краснофлотцев, старшин, командиров и политработников, не знал планов нашего командования, не знал того, что в августе 1942 года Балтфлот получил приказ поддержать 55-ю армию, которая должна была захватить узел сопротивления врага на левом берегу Невы, в районе Усть-Тосно — Ивановское. Захват этого узла предопределил бы успех начала операции по освобождению Ленинграда от вражеской блокады. Поддержка Балтфлота 55-й армии заключалась в том, что перед наступлением корабли должны высадить десант. Десантирование поручили ОВРу Ленинградской Военно-Морской базы» [13].

Командовать отрядом высадки десанта было поручено капитану II-го ранга Абраму Михайловичу Богдановичу и батальонному комиссару Анатолию Гавриловичу Усанкину. В задачи военкома, кроме оперативного руководства, входило обеспечение боевого духа участников операции, воодушевление и личный пример в ходе выполнения поставленных боевых задач. Изучая личное дело и читая наградной лист Анатолия Гавриловича, я поняла, что очень сложно описать конкретный подвиг моего прадеда, ведь он не закрыл собой амбразуру, не принял какое-то решение, повлиявшее на исход боя, хотя он честно выполнял свою работу. Что же он делал? Обратившись к интернет-источникам о военных комиссарах, я узнала, что еще 6 июня 1941 года верховным командованием вермахта был издан приказ «Директивы об обращении с политическими комиссарами», который предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной Армии как «носителей сопротивления». То есть политруков и военных комиссаров в плен не брали. Их расстреливали на месте, потому что они вдохновляли бойцов на Победу. Таким образом, подвиг моего прадеда состоит из поступков, которые совершили бойцы вверенного ему подразделения. А еще подвиг — это умелая организация самой операции.

Кто же был рядом с моим прадедом в той операции? Как развивались события в том далеком августе 1942-го? В наградном листе прадеда читаю: «Вся подготовка к десантной операции, бой за высадку и сама высадка проходила под руководством и при личном участии тов. Усанкина». Дмитрий Черныш, бывший участник десанта, вспоминал: «Утром 18 августа нас перебросили в пос. Рыбацкое, где мы встретились с пехотинцами, участниками десанта. Нам предложили провести тренировку по высадке десанта, разбив нас на группы и посадив на катера. Учебную высадку десанта мы провели несколько раз, после чего нам сообщили, что десант намечен на утро 19 августа» [10, с. 129].

Я поехала в Рыбацкое, чтобы увидеть место, где мой прадед руководил тренировкой высадки десантного отряда. Когда я стояла на берегу Невы, я обратила внимание на то, как местный рельеф похож на рельеф места высадки десанта в Отрадном. Позже в интернете я нашла аэрофотосъемку этой местности, датированную 1942-м годом. Она подтвердила увиденное.

Для доставки десанта из 330 бойцов были выделены: 16 катеров типа ЗИС-5, 15 катеров типа КМ-7 и других типов, а также 6 бронекатеров и 1 «морской охотник», которые должны были сопровождать катера с десантом. Для проведения операции привлекалось 272 орудия и миномёта. Десант должны были поддержать несколько десятков орудий разных калибров [10, с. 128]. Для находящегося в блокаде фронта это была очень большая цифра.

19 августа в 7:30 командующий 55-й армией генерал-майор В. П. Свиридов утвердил общий план:

11:00 — начало арт-наступления и движения десанта от Корчино и Ленспиртстроя.

11:40, после залпа МТВ (тяжёлых турбореактивных снарядов М-28 и М-32) — движение десанта от Ленспиртстроя к месту высадки и начало атаки пехоты на западном берегу Тосны.

12:00 — десант должен быть высажен.

Истребительная авиация прикрывает район операции с 11:20 до 13:00 [10, с. 137]. Но события развивались не по плану. Залпа МТВ не было.

Движение катера должны были начать из Корчино. Маршрут движения десанта иллюстрирует военная карта, найденная в интернете. По первой версии плана начало операции было назначено на 11.00 утра. Но позже штаб сместил его на час. Однако из-за повреждения связи сообщить об этом катерам не смогли. Катера уже подходили к Ивановскому, когда задрожала земля, полетели наши бомбардировщики и началась артподготовка. Весь десант и мой прадед шли на неминуемую гибель под бомбы и снаряды своих же войск. Ситуацию спас начальник оперативного штаба капитан I ранга Петров, который вскочил в катер и бросился на перехват с противоположного берега Невы. Об этом эпизоде в книге «Заметки члена Военного совета» рассказывает Смирнов Н.К.: «... Петров видит с командного пункта, как разрывы снарядов окутывают дымом берег противника, — все идет хорошо. Переводит взгляд на Неву и с ужасом замечает, что вверх по реке идут катера с десантниками. Видимо, до командира десантного отряда капитана I-го ранга А.М. Богдановича приказание генерала Свиридова не дошло, и он вышел по старому графику. На час раньше. Катера идут под удар своей артиллерии...

«Немедленно задержать Богдановича!» — приходит Петрову решение. Заработали все средства связи, а сам он прыгает в штабной моторный катер и мчится на перехват десантников. Команда в мегафон о переносе высадки с 12 на 13 часов доходит раньше, чем распоряжение по радио. Катастрофа предотвращена. Катера повернули обратно» [10, с. 138].

Геройский поступок капитана спас не одну сотню жизней, в том числе и жизнь моего прадедушки. В дальнейшем я хотела бы узнать больше об этом герое.

Катера были сведены в 3 дивизиона. Первыми следовали бронекатера БК-102 и БК-101, которые ласково называли «ижорцами», потому что изготовлены они были на нашем Ленинградском Ижорском заводе. Бронекатер БК-102 под командованием старшего лейтенанта Александра Потужного возглавлял десант. Бронекат-

тер БК-101 следовал позади. Старший лейтенант Владимир Еськов командовал бронекатером БК-101, где находились командир и мой прадед – военком высадки десантного отряда [10, с. 128].

Из журнала боевых действий 268-й стрелковой дивизии: «Из Корчино вышла на катерах десантная группа. В 12.40 947-й и 952-й полки пошли в атаку на западном берегу. В 13.00 катера высадили десант на восточном берегу Тосны. Внезапность, стремительность действий нашей артиллерии и пехоты привели к отступлению противника. Наши ворвались в траншеи и, уничтожая противника, стали продвигаться вперед. Десант быстро распространился по восточному берегу, занял шоссеиный мост, продвигается по Ивановскому к церкви у перекрестка дорог. Для усиления в 14.23 был высажен второй десант: 5-я и 9-я роты 942-го полка. 947-й полк на западном берегу продвигается вдоль железной дороги, занял излучину р. Тосны, оседлал шоссе правее железной дороги...» [16].

27 октября 2021 мы побывали на том самом месте, куда 19 августа 1942-го года подошли катера и началась высадка десанта. Детали событий того дня читаю в наградных листах моряков: «Радист бронекатера-101 старший краснофлотец И.П. Аверкин, несмотря на возникшее в ходе боя повреждение радики, быстро его устранил и обеспечивал четкую радиосвязь с флагманским командным пунктом и катерами десанта».

«Боцман рулевой В.М. Арацков управлял движением и маневрированием катера таким образом, что создавались наиболее благоприятные возможности как для высадки бойцов, так и для подавления огневых точек противника на берегу» [12].

Ведущим в караване десантных судов был бронекатер БК-102, которым командовал старший лейтенант А. Потужный. В его наградном листе читаю: «Пробив завесу артогня противника, бронекатер подошел близко к берегу и прямой наводкой уничтожил самые опасные огневые точки: крупнокалиберный пулемет и противокатерную пушку. Затем – прочесал берег картечью, выбивая автоматчиков и корректировщиков. Прикрыл дымовой завесой высадку десантной роты без потерь. При отходе бронекатеров на одном из них прямым попаданием снаряда выведено из строя рулевое управление и катер сел на мель. Бронекатер 102, закрыв его дымовой завесой, сдернул его с мели и дал возможность своим ходом выйти из-под огня» [12].

Из того немногого, что помнил мой папа о своем дедушке, был рассказ о мальчишке – «сыне полка», который отличился в бою, и когда ему вручали медаль, то вместо положенного по уставу ответа: «Служу Советскому Союзу!» – юный герой ответил: «Буду бить немцев за маму и за папку!». Война сделала мальчика сиротой. Его родителей расстреляли немцы. Анатолия Гавриловича так поразила боль ребенка, что он запомнил историю на всю жизнь и рассказал

моему папе, когда тому было 7 лет. Однако никакой информации об этом герое не было. В ходе исследования в Приказе № 59 КБФ от 04.09.1942 года я неожиданно нашла имя: Ширмаков Борис – воспитанник БК-102. Нашла его наградной лист и обнаружила на нем подпись моего прадеда – военкома А. Г. Усанкина. Скорее всего, это и есть тот самый мальчик из рассказа Анатолия Гавриловича. Описание его подвига в наградном листе: «Во время боя заменил недостающего краснофлотца, бесперебойно подавал снаряды к орудию, четко выполняя приказания и команды командира. Показал себя как настоящий «комендор» (прим.: «комендор – матрос-артиллерист). При разрыве снарядов в башне и ранении комендоров Ширмакову обожгло лицо. Тринадцатилетний воспитанник Ширмаков протер глаза и, не обращая внимания на боль, стал подавать снаряды раненым комендорам ещё выше, потому что они не могли из-за ранения нагибаться. Темп стрельбы благодаря усилиям юного комендора снижен не был [12]. Обожжено лицо, вокруг идёт бой, а темп стрельбы не снижен. Масса снаряда составляет приблизительно 6,5 кг. Какой сильный характер и какое мужество показал этот мальчик! В дальнейшем я хочу проследить судьбу Бориса Ширмакова и узнать о нем больше.

В наградном листе своего прадеда читаю: «Изумительный героизм и стойкость личного состава катеров и их самоотверженная боевая работа, отсутствие случаев трусости – свидетельствует о надлежащей постановке политического воспитания бойцов. Во время высадки десанта (с 19 по 24 августа) тов. Усанкин лично проявил храбрость и мужество, с десантом ходил к месту высадки и служил примером для личного состава катеров и десантников, подбадривая их страстным словом. Тов. Усанкин вместе с командиром высадки добился отличного выполнения боевых приказов всеми до единого бойцами и командирами, участвовавшими в десантной операции катеров. Операция по высадке десанта, во время которой высажено до двух тысяч бойцов – оценена армейским командованием как отличная. Успех операции в немалой степени обусловлен хорошей боевой работой тов. Усанкина» [12]. Читаю эти строки и понимаю, что прадед был настоящим военным комиссаром, потому что конкретные подвиги людей, о которых мне удалось узнать в результате исследования, и есть подвиг моего прадеда, именно поэтому он был награжден орденом Красного Знамени. Мне было непросто прийти к выводу, что роль комиссара на войне – это боевой дух бойцов, что за фразой «отсутствие примеров трусости» стоит огромная ответственность и важная работа, предшествовавшая тому августовскому дню. Чтобы быть военкомом, надо было быть не только человеком, наделенным властью, но и тем, за кем в минуты страха и отчаянья шли люди.

Ценой невероятных усилий и значительных потерь десанту удалось захватить плацдарм и удерживать его до конца прорыва блокады.

Снабжение занятого плацдарма было возложено на Ленинградскую военно-морскую базу. За время операции её корабли эвакуировали более 2 тысяч раненых, доставили на плацдарм около 5 000 бойцов пополнения, 14 орудий, 13 минометов, 1 танк, более 20 тонн боеприпасов и продовольствия. И все это проходило при непосредственном участии моего прадеда – военкома, батальонного комиссара Усанкина Анатолия Гавриловича [17].

Это был первый шаг на пути к прорыву блокадного кольца Ленинграда.

Однако этот результат был достигнут ценой больших потерь: потери Красной армии в трехнедельных боях на участке несколько квадратных километров составили 20800 бойцов убитыми и ранеными [17]. Потери немецких войск неизвестны, но исходя из характера боёв, вероятнее всего, были существенно ниже. В ходе исследования я познакомилась с командиром поискового отряда «Отрадное» Александром Ивановым, который рассказал, чем занимается их отряд и что на Ивановском пятачке до сегодняшнего дня находят неопознанные тела бойцов, погибших в те суровые военные годы. Уже в 1943 году возник проект Стелы в память о боях на этой земле. Он был реализован в 1944 году по проекту участника боев В.А. Петрова. На антикварном аукционе мне удалось приобрести открытку с видом этого памятника. В настоящий момент он выглядит так же.

Возможно, в связи с недостижением некоторых поставленных задач и из-за высоких потерь, данная операция практически не упоминается в советской литературе о Великой Отечественной войне. Но все, кто принимал участие в этой операции, честно воевали, отдали свою жизнь за этот маленький клочок земли, чтобы выполнить поставленную командованием задачу и встать на пути у врага, задумавшего стереть наш город с лица земли.

И в этом есть заслуга и моего прадеда, который из простого парня, преодолевшего все трудности войны: контузию, неуспех первых операций – стал настоящим комиссаром - одним из тех, кого так боялись солдаты вермахта.

Использованная литература и источники:

1. Личное дела Усанкина А. Г. // Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. Р-1530. Оп. 10. Д. 1606.
2. Семейный архив Усанкиных.
3. Интервью с Егоровым Ю. И. 15.11.21.
4. Интервью с Ивановым А. 15.11.21.

5. Интервью с Усанкиной Г.Е. 09.11.21.
6. Интервью с Усанкиным А.А. 12.09.2021.
7. Интервью с Усанкиным М.А. 15.10.21.
8. Алепко И. Г. Краснознаменный Балтийский флот, 1939–1945. – Сосновый Бор, 2008. – 371 с.
9. Дмитриев А.А. Боевая слава : Ивановский плацдарм: кузница победы над германским фашизмом : сборник. – СПб. : Радослово, 2017. – 209 с.
10. Егоров Ю.И. Ивановский порог. Хронология подвига (30 августа 1941 г. – 22 января 1944 г.). – СПб. : Вести, 2015. – 280 с.
11. Липатов П.Б. Униформа Красной Армии : знаки различия, обмундирование, снаряжение сухопутных войск Красной Армии и войск НКВД, 1936–1945 гг. – М. : Техника – молодежи, 2001. – 21 с.
12. Наградные листы по приказу № 59 от 4 сентября 1942 года. КБФ // Память Народа, 1941–1945 : портал. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_nagrazhdenie51350964/?static_hash=24b1f42cdf15ab12dbe87c45e3988f3v1 (дата обращения: 07.10.2021).
13. Огненные фарватеры. – Л. : Лениздат, 1987. – 106 с.
14. Отрадное в годы Великой Отечественной войны // Официальный сайт МО «Город Отрадное» Кировского муниципального района Ленинградской области. – URL: <http://otradnoe-napeve.ru/?p=14975> (дата обращения: 5.09.2021).
15. Политруки и Комиссары РККА // Reenactors KRIM : сайт. – URL: <http://www.reenactors-krim.info/threads/politruki-komissary-rkka.2303> (дата обращения: 3.01.2022).
16. Трагедия Мясного Бора : сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции / авт.-сост. И.А. Иванова. – 5-е изд., стереотип. – СПб. : Политехника, 2021. – 496 с.
17. Усть-Тосненская наступательная операция (19 августа – 8 сентября 1942 года) // Краеведь (FotosergS) : [блог]. – 2015. – URL: <https://fotosergs-livejournal-com.turbopages.org/fotosergs.livejournal.com/s/60276.html> (дата обращения: 23.10.2021).
18. Усть-Тосненская наступательная операция 19 августа – 12 сентября 1942 года. Что это было // ПроОтрадное. – 2017–2018. – 22 июня – 10 мая.
19. Шмаков Н. Учебный корабль «Комсомолец» («Океан») : сайт. – URL: <http://mopolit.milportal.ru/uchebnyj-korabl-komsomolec-ocean/> (дата обращения: 18.10.2021).

Гачкова Мария

уч-ся 9 класса, ГБОУ школа № 550
Центрального района,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь» ГБОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Стальмак Е. П.)

История моей семьи. Буй – Санкт-Петербург

Я начала интересоваться историей своей семьи, узнав от бабушки, что мой прапрадед был городским головой какого-то провинциального городка. Мне рассказали, что этот город называется Буй, и что он где-то под Костромой. Также я знала, что у нас дома есть много старых документов и фотографий, но никто их не разбирал. Больше всего мне нравился большой старинный альбом с фотокарточками, но практически все люди мне были неизвестны. На некоторых фото были подписи, сделанные отцом моей бабушки. Они и помогли мне сделать первые шаги. И вот, наконец, пришло время во всем разобраться.

Немногое, что я знала в начале исследования из рассказов моей бабушки, было то, что ее прадед Александр Федотович Кудрявцев был городским головой, а также построил лесопильный и винокуренный завод в городе Буге. Его дочь Мария была дважды замужем: в первом браке с неким Головановым родилось двое сыновей, а во втором браке, с Василием Васильевичем Галаниным, родилась моя прабабушка Екатерина Васильевна. Она училась в Институте благородных девиц и оставила дневник с воспоминаниями, который хранится у нас. Также сохранились и некоторые вещи, которыми она пользовалась, будучи институткой. На основе этой информации я начала «расследование».

Первым делом я написала в Буйский краеведческий музей имени Т. В. Ольховик в социальных сетях с просьбой найти что-нибудь о наших предках в экспозиции и архивах музея. Параллельно с этим я искала даты рождения, венчаний и смерти родных в метрических книгах церквей Буга. Для этого я зарегистрировалась в ОГКУ «Государственный архив Костромской области». Так я поняла, что семья Галаниных была прихожанами Воскресенской церкви Буга, а Кудрявцевых – Благовещенской. Благодаря сотруднику Краеведческого музея Елене Юрьевне Слепчук быстро были найдены даты рождения Василия Васильевича Галанина и его братьев и сестер.

Я часто встречала фамилию Галанины в метрических книгах, но не знала, имеют ли они ко мне отношение. Оказывается – имеют. Итак, у Василия Васильевича было 4 брата и 2 сестры (еще двое

детей умерло во младенчестве). Самый старший – Степан – родился 26 июля 1868 [2], Ольга – 12 мая 1871, сам Василий – 28 декабря 1872 [4], Елизавета – 28 сентября 1875, Николай – 19 июля 1878 [5], Яков – 12 октября 1881 и младший – Владимир – 5 июля 1886. Все они были детьми Василия Кузьмича Галанина (предположительные годы жизни – 1842 – 1920-е), купца 1 или 2 гильдии (сведения разные) и Екатерины Васильевны Галаниной. Они поженились 17 февраля 1864 года [1]. Сначала из записей в метрических книгах о венчании я знала о ней только то, что она была дочерью мещанина Василия Степановича Малафеева. Но потом, просмотрев метрические книги за 1850-е годы и более ранние ревизские сказки, я выяснила, кем были ее предки еще на четыре поколения вниз. Самый дальний предок – Иван Малафеев родился предположительно в 1720-х годах. У него было четыре сына: Моисей (1747–1808) [16], Тимофей (1749) [16], Петр (1753) [16] и Григорий (1773) [16]. У последнего до взрослого возраста дожил, по моим сведениям, только один сын Степан (1801). Он и был отцом Василия Степановича (годы жизни неизвестны), у которого в браке с Матрешей Николаевной Галаниной (1819–1879) [6] родилась Екатерина Васильевна – моя прапрапрабабушка. Ее фотографию я нашла в семейном альбоме.

Теперь рассмотрим предков Василия Кузьмича. Так же, как и в случае с Екатериной Васильевной, благодаря ревизским сказкам мы нашли родственников на 4 поколения вглубь. В одно время с Иваном Малафеевым жил Федор Галанин. У него было двое сыновей: Петр (1743–1804) [17] и Степан (1754–1802) [16]. У старшего родилось трое детей: Семен (1764) [17], Михаил (1787) [17] и Терентий (1780) [17]. У последнего было также трое сыновей: Михаил, Иван (1812–1872) [17] и Кузьма (1817–1868) [17]. Кузьма – отец Василия Галанина, о котором дальше и пойдет речь.

В ходе исследования мы узнали, что Василий Кузьмич Галанин был очень успешным купцом того времени. Неизвестно, в какой гильдии он состоял, вероятно, во второй. Так или иначе, он имел довольно большой капитал, так как в конце XIX века по его заказу был построен в центре города Буя на углу Торговой площади и улицы Костромской на месте полукаменного дома мещанина Фёдора Кузьмича Оглоблина [20, с. 103] каменный дом в стиле эклектика. «Расположен с отступом от угла квартала; главным (северным) фасадом выходит к проезду, ведущему с площади к мосту через Кострому, боковым (восточным) обращен к улице Карла Маркса (Костромская). Во дворе сохранились две одноэтажные кирпичные хозяйственные постройки (одна из них надстроена бревенчатым этажом). Во втором этаже основного объёма находилась квартира хозяина, весь первый этаж занимали магазины, сдававшиеся внаём (отсюда

второе название – Новые торговые ряды). В угловой части располагалась мануфактурная торговля А. Л. Солодовой. Перед магазинами, занимавшими более низкий корпус, со стороны площади был устроен навес на столбах» [22].

После пожара в 1914 году сын Василия Кузьмича Степан Васильевич Галанин на средства своего отца построил на месте особняка кирпичное двухэтажное здание новых торговых рядов. Первый этаж в доме занимали торговые лавки, которые можно было арендовать, а на втором этаже располагались жилые комнаты семьи Галаниных. После революции дом менял свое предназначение. В 1934 г. часть здания была отдана районной колхозной школе, в 1936 г. Туда переехала Буйская медицинская школа. В 1969 году здесь было открыто Буйское областное училище искусств, работающее и сейчас [21].

По воспоминаниям старожилов города Василий Кузьмич Галанин до конца жизни сохранял крепкое здоровье и вкус к жизни и дорожил не столько богатством, сколько репутацией. На эту тему в сборнике исторических анекдотов, а также в книге Костромского купечества была найдена история: «Купцу из Буя Василию Кузьмичу Галанину было за шестьдесят, но он сохранил крепкое здоровье и имел густую шевелюру, наподобие Льва Толстого. Он имел капитал около трехсот тысяч рублей, но постоянно ходил в поношенной поддёвке и старом картузе. Когда Галанин приезжал в Кострому, то он начинал кутить с дамами лёгкого поведения, до которых он был большой «амарант». Как-то во время очередного кутежа с обильными возлияниями две девицы незаметно вытащили у него две тысячи рублей. Девицы оказались глупыми и очень болтливими, так что полиция скоро обо всём дозналась, хотя Галанин никому о пропаже не заявлял. Полиция прижала этих девиц и деньги отобрала, но, когда пришли с этими деньгами к Галанину, он заявил, что у него ничего не пропадало и никаких девиц он не знает. Как ему ни доказывали, что девицы сами во всём признались, Галанин стоял на своём и деньги взять отказался, не желая фигурировать на суде. Он не хотел, чтобы купечество узнало об этом случае, иначе подорвётся кредит. Пришлось полиции возвращать деньги “владелицам”» [23, с. 334].

Точная дата смерти Василия Кузьмича неизвестна, остался ли он в Бую после революции – тоже. Но предположительные дата и место смерти – 1920-е годы, Буй.

Метрические книги открыли точные даты рождения моей прабабушки Екатерины Васильевны, даты венчания ее матери Марии Александровны и Геннадия Алексеевича Голованова. Мы узнали его имя и отчество, а также возраст. Они венчались 15 января 1893 [7], и ему тогда было 32, а ей 18. Значит, он родился примерно в 1861, а она – в 1875. Но найти подтверждения этому не удалось, так как

метрические книги Благовещенской церкви в Костромском архиве начинаются только с 1877 года (по словам сотрудников Краеведческого музея г. Буя, метрические книги за более ранний период были утрачены), а в книгах Воскресенской церкви ничего не оказалось. Точную дату рождения Марии Александровны – 26 января 1874 мы узнали позже из свидетельства о смерти. В Русском Провинциальном некрополе мы узнали дату смерти Геннадия Алексеевича – 16 августа 1899 [18, с. 208], а также его сестры Анастасии Изюмовой [18, с. 335] – ее выдала замуж за надворного советника Павла Михайловича Изюмова [23, с. 382]. Также я поняла, что одного из сыновей Геннадия звали Александр, потому что среди множества фотографий у нас было изображение могилы Александра Геннадьевича Голованова, который умер 28 сентября 1938 в 42 года, значит родился он примерно в 1896 году. В метрических книгах была найдена точная дата его рождения – 28 ноября 1896 [12]. Старшего сына звали Алексей. Он родился 21 июля 1895 года [11]. Удивительно, что оба брата подписывали свои фотографии, отправленные бабушке Анне Ивановне, «Леля». Также из метрических книг мы узнали, что у Марии Александровны и Геннадия Алексеевича родился сын Геннадий, но он не прожил и двух месяцев – с 5 января по 21 февраля 1894 [9; 10].

Судьба сыновей Марии Александровны от первого брака мне известна кратко и неточно. Детство у них было счастливое, Василий Васильевич их любил как своих детей. Алексей стал военным, но рано умер в 1914 году от тифа. Александр, по преданию, учился в Санкт-Петербурге, дожил до 42 лет, у него было 2 детей: Юрий и Виктория. С братом моя бабушка поддерживала отношения, но о последней не известна даже фамилия в замужестве.

Также я заметила в списке градоначальников Петра Алексеевича [19, с. 16] и Алексея Антоновича Головановых. Алексей Антонович, скорее всего, отец Геннадия Голованова, был головой с 1869 по 1872 [19, с. 43] (умер 11 сентября 1874 года [18, с. 208]), а Петр – брат Геннадия – с 1898 [19, с. 43]. Отмечается, что в последний год управления Алексея Антоновича в Бую было введено Городовое положение и впервые произошли выборы гласных. Алексей Антонович, предположительно, был женат на Александре Ивановне Головановой, то есть она может быть матерью Петра и Геннадия. Выводы сделаны на основе того, что в Некрополе есть запись о том, что 2 июня 1898 умерла Буйская купчиха Александра Ивановна Голованова и похоронена на Покровском кладбище [18, с. 208].

Рассматривая линию Головановых, я искала даты венчания и рождения членов этой семьи. Поручителями на свадьбе и восприемниками на крещении часто были родственники. Эти записи тоже помогли мне сделать некоторые предположения. Восприемником

на крещении Геннадия Геннадьевича Голованова был любимский купец Василий Антонович Голованов. Вероятно, он является братом Алексея Антоновича и дядей Геннадия Алексеевича [9]. На свадьбе Геннадия Алексеевича и Марии Александровны со стороны жениха поручителями были тот же Василий Голованов и купеческий брат Дмитрий Алексеевич Голованов [7]. Из этого я могу предположить, что у Геннадия и Петра был еще один брат – Дмитрий.

После смерти Геннадия Алексеевича Голованова Мария Александровна выходит замуж за Василия Васильевича Галанина. В этом браке у них рождается моя прабабушка Мария Васильевна.

Скоро мы решились на поездку в Буй. Перед этим мы списались с музеем. Кроме получения новой информации, я хотела поделиться с музеем фотографиями и документами семейного архива. Научные работники были очень рады ознакомиться с новым уникальным материалом. Мы договорились о том, что постараемся приехать в Буй летом снова уже с готовым исследованием.

Для себя мы нашли в экспозиции информацию о том, что «в 1880 году в завёксовской слободе мещанином Н. Ф. Кудрявцевым был построен первый винокуренный завод, который работал на сельхозсырье из деревень: Афонино, Костиново, Колодино и др. Завод ежегодно вырабатывал до 670000 ведер спирта. В 1887 году завод производил продукции на 4000 рублей в год при 14 наемных рабочих». Мы видим, что, кроме имени, еще не сходится тот факт, что Кудрявцев был купцом, а не мещанином. В метрической книге, где написано о венчании Марии Александровны, сказано, что она – дочь купца.

Итак, Александр Федотович Кудрявцев – купец 2 гильдии, с 1898 или 1899 потомственный почетный гражданин города Буя. Родился в августе 1839 года, по сведениям Книги Костромского купечества [23, с. 859]. В ней идет ссылка на ГАКО. Ф. 200. Оп. 6. Д. 2520. Л. 94 об.; Ф. 340. Оп. 6. Д. 59В. Л. 1–19. Но в архиве по таким «координатам» я нашла информацию, не имеющую отношения к Кудрявцеву. То есть вопрос даты рождения Александра Федотовича остается открытым. Также остается нерешенным вопрос о сословии его родителей: в завещании он упоминает мать Наталью Федоровну, от которой ему перешел дом, но в семье рассказывают, что он был крестьянским сыном – из богатой купеческой семьи, бывшей крестьянской. С 1877 по 1898 был городским головой.

В справочнике «Костромские купцы: родословный сборник» я нашла такую информацию о нем: «Буйский купец 2-й гильдии. Основатель и владелец Александровского винокуренного завода (1877) и спичечной фабрики (1880) и владелец трактира, двух лавок, двухэтажного деревянного жилого дома в г. Буе и др. Депутат для составления обывательской (30.03.1861) и по доходам и расходам

(28.01.1862) книг. Казначей и делопроизводитель Буйского тюремного комитета (05.08.1865). Гласный Буйской городской думы (1866–1904). Кандидат в городские головы (21.02.1869) и городской голова (22.02.1877–1897) г. Буй, при котором был перестроен Благовещенский собор (1893). Член Буйского уездного учебного совета (27.10.1880). Почетный мировой судья Буйского у. (08.01.1885). Попечитель Буйского приходского училища (26.10.1892). Почетный потомственный гражданин (1897). Кавалер ордена Св. Анны II степени (03.02.1900), серебряной медали «За усердие» на Станиславской ленте (04.02.1892) и др. Похоронен на Покровском кладбище» [23, с. 859]. Обратим внимание на то, что по сведениям справочника, Кудрявцев владел только винокуренным заводом и спичечной фабрикой, налицо несовпадение с рассказами наших близких – у него не было лесопилки.

Я нашла в интернете, а позже и приобрела книгу В. Флерова «Город Буй. Земли Костромской уголок». Изучив книгу, я узнала точные годы пребывания его на посту городского головы – с 1877 по 1898 год [19, с. 43]. По рассказу бабушки, его выбирали единогласно в течение двадцати лет, а когда только один голос был против, он покинул пост. Данные справочника «Костромские купцы» также подтверждают этот факт.

В 1880 году Александр Федотович открыл за рекой Вексой винокуренный завод, который получил название Александровский. В книге В. Флерова мы нашли такие строки: «Тогда на этом месте рос большой сосновый бор. Завод находился в расположении этого леса. Дорога к заводу из города проходила через наплавной деревянный мост через реку Вёкса. Вскоре после постройки завода Кудрявцев построил водяную мельницу на реке Костроме в местечке Булгарим, а в устье речки Гремячки – ветряную мельницу для размола зерна. Водяная мельница работала только в зимний период времени, так как летом река была полноводной и судоходной. В конце осени после окончания сезона плотина на реке закрывалась, и водяная мельница работала на полную мощность. У завода в устье речки Гремячки построили ветряную мельницу для размола зерна. Все грузы из города Буя в Солигалич перевозились водным путем на баржах, их в то время называли тихвинками. Здесь же на реке Костроме в устье Гремячки построили небольшой завод по выработке столярного клея. На углу улиц Солигаличской (ныне ул. Пролетариата) и Напольной (Комсомольская) была построена небольшая спичечная фабрика. Винокуренный завод выглядел весьма примитивно. Небольшое кирпичное здание, в котором помещалась котельная, работал один котел, аппаратура винокурения – аппарат Генц был самодельный из дерева и часто выходил из строя. С северо-западной стороны располагались «барденики», которые служили для

сбора отходов от винокурения. Барда продавалась жителям города и окрестных деревень на корм скоту по 1 копейке за ведро. Была построена солодовня для получения и выращивания солода» [19, с. 169].

Производство спирта приносило владельцу немалый доход. Только в 1909 году завод произвел картофельного спирта на сумму 27 772 рубля. На заводе работало 20 постоянных рабочих и много сезонных из окрестных деревень (Костинова, Глобенова, Талиц, Баранова, Матвейкова, Колодина и др.), они занимались выращиванием картофеля, который был основой для виноделия. У Кудрявцева были свои лошади, для которых на территории завода была построена конюшня, где трудились 6 рабочих. В 1910 году винокуренный завод наследники Кудрявцева продали помещику Подсосову [19, с. 169]. Сохранилась фотография завода уже после смерти Кудрявцева и революции.

Единственное, что смутило меня, было то, что в книге, а также и в некоторых других источниках, пишется Александр *Федорович* Кудрявцев, а не Федотович. Но в метрических книгах и документах он точно записан как Федотович.

Александр Федотович был женат на Анне Ивановне Кудрявцевой. Ее девичья фамилия, родственники и сословие не известны. По преданию, он была красивой, но бедной девушкой, когда ее выдали замуж за Александра Федотовича. У них было четверо детей: Александр (1870), Авенир (1872), Мария (1874) и Зоя (1875) [23, с. 859].

Александр Федотович умер 2 сентября 1904 года [18, с. 451]. В метрических книгах этой информации нет, ориентируюсь на Некрополь. В семейном архиве мы нашли фотографию могилы Александра Федотовича и памятника – статуи святого, поставленного на деньги благодарных жителей города Буй своему городскому голове. Как мне удалось выяснить в ходе поездки в Буй, ни захоронение Александра Федотовича, ни памятник на его могиле не сохранились.

Старшим сыном Александра Федотовича был Александр Александрович Кудрявцев. В метрических книгах Благовещенской церкви я нашла дату его венчания с Валентиной Александровной Неопихановой, дочерью рыбинского купца Александра Алексеевича Неопиханова [24], – 16 июля 1901 года [14]. Александр Александрович умер вскоре после своего отца, 16 апреля 1905 года [18, с. 451], оставив вдову Валентину Кудрявцеву. Информацию о детях Александра я не нашла.

Авенир был вольноопределяющимся военным [7]. В воспоминаниях бабушка упоминает его как Алексея, то есть таким было его имя для близких. 30 марта 1895 года [18, с. 451] он застрелился. Вероятно, случайно из охотничьего ружья, но есть предание, что это произошло из-за несчастной любви. Он был влюблен в бедную дво-

ранку, но его отец Александр Федотович гордился своим сословием и тем, что вышел из крестьян, поэтому не разрешал сыну жениться на представительнице другого сословия.

Зоя Александровна рано вышла замуж. На фотографии какого-то молодого человека из нашего семейного архива есть подпись: «Зое Александровне Гущиной». Возможно, это фотография одного из ее пасынков. В метрической книге Благовещенской церкви венчание Зои и Санкт-петербургского потомственного дворянина Константина Савельевича Гущина записано 30 января 1898 года [8]. Ей тогда было 22, а ему 47. То есть я могу предположить год его рождения – 1851. Бабушка говорила, что у него было уже четверо детей, ведь Зоя стала его третьей женой. Она же родила ему еще двоих и, по преданию, одинаково любила и своих и приемных детей. Одного из сыновей, который родился 28 июля 1899 года, Зоя Александровна назвала Авенир – вероятно, в память о брате [13].

Мария Александровна, как мы помним, во втором браке вышла замуж за Василия Васильевича Галанина. Точный год венчания неизвестен, но, учитывая, что первый ее муж умер в 1899 [18, с. 208], а дочь Екатерина от второго брака родилась в 1905 [15], это было примерно между этими годами. Екатерина Васильевна Галанина – моя прабабушка.

Итак, мы дошли до той части родословной, о которой имеется больше информации и много артефактов в семейном архиве. Ей нужно посвятить отдельное исследование. Сведения о родственниках, которых я рассмотрела в этой работе, также пополняются, а семейное древо, в котором сейчас насчитывается 235 человек, обязательно будет расти. Несмотря на то, что переезд из Буя в Петербург я не затрагиваю из-за слишком большого количества найденной информации, он обязательно будет основным событием в следующих работах, поэтому, я считаю, что название подойдет и для первого исследования.

Использованная литература и источники:

Архивные материалы

1. Государственный архив Костромской Области. Ф.56. Коллекция метрических книг церковей Костромской губ. Оп. 21. Д. 28. Л. 142–143.
2. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 28. Л. 190–191.
3. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 28. Л. 194–195.
4. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 28. Л. 244–245.
5. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 28. Л. 318–319.
6. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 29. Л. 131–132.
7. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 37. Л. 19–20.
8. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 37. Л. 21–22.

9. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 37. Л. 45–46.
10. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 37. Л. 73–74.
11. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 37. Л. 97–98.
12. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 37. Л. 137–138.
13. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 38. Л. 54–55.
14. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 38. Л. 157–158.
15. ГАКО. Ф. 56. Оп. 21. Д. 39. Л. 54–55.
16. ГАКО. Ф. 200 Костромская казенная палата Оп. 17. Д. 1 Ревизские сказки о мещанах г. Буй. Л. 6–7.
17. ГАКО. Ф. 200 Оп. 17. Д. 1. Л. 9–10.
18. Русский провинциальный некрополь. – М., 1914. – Т. 50. – С. 451. Литература
19. Город Буй – земли Костромской уголок / сост.: Вячеслав Флеров ; ред.: Татьяна Гончарова. – Кострома : Костромаиздат, 2010. – 395 с.
20. Белякова Е.Б. Улицы города Буя. – [Буй] : Буйский краеведческий музей им. Т.В. Ольховик, 2006. – 223 с. Электронные ресурсы
21. Галанин Василий Кузьмич // Государственный институт искусствознания. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России : [сайт]. – URL: <http://svodokn.ru/object/101508812?open=true> (дата обращения: 12.01.2023)
22. История Буйской земли // COSTROMA : [сайт]. – URL: <https://incostroma.blogspot.com/2016/12/buy.html> (дата обращения: 06.01.2023).
23. Костромские купцы: родословный сборник : в 2 т. Т. 1: А–К / авт.-сост.: О.В. Горохова, П.П. Резепин. – СПб., 2018. – URL: https://www.rfbg.ru/rffi/ru/books/o_2114505 (дата обращения: 04.03.2023).
24. Неопихановы (купцы, мещане, старообрядцы; гг. Р.-Борисоглебск, Рыбинск) // Форум Ярославского историко-родословного общества. – URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?s=173042a33ef83b996d95ec2672872273&showtopic=663>(дата обращения: 10.01.2023).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа XI Региональной олимпиады по краеведению (8–11 классы) Апрель 2022 года

Секция 1

УЧАЩИЕСЯ 8 КЛАССОВ

Концертный зал

Куратор секции: Елена Петровна Клишина – педагог-организатор сектора исторического краеведения и школьного музееведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Кирилл Александрович Страхов – президент Фонда развития городского самоуправления «1870», краевед; Александр Викторович Чернега – член правления Союза краеведов СПб, директор туристической компании «Прогулки», издатель; Никита Владимирович Благово – член Совета Русского генеалогического общества, заведующий музеем гимназии К. Мая; Юлия Андреевна Короблина – ведущий специалист отдела прогнозирования физиологических исследований и истории физиологии Институт физиологии имени И.П. Павлова РАН.

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Белей Кирилл	ГБОУ СОШ № 138 имени Святого благоверного князя Александра Невского Калининского района	Знаменитые выпускники школы №138. Профессор Николай Мильевич Анничков
Виноградова Анна	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района	Моя родословная
Данченко Елизавета	ГБОУ лицей № 82 Петроградского района; историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Петербургский архитектор Антонин Сергеевич Лыткин или Имя, затерянное в прошлом
Иванова Марфа	ГБОУ «Академическая гимназия № 56»; историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Мой прадед Усанкин Анатолий Гаврилович – герой обороны Ленинграда. История одного ордена

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Кляцко Мария	ГБОУ СОШ № 277 Кировского района; историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«В моей жизни было две любви – музыка и дети» (Блокадные страницы М. Л. Гольденштейн)
Рыцарев Максим	ГБОУ средняя общеобразовательная школа № 416 Петродворцового района	Знаменитые ученики школы: Арктический топограф Николай Лебединский (по материалам из фонда музея истории школы)
Харченко Кирилл	ГБОУ СОШ № 531 Красногвардейского района	«Скандинавская модель» местного самоуправления на примерах городов-побратимов Санкт-Петербурга
Якина Ольга	ГБОУ СОШ № 138 имени Святого благоверного князя Александра Невского Калининского района	Награды в моем доме

Секция 2

УЧАЩИЕСЯ 9 КЛАССА

Голубая гостиная

Куратор секции: Анастасия Алексеевна Никитина – педагог-организатор сектора исторического краеведения и школьного музееведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Лидия Анатольевна Алексеева – ведущий библиограф библиотеки ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; **Алла Вячеславовна Князькина** – руководитель РОО «Институт Петербурга»; **Анна Геннадьевна Савельева** – хранитель музейных ценностей Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда; **Алексей Дмитриевич Ерофеев** – член городской Топонимической комиссии, журналист, ведущий «Радио Петербург»; **Фёдорова Ольга Игоревна** – библиограф библиотеки ГБНОУ «СПБ ГДТЮ».

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Безрукова Дарья	ГБОУ гимназия № 402 Колпинского района	«Дедушка» и «Ася» (из истории Ижорских заводов, установка «АСЕА – SKF»)
Брикульская Анастасия	ГБОУ СОШ № 516 Невского района	О чём рассказал «замёрзший» альбом

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Дуреев Максим	ГБОУ средняя школа № 233; краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района	Ландратские книги и ревизские сказки петровского времени
Загашева Василиса	ГБОУ лицей № 533 Красногвардейского района; сектор «Археологии» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Глиняная посуда эпох неолита – раннего металла стоянки Подолье-3 (Южное Приладожье)
Исаев Максим	ГБОУ гимназия № 446 Колпинского района	«Я не геройствовала, а жила...» (Судьба Беляевой Риммы Александровны. По материалам Музея педагогической памяти)
Кузахметова Алина, Белоусов Егор	ГБОУ школа № 467 Колпинского района; ГБУ ДО ДТДиМ Колпинского района	Поэтическое наследие С.А. Инкина в фонде школьного музея (по материалам фонда музея 220-й Гатчинско-Берлинской Краснознамённой ордена Суворова II степени отдельной танковой бригады)
Лебедев Дмитрий	ГБОУ СОШ № 68 Калининского района	Итоги русско-финской войны 1939-1940 годы: победа или поражение?
Мухамедярова Амина	ГБОУ школа № 320 Приморского района	Преграда от наводнений: насколько защищён Петербург
Наседкина Мария	ГБОУ СОШ № 111 с углубленным изучением немецкого языка Калининского района	Удинцевы (по страницам истории семьи)
Шабашов Дмитрий	ГБОУ СОШ № 68 Калининского района	Мосты Кулибина: «лестница в небо» или «инженерное чудо»?

Секция 3

УЧАЩИЕСЯ 10 КЛАССОВ

Библиотека Александра III

Куратор секции: Евгения Эдуардовна Белякова – методист сектора исторического краеведения и школьного музееведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», п.д.о. ГБУ ДО ДД(Ю)Т Московского района

Жюри секции: Кирилл Борисович Назаренко – д.и.н., профессор кафедры источниковедения истории Института истории СПбГУ; **Валерия Владимировна Козлова** – к.ф.н., зав. отделом экспертизы и методологии в сфере культуры СПб ГБУ ДПО «Институт культурных программ»; **Светлана Дмитриевна Мангутова** – к.п.н., заведующий библиотекой ГБНОУ «СПБ ГДТЮ».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Белкина Дарья	ГБОУ СОШ № 84 им. П.А. Покрышева Петроградского района	Блокадные будни хранителя музея (по материалам блокадного дневника старшего инспектора учета и хранения Эрмитажа Н.Г. Шпринцин)
Белобородова Елизавета	ГБОУ гимназия № 24 им. И.А. Крылова Василеостровского района; историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	По следам шамана Ивана Ивигина
Богачёва Евгения	ГБОУ СОШ № 84 им. П.А. Покрышева Петроградского района	Реконструкция повседневной жизни П.А. Покрышева
Говорова Арина	ЦОДИВ Красносельского района; историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Детский сад №20 Октябрьского района Ленинграда в годы Великой Отечественной войны
Завадская Софья	ГБОУ СОШ № 84 им. П.А. Покрышева Петроградского района	Сравнение особняков С.Н. Чаева и С.П. Рябушинского с точки зрения архитектурного стиля
Коган Алёна	ЦОДИВ Красносельского района Санкт-Петербурга; Юношеский университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Орденская книжка моего прадеда Королева Константина Павловича
Крюков Дмитрий	ГБОУ гимназия № 402 Колпинского района	«Чтобы помнили...» (о Сергее Прокофьевиче Недилько)
Михайловский Сергей	ГБОУ средняя школа № 151 Красногвардейского района	Роль авиации в наступлении войск 17 армии Забайкальского фронта
Смородина Полина	ГБОУ средняя школа № 233; Краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района	Мой прадед Егоров Иван Васильевич – участник Великой Отечественной войны (путь солдата)

Секция 4

УЧАЩИЕСЯ 10-11 КЛАССОВ

Красная гостиная

Куратор секции: Татьяна Геннадьевна Смирнова – педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Александр Владиславович Кутузов – д.и.н., профессор Санкт-Петербургской Академии следственного комитета, ученый секретарь Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда; **Илья Владимирович Ваганов** – старший

ПРИЛОЖЕНИЕ

преподаватель кафедры истории Отечества ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П. Павлова Минздрава России; **Сергей Евгеньевич Глезеров** – к.ф.н., журналист, краевед, автор книг о Петербурге; **Эльвира Ильинична Архипова** – член Союза краеведов России, отличник просвещения.

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Астапов Денис	ГБОУ гимназия № 446 Колпинского района	Главное для нефтепровода – трубы (посвящается 300-летию Ижорского завода, Колпина, 80-летию «Артерии жизни», 70-летию трубопроводных войск Вооружённых сил России)
Дейдей Мария	ЦОДИВ Красносельского района Санкт-Петербурга; Юношеский университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Четыре поколения крестовых в истории и культуре Петербурга
Кувальд Егор, Мальгина Валентина, Осетрова Александра	ГБОУ школа № 332; ГБУ ДО «ПДДТ» Невского района	К вопросу об истории появления детских площадок в Санкт-Петербурге. Современные детские спортивные площадки МО «Оккервиль»: потери и приобретения
Латышев Александр	ГБОУ школа № 332; ГБУ ДО «ПДДТ» Невского района	Несбывшийся Ленинград: Володарский мост и его предмостная площадь
Мокшанихина Анастасия	ГБОУ школа № 411 «Гармония» Петродворцового района	Человек размером с вечность. Вадим Знаменов
Некрасова Александра	ГБОУ школа № 507 Московского района	Литературный Московский
Попова Анна	ГБОУ СОШ № 477 Пушкинского района; историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	По страницам биографий сотрудников лагеря Ленинградского Литературного фонда
Рыжайкина Вероника	ГБОУ школа № 507 Московского района	Литературное прошлое в памяти Московского района (на материале Новодевичьего кладбища)

Программа XII Региональной олимпиады по краеведению (8–11 классы) Апрель 2023 года

Секция 1

УЧАЩИЕСЯ 8-9 КЛАССОВ

Библиотека Александра III

Куратор секции: Анастасия Алексеевна Никитина – педагог-организатор сектора исторического краеведения и школьного музееведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Никита Владимирович Благово – член Совета Русского генеалогического общества, заведующий музеем гимназии К. Мая; **Светлана Дмитриевна Мангутова** – к.п.н., заведующий библиотекой ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; **Сергей Евгеньевич Глезеров** – к.ф.н., обозреватель газеты «Санкт-Петербургские ведомости», краевед.

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Баранова Вероника	ГБОУ школа № 337 Невского района Санкт-Петербурга имени Героя Российской Федерации Д.В. Долонского	«Ленинградские крылья». Участник Великой Отечественной войны – Алексей Васильевич Деев
Гачкова Мария	ГБОУ СОШ № 550 Центрального района Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	История моей семьи. Буй - Санкт-Петербург
Горовиц Тамара	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт-Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Сундук Анны Ахматовой, или о чем может рассказать один предмет
Довганюк Кирилл	ГБОУ школа № 588 Колпинского района Санкт-Петербурга	Следы прошлого (из истории Ижорских немецких колоний)
Колесникова Александра	ГБОУ ФМЛ № 366 Московского района Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«В шаге от славы» (По страницам биографии актрисы, преподавателя и режиссера Евгении Константиновны Лепковской)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Куклева Надежда	ГБОУ средняя школа №27 имени И.А. Бунина, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Мои предки Петербург в годы Великой Отечественной войны
Меладзе Юлиана	ГБОУ школа № 411 «Гармония» Петродворцового района Санкт-Петербурга	Инструмент будущего родом из прошлого. Лев Термен петербургский изобретатель – физик-композитор
Модзеров Григорий	ГБОУ лицей № 533 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Безгранично преданный науке» (история жизни Александра Альфонсовича Гроссгейма)
Подмарькова Ольга	ГБОУ СОШ № 307 Адмиралтейского района Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Оставшийся за кадром знаменитых фильмов» (восстановление биографии режиссера Ленфильма Геннадия Сергеевича Казанского)
Суходольская Виктория	ГБОУ школа № 695 «Радуга» Пушкинского района Санкт-Петербурга, ГБУ Дворец творчества Пушкинского района	Насаждения в усадьбе «Белогорка» Гатчинского района

Секция 2

УЧАЩИЕСЯ 10 КЛАССОВ

Кабинет №101

Куратор секции: Ирина Григорьевна Васильева – зав. сектором краеведения и школьного музееведения, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Кирилл Борисович Назаренко – д.и.н., профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ; **Эльвира Ильинична Архипова** – ветеран труда, отличник просвещения, член Союза краеведов России; **Алексей Дмитриевич Ерофеев** – член городской топонимической комиссии, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», журналист, ведущий «Радио Петербург».

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Бабенко Дмитрий, Островной Данила	ГБОУ СОШ №50 Петроградского района Санкт-Петербурга	Аспидная доска фабрики Макса Михельсона. (по материалам школьного музея)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Бирюкова Полина	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Блокада Ленинграда глазами Марии Сергеевны Коноплёвой (по материалам блокадного дневника)
Дормидонтов Дмитрий	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Свято-Георгиевский Мещовский мужской монастырь. Маланчиков Никифор Терентьевич (блаженный Никифорушка)
Кузьменко Анастасия	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Дипломатический успех капитана Балтфлота Петра Рикорда в предотвращении русско-японской войны
Огородникова Анастасия	Аничков лицей, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Блокадная зима Аникиевых
Поликанова Анастасия	ГБОУ школа №582 Приморского района Санкт-Петербурга	«Исаакий Приморского района»
Поспелова Елизавета	ГБОУ гимназия № 446 Санкт-Петербурга	«Летопись блокады. По воспоминаниям Мартыновой А.М.»
Сыроватко Ульяна	ГБОУ средняя общеобразовательная школа № 416 Петродворцового района Санкт-Петербурга, объединение «Юный музейвед»	«Счастливый жребий» О доверенной воспитаннице Н.Н. Фёдоровой, главном хранителе дворцов-музеев и парков Ломоносова и Петергофа (По материалам из фонда музея истории школы)
Фирсанова Элина	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Курортная жизнь Сестрорецка конца 19 – начала 20 вв. (по фондам библиотеки им М. Зощенко)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Секция 3

УЧАЩИЕСЯ 10-11 КЛАССОВ

Клуб «Дерзание» (112 каб.)

Куратор секции: Илья Владимирович Ваганов – старший методист, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Жюри секции: Александр Владиславович Кутузов – д.и.н., профессор Санкт-Петербургской Академии следственного комитета, ученый секретарь Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда; **Альбина Вячеславовна Князькина** – руководитель РОО «Институт Петербурга»; **Лидия Анатольевна Алексеева** – ведущий библиограф библиотеки ГБНОУ «СПБ ГДТЮ».

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Агаджанова Екатерина	ГБОУ школа № 582 Приморского района Санкт-Петербурга	«Судьба художника...» (П. Филонов и И. Билибин в блокадном Ленинграде)
Белобородова Елизавета	ГБОУ гимназия № 24 имени И. А. Крылова Санкт-Петербурга, историко-краеведческий клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Энергию, опыт, знания – мо- лодому поколению». Николай Павлович Ивановский: полвека на службе балету
Григорьева Мария	ГБОУ СОШ №50 Петро- градского района Санкт- Петербурга	«Пионер-костюм 1930 года. (по материалам школьного музея)»
Кокорина Анастасия	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвар- дейского района Санкт- Петербурга	Психологические аспекты деятельности женщин-снайпе- ров: Л.М. Павличенко и Р. Е. Шаниной
Менгель Анна	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвар- дейского района Санкт- Петербурга	И.С. Проханов и развитие еван- гельского движения в России в начале 20 века
Смородина Полина	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвар- дейского района Санкт- Петербурга	Вместе со страной: от во- йны до перестройки (исто- рии моей семьи)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Халдарова Камилла	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Хроника событий в Кронштадте 28 февраля – 18 марта 1921 года на основе воспоминаний участников восстания
Шинкаренко Екатерина	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Деятельность родильных домов Ленинграда в годы блокады
Щиголева Вероника	ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района Санкт-Петербурга, краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Отражение деятельности университета на страницах газеты «Студенческая правда» («Ленинградский университет») в 1920-е-1930-е гг.

Секция 4

ПРОЕКТЫ

Музей истории Аничкова дворца

Куратор секции: Вера Александровна Петрова – заведующий отделом гуманитарных программ и детских социальных инициатив ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Татьяна Матвеевна Гусенцова – к.и.н., методист ГБУ ДО ДДЮТ Выборгского района; **Светлана Юрьевна Попова** – методист, зав. отделом ГБУ ДО ДТ «Измайловский» Адмиралтейского района; **Маргарита Станиславовна Ананьева** – заведующий сектором (Музей истории детско-юношеского и молодежного туризма России) ГБОУ «Балтийский берег».

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Беляева Мария	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Сайт «Неформальный Петербург»
Бирючкова Ксения	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Медицинские вузы Санкт-Петербурга. В помощь поступающим в вузы
Борисков Марк	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт-Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Маленький» модерн
Жукова Арина	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт-Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«А.С. Пушкин в Санкт-Петербурге» (квест по Пушкинским «местам» для учащихся 5-8 классов)
Золотинкин Иван	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт-Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	История в Сестрорецке
Иванов Родион	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт-Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Ледоколы на службе стране
Костомаров Егор	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт-Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Репино для всех

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Надточий Ярослав	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт-Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Петербург в кино
Медведева Дарья	ГБОУ школы-интерната № 1 имени К.К. Грота Красногвардейского района Санкт-Петербурга	История создания памятника Константину Карловичу Гроту скульптором Марком Матвеевичем Антокольским
Сидоренков Кирилл	ГБОУ гимназия №524 Московского района Санкт-Петербурга, сектор краеведения ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Экскурсия «Торговый Невский проспект»

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на региональной олимпиаде по краеведению (8–11 классы)
2022–2023 года

Выпуск 31

**НАСЛЕДНИКИ
ВЕЛИКОГО ГОРОДА**

Подписано в печать 16.11.2023 Формат бумаги 84 × 108 $\frac{1}{32}$

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 8,62 уч. изд. л. Тираж 450 экз. Заказ № 27876

Отпечатано в ООО «ФриЛансПарк», 199178, Санкт-Петербург
В. О., 5-я линия, 70, лит. А, пом. 53Н